

Не знать ни гроз тебе, малыш,
ни туч,
Пусть каждый шаг твой
греет солнца луч!
Малыш,
Твой мирный день весенний так хорош,
Что ты и сам на солнышко похож!

Александр Жаров

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 24 (2449)

8 ИЮНЯ 1974

Утро сеятелей.

Герой Социалистического Труда Варвара Максимовна Бахолдина вручает приз своего имени лучшему женскому отряду механизаторов Т. Н. Чуйковой.

ЛИ ГОРИЗОНТЫ

Главный агроном совхоза «Советская Сибирь» Д. В. Кириллов.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПЛОДЫ ПРИНОСИТ АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА НАШЕЙ ПАРТИИ. ДОСТИГНУТЫ КРУПНЫЕ УСПЕХИ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА. КПСС ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ КОМПЛЕКСНУЮ ПРОГРАММУ СОЗДАНИЯ МОЩНОЙ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ ЭТОЙ ЖИЗНЕННО ВАЖНОЙ ОТРАСЛИ ЭКОНОМИКИ.

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ ЦК КПСС КО ВСЕМ ИЗБИРАТЕЛЯМ, ГРАЖДАНАМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.

Г. РОЗОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

— Дождичка бы сейчас,— мечтательно говорит Петр Степанович Войтюк, председатель колхоза «Родина», Шипуновского района. За окном машины холодный ветер поднимает с иссохшихся полей тучи пыли.

— Денька бы три поморосил, а то сеять нельзя...

Едем к звеньевому Михаилу Федоровичу Приходько. Я уже знаю, что звено это необычное. Колхоз закрепляет за механизаторами посевную площадь и технику. После того, как урожай убран, с людьми полностью рассчитываются за труд, за выращенный хлеб, — и за количество и за качество. Таким образом, каждый хлебороб лично заинтересован в качественном выполнении **всех** работ на протяжении **всего** лета. Земля небрежности не терпит!

А вдруг неурожай? Не ударит ли новая система оплаты по труженикам полей? Алтай недаром называют зоной рискованного земледелия... При старой системе «отпахал — плати» механизатор, казалось, был застрахован от неприятностей: зарплата постоянна, даже если недород. Председатель колхоза горячо возразил:

— Нет, не так у нас, у хлеборобов, не так! Суть звеньев высокого плодородия в том, чтобы связать личную заинтересованность

с общественной. И в самый неблагоприятный год хлебороб проявит интуицию, мастерство, не упустит ни часа, ни минуты, чтобы помочь полю. — И Петр Степанович напомнил, как еще до войны легендарный М. Е. Ефремов на этих же землях тринадцать лет подряд брал по сорок пять центнеров с каждого из тридцати гектаров. — Ефремов любил свое дело, экспериментировал. Смелый был человек. Нам с нашей техникой не к лицу брать хлеба меньше. Звеньевой Приходько похож на него хваткой.

В 1972 году механизаторы звена Приходько собрали по тридцать три центнера зерна с гектара. В прошлом — очень сложном — году чуть больше двадцати центнеров с гектара. Хорошо.

...Михаил Федорович Приходько был весь в пыли и небрит. Объявил короткий перекур. Я попросил звеньевого рассказать, почему же все-таки звено получает хлеба больше соседей? Ведь и соседи не лыком шиты...

Михаил Федорович усмехнулся:

— Вроде так, но дело наше тонкое, часто от мелочей зависит. Можно ведь и посеять раньше всех... Или опоздать, а дождя нет и нет.

Он взглянул на меня, понял ли? Я понял, дело в мастерстве. А мастерство в Шипуновском районе оплачивается особо.

И еще одна гордость Шипуновского района — нигде на Алтае нет такого крупного отряда женщин-механизаторов. В колхозе «Родина» живет и работает Надежда Константиновна Попова. Когда ей было девятнадцать лет, она получила орден Ленина за высокие надои. Потом вышла замуж, пошли детишки. Поставила их на ноги, а тем временем переучилась на механизатора. И сейчас Надежда Константиновна снова удивляет всех сноровкой: у нее самая высокая выработка на тракторе «Беларусь»! Надежда Константиновна стала кавалером ордена Трудового Красного Знамени.

Не могу не рассказать об одном необычном призе, который иногда вручают шипуновцам. Этот приз — ежик, страшно несимпатичный. Весит он почти пуд — отлит из металла в местном отделении «Сельхозтехники». Иголки из гвоздей. Встречи с этим ежом здесь, в Шипуновском районе, никто не ищет. А вручает его районный штаб социалистического соревнования бракоделам. И помогает сеять! И помогает урожай собирать! Потому что обычно все знают передовиков. А про отстающих молчали — раньше молчали, а вот теперь... Рассказывают, что когда железного ежа вручили председателю одного колхоза, тот попытался отделаться от «приза» — вернуться с ним домой, в колхоз, было выше его сил. Ежа спрятали за... дверью районного Дома культуры. Но «приз» нашла уборщица, и его доставили по адресу!.. С тех пор прошло два года, теперь в районе нет отстающих хозяйств. Но еж до сих пор остается на вооружении районного штаба социалистического соревнования.

...Алтай сеет! В конце мая были уже засеяны три четверти весенних полей. Звенья, одно за другим, возвращаются на полевые станы. Новыми всходами зазеленели горизонты Алтая.

СОВЕТСКО-АВСТРИЙСКАЯ ВСТРЕЧА

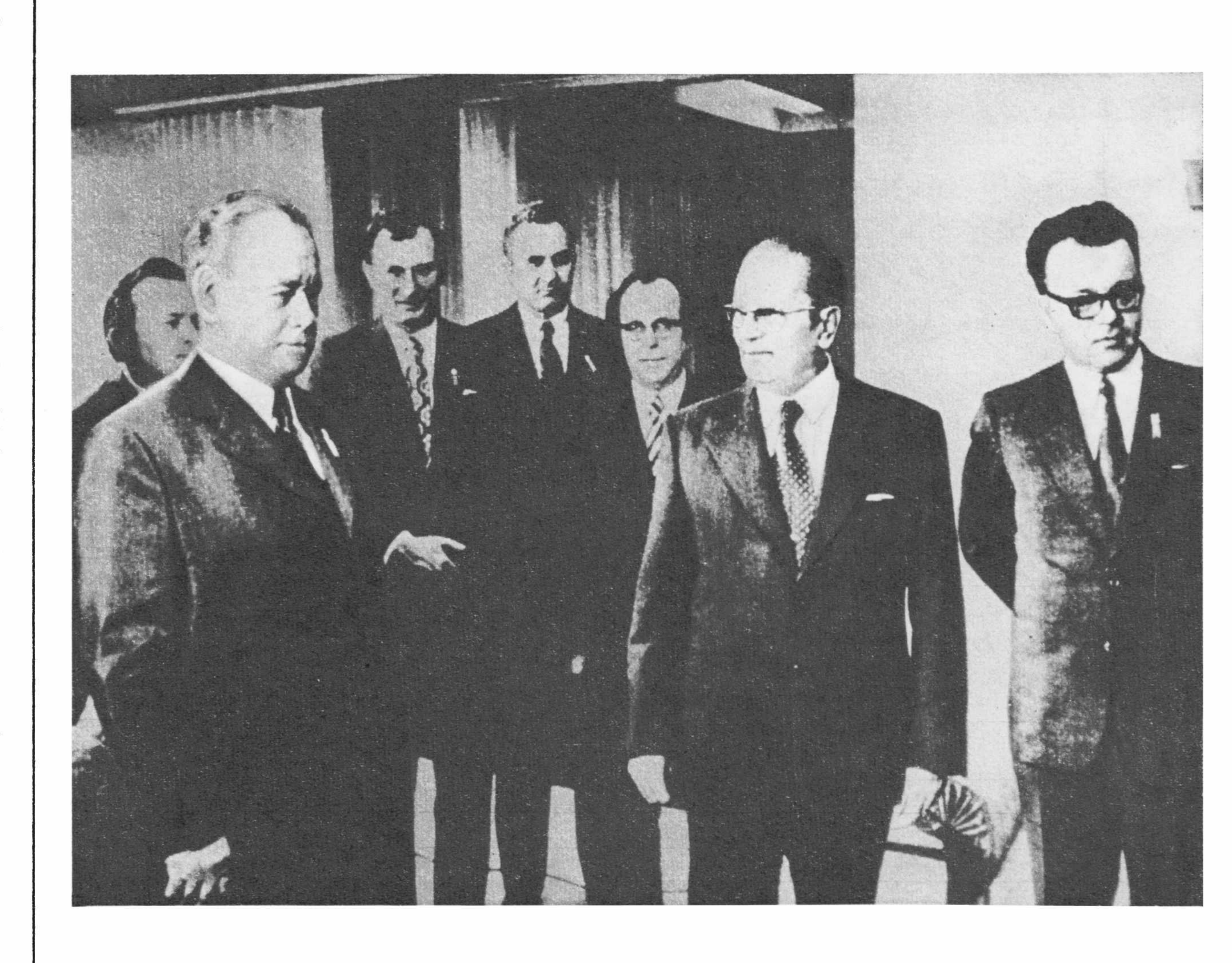
По приглашению Советского правительства с 28 мая по 1 июня 1974 года в Советском Союзе находился с официальным визитом федеральный канцлер Австрийской Республики д-р Бруно Крайский.

Глава правительства Австрии нанес визит члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному и имел с ним дружественную беседу.

Между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и федеральным канцлером Австрийской Республики д-ром Б. Крайским состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам советско-австрийских отношений и перспективам их развития, а также по актуальным международным проблемам. При этом были отмечены совпадение или близость взглядов обоих правительств по многим важным аспектам современного международного положения.

Во время переговоров.

Фото А. Гостева.

•

Х СЪЕЗД СКЮ ЗАВЕРШЕН

30 мая в Белграде закончил свою работу Х съезд Союза коммунистов Югославии. Он продолжался четыре дня. В его работе приняли участие делегации 95 коммунистических и рабочих партий, социалистических партий, прогрессивных и освободительных движений.

На Х съезде СКЮ была представлена делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС А. П. Кириленко. В Белграде на второй день работы съезда было опубликовано приветствие Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Х съезду Союза коммунистов Югославии. Делегация КПСС имела встречи с тов. Иосипом Броз Тито, другими руководителями СКЮ, прошедшие в дружеской обстановке.

Белград, 29 мая. Перед началом встречи Председателя СКЮ И. Броз Тито с делегацией КПСС на Х съезде СКЮ во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС А. П. Кириленко.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Егорова.

ШАГ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Виктор КУДРЯВЦЕВ

Что нового внесет в обстановку на Ближнем Востоке разъединение войск на участке сирийско-израильского противостояния? Какую роль оно призвано сыграть в деле окончательного урегулирования конфликта на Ближнем Востоке, установления справедливого и прочного мира в этом районе? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо прежде всего напомнить о той обстановке, которая сложилась на Голанских высотах к моменту подписания соглашения. Она определялась непрекращавшимися военными провокациями Израиля против Сирии. Почти ежедневно здесь происходили танковые бои либо артиллерийские дуэли. Израильская авиация бомбила сирийскую территорию.

Дело в том, что закрепление на Голанских высотах издавна было одной из основных стратегических целей израильской военщины. Отсюда до Дамаска менее ста километров. Это расстояние перекрывается дальнобойной артиллерией, не говоря уж об авиации. Вот почему израильские «ястребы» после октябрьского конфликта 1973 года сосредоточили свои усилия на том, чтобы «законсервировать» район Голанских высот как зону «повышенной напряженности» на Ближнем Востоке. Осуществляя эскалацию вооруженных столкновений, они рассчитывали вновь зажечь пламя военного конфликта в широких масштабах.

Разъединение войск означает крах планов израильской военщины использовать этот район как своего рода «детонатор» вспышки вооруженной борьбы на Ближнем Востоке.

Подписанием соглашения о разводе войск положено начало освобождению сирийской территории, оккупированной израильскими захватчиками. Однако более 500 квадратных километров сирийской земли все еще занято войсками агрессора. Добиться полного восстановления территориальной целостности Сирии — такова важнейшая общенациональная задача сирийского народа.

Разъединение войск — важный шаг в правильном направлении, он встретил одобрение и поддержку всех сил, заинтересованных в прочном и справедливом мире на Ближнем Востоке. И тем не менее позитивный характер этого мероприятия может быть оценен лишь в контексте окончательного урегулирования на Ближнем Востоке, сердцевиной которого был и остается вывод израильских войск со всех территорий, оккупированных в 1967 году, и обеспечение законных национальных прав арабского народа Палестины.

Силами, покровительствующими агрессору, сейчас предпринимаются попытки к тому, чтобы оторвать соглашения о разводе войск как на Голанских высотах, так и на Синае от дела общего и принципиального урегулирования, как бы подменить ими задачу осуществления резолюции Совета Безопасности № 242, содержащей ключевые положения, реализация которых призвана привести к установлению прочного мира на Ближнем Востоке на основе справедливости.

Выдвигаемые этими силами различные «эрзац-планы» урегулирования ставят своей целью помочь агрессору удержать захваченные земли. Они не имеют ничего общего с интересами прочного мира на Ближнем Востоке.

Большая ответственность в этих условиях ложится на женевскую конференцию по Ближнему Востоку: она должна, не теряя времени, перейти к рассмотрению и решению всей суммы вопросов урегулирования с целью обеспечения надежной безопасности всех государств и народов этого района.

Какова же сейчас расстановка сил на Ближнем Востоке, если рассматривать ее в плане решения этих проблем?

Израиль переживает сейчас острейший за весь период его существования политический кризис, сопряженный одновременно с серьезнейшими экономическими трудностями. Политика агрессивного сионизма завела Израиль в тупик. Растет дефицит платежного баланса, вызванный тяжелым бременем милитаризации, гнетущей израильскую экономику. Все экономические показатели — уровень доходов, прирост промышленной продукции, темпы развития хозяйства — характеризуются быстрой тенденцией к падению. Наиболее показательным фактом, вызванным политическим кризисом, является то, что в новом правительстве Израиля не нашлось места для тех, кто в течение десятилетий руководил государством, толкая его на путь агрессии и захватов,— Голда Меир, Моше Даян, Абба Эбан и другие выбыли из правящей группы Израиля.

Сделает ли новое правительство необходимые выводы из происшедшего? Будет ли пересмотрен агрессивный курс Израиля, как того требуют интересы мира на Ближнем Востоке, интересы самого населения Израиля?

Это покажет будущее. Однако уже сейчас очевидно, что позиции экстремистов в политической жизни Израиля по-прежнему остаются прочными. Не прекращается террористическая деятельность против Ливана. Как и раньше, устремления экстремистов поддерживаются их покровителями за рубежом.

Прогрессивная общественность арабских стран положительно оценила достижение соглашения о разъединении войск на участке сирийско-израильского противостояния. Этот успех народа Сирии достигнут благодаря правильной ориентации руководства страны, выступавшего в ходе состоявшихся контактов по подготовке соглашений вместе с Советским Союзом с единых позиций во имя достижения мира на Ближнем Востоке. Внешнеполитические позиции Сирии значительно окрепли в результате опоры на дружбу и сотрудничество с Советским Союзом. Большой политический эффект имел визит в нашу страну президента САР Хафеза Асада и его встречи с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

Сирийское руководство твердо считает чрезвычайно важным участие СССР на всех этапах и во всех областях урегулирования, направленного на установление прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА...

О. С. КРИВОШЕИНА,
директор Центрального музея В. И. Ленина

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая наш музей награжден орденом Ленина. В Указе есть такие слова: «За большие заслуги по пропаганде ленинских идей, коммунистическому воспитанию трудящихся на примере жизни и деятельности В. И. Ленина, на революционных, боевых и трудовых традициях КПСС и советского народа...»

В этих словах все содержание и смысл труда дружного коллектива музейных работников. Мы гордимся наградой и рассматриваем ее как стимул к дальнейшему совершенствованию деятельности по пропаганде ленинизма.

Мало кто знает, что прежде музей Владимира Ильича, основанный решением XIII съезда РКП(б) 31 мая 1924 года как отделение Института В. И. Ленина, находился на бывшей Большой Дмитровке (ныне Пушкинская улица). Сегодняшний адрес музея знаком людям на всех континентах. Достаточно сказать, что к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича мы получили экспонаты из 72 стран. Живое общение с ленинскими и историко-революционными музеями социалистических стран, Франции, Финляндии не прекращается никогда и взаимно нас обогащает.

В общей сложности музей посетило уже свыше 40 миллионов человек. В последнее время ежегодное количество посетителей — полтора миллиона. Это очень отрадно: растет людской интерес к личности и деятельности великого вождя.

Вот маленький штрих. И в рабочие и в выходные дни телефоны наши звонят беспрерывно — мужские, женские, детские голоса справляются, с какого до какого часа можно прийти в музей...

Центральный музей имеет под своим научно-методическим руководством 7 филиалов, 26 домов-музеев. В них ежегодно бывает до 10 миллионов посетителей.

Партия проявляет неустанную большую заботу об увековечении памяти Ленина. Создан колоссальный Ленинский мемориальный комплекс в Ульяновске, построено новое здание нашего филиала в Ташкенте, идут реставрационные и строительные работы в Горках Ленинских и в Шушенском.

Высокая награда ко многому обязывает. Весь наш коллектив глубоко сознает, как благородны и ответственны его труд, его задача — на примере жизни Владимира Ильича воспитывать советских людей, особенно молодые поколения, в духе верности идеям Ленина, созданной им Коммунистической партии, помогать в мобилизации масс на выполнение решений XXIV съезда КПСС.

ЛЕТОПИСЬ ДРУЖБЫ

12 июня 1964 года был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве между Советским Союзом и Германской Демократической Республикой. Краеугольный камень взаимоотношений наших государств — братское и всестороннее сотрудничество, основанное на общности целей и идеалов.

Сегодня трудно найти область, в которой не проявились бы успехи объединенных усилий двух стран. Минувшее десятилетие показало, что договор служит коренным интересам наших народов, делу социалистического и коммунистического строительства, дальнейшему сплочению социалистического содружества.

Бригада слесарей — передовиков производства трудится на заводе тяжелого машиностроения имени Кирова в Лейпциге. Продукция этого предприятия — мощные железнодорожные краны — известна и в нашей стране.

5-Я ГОДОВЩИНА ОБРАЗОВАНИЯ ВРЕМЕННОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ЮЖНЫЙ ВЬЕТНАМ

Сергей МЕДЫНСКИЙ,
кинооператор Центрального телевидения, лауреат Ленинской премии

Мы еще спали в маленьком домике на окраине уездного центра Донгха, когда недалеко грохнул взрыв. В темноте раздались голоса, заметались лучи карманных фонариков. Самолетов не было слышно, кто-то зажег огонь. Значит, это не бомбежка.

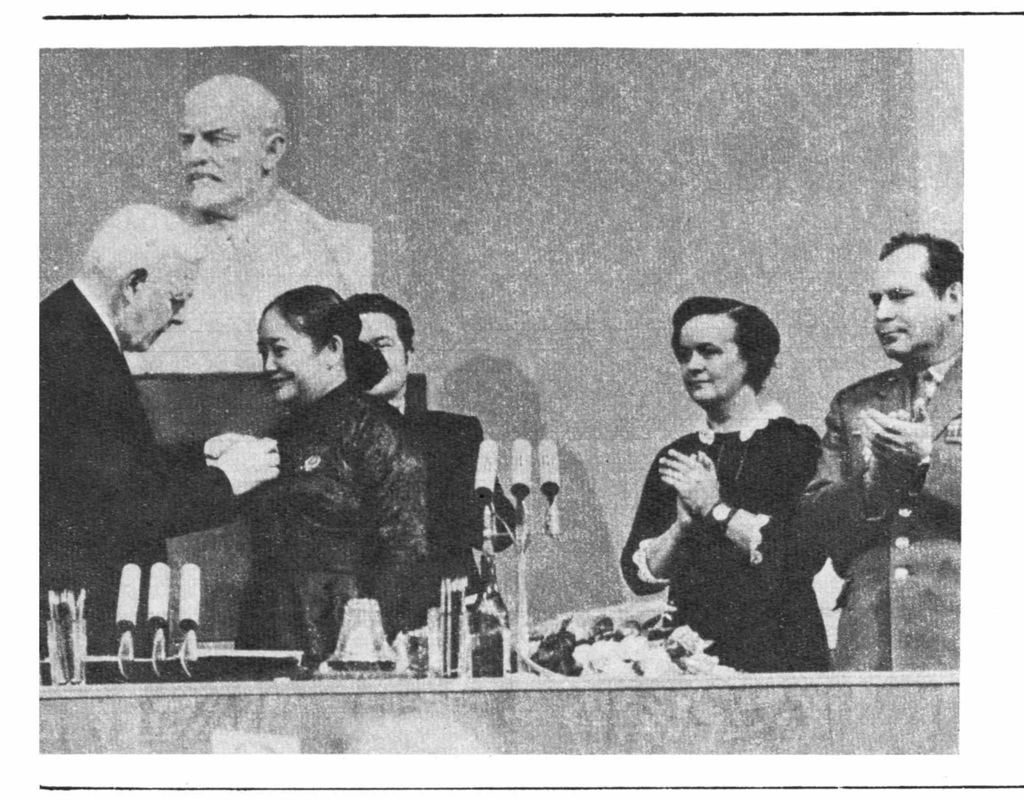
— Один из зенитчиков подорвался на мине,— мрачно сказали из темноты.— Не разглядел тропинку. Свернул и наступил.

Мне сразу вспомнилось, как наша переводчица Ен настойчиво повторяла: «Пожалуйста, не ходите по траве. Здесь еще могут быть вражеские мины».

С рассветом за нами приехал журналист, редактор газеты «Освобожденная Куангчи» Ле Нием. Дождик, моросивший ночью, кончился. Легкий серебристый туман висел над рекою, притушевывал разбитые фермы старого моста и новый, построенный совсем недавно. По гладкому настилу моста шли машины, а внизу с веселым перестуком проплывали моторные лодки, битком набитые пассажирами: жители окрестных деревень торопились на рынок. Он уже разноголосо шумел в центре города.

Мы ехали молча. Никак не шла из ума ночная трагедия. Невольно думалось, что вчера, вот в такое же тихое туманное утро, молодой вьетнамский паренек не предполагал, что это его последние часы.

Впереди показалась высокая башня с флагом Республики Южный Вьетнам. У ее подножия — два

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

3 июня в Свердловском зале Московского Кремля состоялось торжественное собрание, посвященное вручению видной общественной и политической деятельнице Республики Южный Вьетнам, члену Президиума ЦК Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, заместителю командующего Народными вооруженными силами освобождения, председателю Союза женщин за освобождение Южного Вьетнама Нгуен Тхи Динь международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

На снимке: во время вручения награды.

Фото В. Кошевого (Фотохроника ТАСС).

В ПРОВИНЦИИ КУАНГЧИ

подбитых сайгонских танка, понуро опустивших орудийные стволы. «Газик» пробежал по улицам городка, свернул к югу, и перед нами снова появились обгоревшие танки. Они стояли справа и слева вдоль дороги, распустив перебитые гусеницы. Я смотрел на них и вдруг ясно вспомнил, как тридцать лет назад стояли на советской земле подбитые танки фашистов: с распахнутыми люками, развороченными башнями, продырявленными бортами. Их давным-давно убрали с колхозных полей. Так будет и с этими: разрежут на куски, бросят в огненную пасть мартена, переплавят, заставят служить миру.

«Газик» притормозил, мы остановились перед шлагбаумом. Это был самый необычный шлагбаум из всех, какие когда-либо поднимались передо мной. В качестве противовеса к нему была привязана... гирлянда небольших авиабомб.

— Используют подручные средства,— объяснил Ле Нием и, скрывая улыбку, добавил:— Надеюсь, не забыли разрядить!

По сторонам дороги тянулись поля. Они не такие, как в Северном Вьетнаме. Там — нежная зелень рисовой рассады, оживленная сутолока работающих людей, размеренная поступь буйволов, тянущих плуг или борону. Здесь на полях затаились мины, неразорвавшиеся снаряды.

— Много лет эта земля была как мертвая,— сказал старик Фан Ки, которого мы снимали недалеко от реки Бенхай, разделяющей Северный и Южный Вьетнам.— Теперь мы вернем ее к жизни.

— В Куангчи уже есть тракторы,— добавил Ле Нием.— Ваши, советские. Их прислали из Белоруссии.

Машина бежала по широкому полотну дороги номер один. Это главная дорога страны. Она идет с севера на юг через весь Вьетнам. В северной части ее раны залечили, о жестоких бомбежках напоминают лишь асфальтовые заплаты. Здесь мы осторожно минуем воронки, разворотившие шоссе, трясемся на объездах. В больших воронках — гладкое зеркало воды, отражающее серое небо. Из мелких тянутся вверх стебли тростника. Когда-то по этой дороге можно было проехать от Ханоя до Сайгона, а теперь она прерывается у реки Тхатьхан.

Недалеко от берега нас встречают бойцы Народных вооруженных сил освобождения. Мы выходим из машины и дальше идем пешком.

На той стороне Тхатьхан — разрушенные дома, разбитые укрепления, черные остовы деревьев. Широкие ступени, заросшие травой, сбегают к самой воде. Но лодок около них нет. Эта река — граница. За серой рябью воды — сайгонцы.

На том берегу тоже появляются люди. На них зеленые комбинезоны с коричневыми разводами.

За год, прошедший со дня подписания соглашения, сайгонцы тысячи раз нарушали свои обязательства. Начальство солдата, на которого я смотрел через линзы объектива, организовывало военные нападения, бомбардировки, шпионские полеты над освобожденной патриотами территорией. За рекой Тхатьхан все еще держат в тюрьмах и лагерях сотни тысяч политических узников.

...На окраине города, в украшенном лозунгами и плакатами павильоне, собрались люди. В толпе оживленно беседующих жителей стоят солдаты в зелено-коричневой форме. Точь-в-точь как те, которых я видел утром на той стороне Тхатьхан.

— Сайгонцы? — удивленно спрашиваю я.

— Да,— говорит Ле Нием.— Они поняли, что их заставляют стрелять в братьев, и добровольно перешли к нам.

Начинается митинг. «Сегодня мы принимаем в свою среду людей с того берега,— говорит оратор.— Мы верим им. Они вместе с нами будут строить мир!»

На трибуну выходит молодой паренек.

— Меня зовут Нгуен Ван Фо,— говорит он.— Мне двадцать лет. Меня мобилизовали насильно. Но я не хотел служить сайгонским марионеткам. Я за свободный Вьетнам! Ночью я убежал, перешел линию прекращения огня. Вон там стоит моя винтовка. Она сделана далеко от Вьетнама, но те, кто дал мне ее в руки, хотели, чтобы я стрелял в своих братьев. Я не согласен с этим, и потому я здесь.

Нгуен Ван Фо уступает место другому солдату.

После митинга все выходят из павильона и окружают длинный прилавок, на котором лежат белые рубашки, брюки, носовые платки, пробковые шлемы.

Комбинезоны и куртки сайгонских солдат летят на землю.

— Это наша традиция,— объясняет Ле Нием.— В знак полного разрыва с позорным прошлым они бросают свою форму и надевают обыкновенную гражданскую одежду, которую мы им подарили.

Слова Ле Ниема тонут в реве авиационного мотора. Я кидаюсь за камерой, но не успеваю ни снять, ни увидеть сайгонский самолет, только слышу, как вдалеке раздаются выстрелы зениток.

— Шпион-беспилотник, — говорит Ле Нием.— Очередная провокация.

— Важно, чтобы обманутые и запуганные солдаты там, в сайгонской зоне, узнали, что мы не мстим тем, кто искренне раскаялся,— продолжает он.— Это поможет понять правду людям, которые пока еще в лагере врагов.

...Вечером нас привезли в небольшой зал, где уже было полным-полно зрителей. Пока занавес оставался закрыт, внимание всех привлекала моя кинокамера. Ле Нием встал рядом и громко объявил, что представители московского телевидения будут снимать сегодняшний концерт самодеятельности. Зал засиял дружелюбными улыбками.

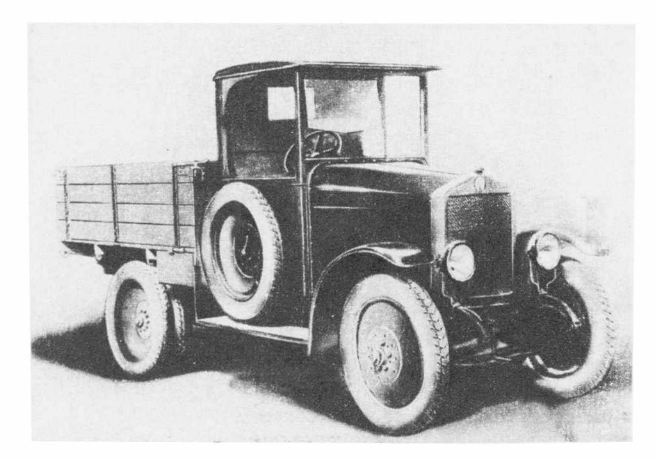
Когда начинался очередной номер, почти все зрители поворачивались и внимательно следили, снимаем мы или нет. Они гордились мастерством своих товарищей, радовались тому, что могут спокойно смотреть этот мирный концерт. Все ждали, что мы поймем и разделим их радость. И поэтому я снимал и снимал, зная, что жужжание моей камеры говорит зрителям и артистам гораздо больше, чем наши аплодисменты.

Когда мы возвращались домой, стояла черная ночь. Такая же, как прошедшая, закончившаяся взрывом. Мы снова проехали мимо зенитной батареи, где погиб солдат, и Ле Нием вдруг сказал:

— Эхо войны... Оно еще долго будет мешать нам спокойно жить и трудиться...— И, помолчав, добавил: — Завтра мы будем снимать открытие новой механической фабрики, волейбольные соревнования и заседание городского народно-революционного комитета. У вас хватит пленки?

— Конечно, хватит! — ответил я.

Куангчи — Москва.

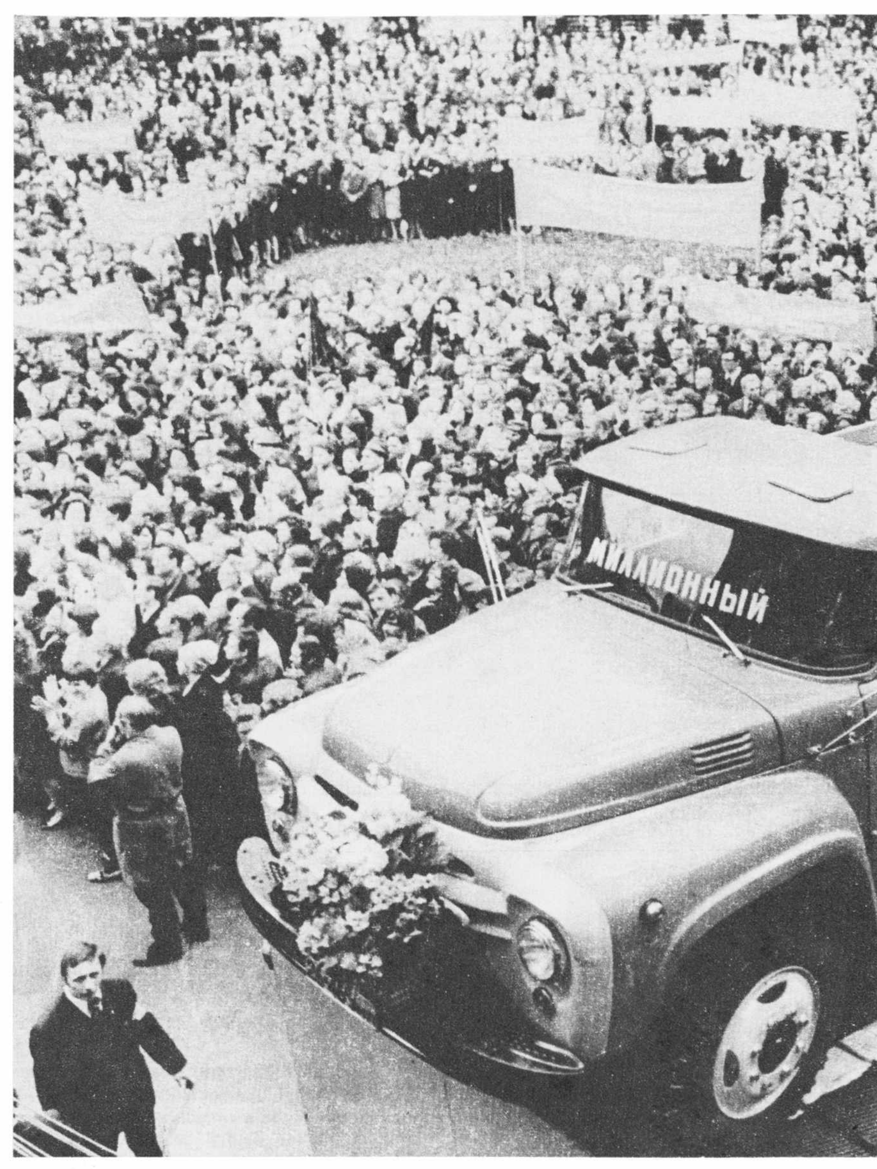

С этого начинали...

П. БОРОДИН,
депутат Верховного Совета СССР,
Герой Социалистического Труда,
член ЦК КПСС,
генеральный директор объединения АвтоЗИЛ

Полвека назад по Красной площади столицы прошли первенцы советского автостроения — десять грузовиков «АМО-Ф15». На фронтовых дорогах Великой Отечественной войны славно потрудились неприхотливые «ЗИС-5». Сегодня славу завода приумножают могучие «ЗИЛ-130», которых ныне уже миллион. К рождению юбилейной, миллионной машины завод готовился как к большому торжеству. Решили сделать ее алой. Такой она, сойдя с конвейера, и выехала на заводскую площадь.

Накануне этого события наш корреспондент беседовал с генеральным директором объединения АвтоЗИЛ Павлом Дмитриевичем Бородиным.

Митинг автозаводцев в честь миллионного грузовика «ЗИЛ-130».

ЕСТЬ МИЛЛИО

П. БОРОДИН. Миллион! Такой цифрой можно гордиться. Пятьдесят лет назад первая серийная машина, «АМО-Ф15», вышла из ворот завода. Ее собирали на козелках, ни о каком конвейере тогда не могло быть еще и речи. Стране необходим был автомобиль. И уже в первый год первой пятилетки Московский автозавод дал 1 218 машин. Теперь годовой план ЗИЛа — двести тысяч грузовых автомобилей!

Мне представляется очень показательной такая цифра: ныне на предприятии свыше 11 тысяч инженерно-технических работников. На заводе действует 100 километров конвейеров. Завод славен своими рабочими традициями. Основная масса специалистов — потомственные зиловцы. Более 40 процентов всех грузовых автомобильных перевозок осуществляется сегодня на машинах ЗИЛа.

«ОГОНЕК». Как сегодня оценивается «ЗИЛ-130» в мировом автомобилестроении?

П. БОРОДИН. Он вполне отвечает уровню лучших образцов. А по моторесурсу, по «работоспособности», надежности вряд ли имеет достойного конкурента. Это не только наша оценка, но и самых авторитетных зарубежных специалистов.

«ОГОНЕК». Рассказывают, что во время посещения ЗИЛа американским автомобильным королем Генри Фордом-младшим он спросил вас о ресурсе «ЗИЛ-130» и, услышав: «200 тысяч километров»,— мягко говоря, не очень поверил. И вы предложили ему: «Давайте поставим на совместные испытания наш и ваш автомобили. Тогда посмотрим!»

П. БОРОДИН. Был такой эпизод. Но Форд ответил: «Пас!»

«ОГОНЕК». Вот уже десять лет, как с конвейера сходят машины «ЗИЛ-130». Каковы перспективы перехода на новую модель?

П. БОРОДИН. Десять лет — срок не маленький, однако и долгим его считать нельзя. Ведь все это время конструкция непрерывно совершенствовалась. Должен заметить, что все крупнейшие заводы мира меняют базовые модели грузовиков с периодичностью примерно в 10—12 лет. Создание такого автомобиля — дело сложное и дорогое.

Новую модель мы готовим. Это будет «ЗИЛ-169». Принципиальное отличие ее — двигатель. На смену мотору карбюраторному, который, по нынешним представлениям, недостаточно экономичен, придет дизель. Мощность его — 160—170 лошадиных сил. Грузоподъемность машины в составе автопоезда — 14 тонн. Надеемся, что «ЗИЛ-169» займет достойное место среди лучших грузовых автомобилей мира в последующее десятилетие. Модель этой машины завод собирается подготовить к празднованию 50-летия советской автопромышленности, мы хотим 7 ноября нынешнего года показать ее первый образец.

ЗИЛ всегда в значительной мере отражал возможности автопромышленности страны. Многие автомобильные предприятия считают себя дочерними предприятиями ЗИЛа. Уральский, например, отпочковался от него в годы войны, возникнув на базе эвакуированных оборудования и кадров. ЗИЛу обязаны своим рождением Кутаисский завод, выпускающий грузовые автомобили, и Ликинский автобусный.

Можно считать, что и КамАЗ начинался на ЗИЛе. Здесь по поручению правительства проектировались его основные цехи или, точнее сказать, заводы. Да и автомобиль для этого автогиганта создали наши конструкторы и рабочие. Теперь мы разрабатываем отдельные технологические процессы, изготовляем некоторые виды оснастки, штампы, инструмент. Словом, участвуем в подготовке КамАЗа к пуску.

«ОГОНЕК». Кроме грузовиков, ЗИЛ выпускает и легковые автомобили и холодильники...

П. БОРОДИН. И уникальные прессы усилием от 400 до 3 500 тонн, которые охотно покупают Франция, Италия. А также большое количество станков, приспособлений, автоматических линий.

ЗИЛ сегодня — это уже целое объединение, в которое входит

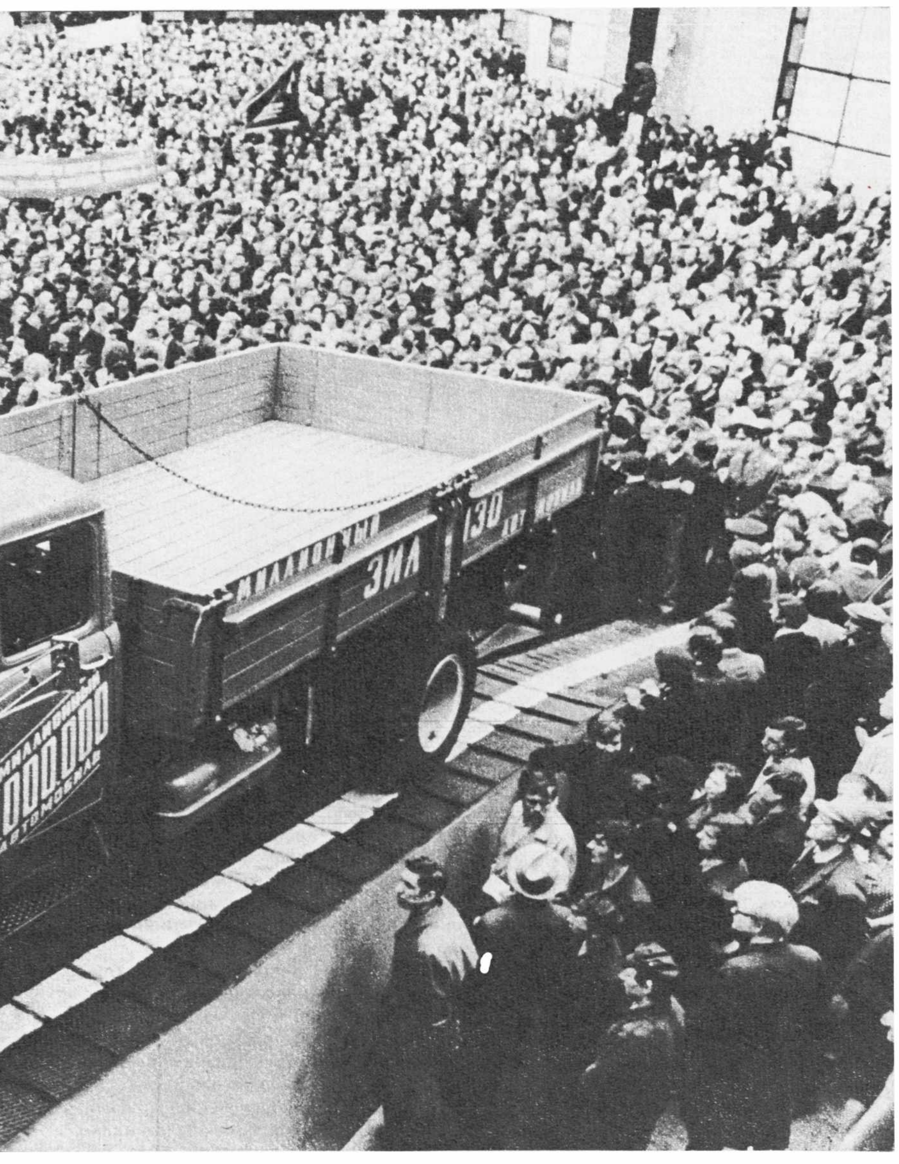

Фото А. ГОСТЕВА.

ННЫЙ!

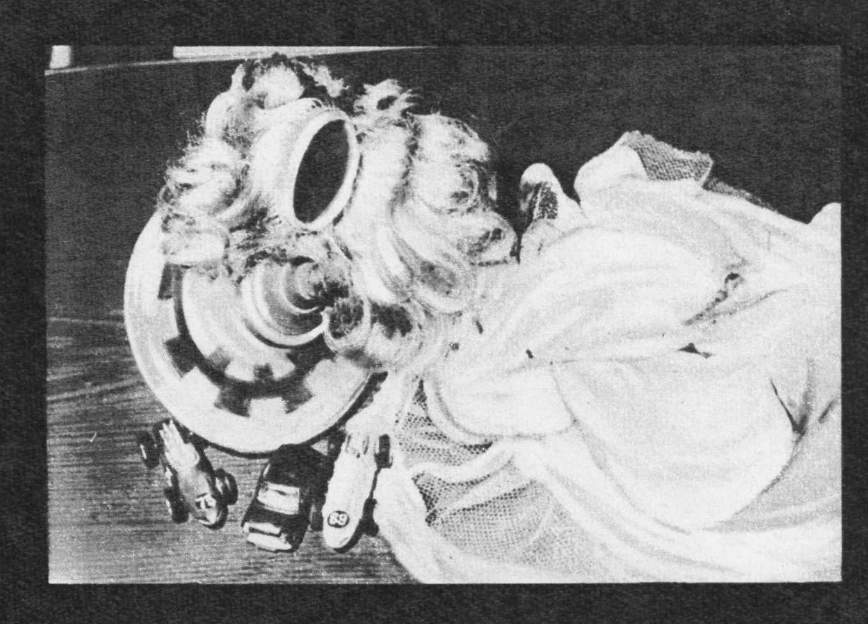
13 заводов. Они созданы как специализированные предприятия. Например, Рязанский филиал будет выпускать задние мосты и редукторы, Ярцевский — чугунное литье, Рославльский станет делать нормали. Все они взаимосвязаны технологически, экономически, административно. Последним на днях в нашу семью влился Читинский завод, который после достройки и укомплектования квалифицированными кадрами будет собирать наши машины в исполнении для севера.

«ОГОНЕК». **Вы, Павел Дмитриевич, являетесь депутатом Верховного Совета СССР, и сейчас вас вновь выдвинули кандидатом в депутаты по Пролетарскому избирательному округу Москвы. На территории округа находится и ЗИЛ. В эти дни принято отсчитывать время «от выборов до выборов». Какое событие последних лет можно считать самым главным для завода и какой из обсуждавшихся на сессиях Верховного Совета СССР вопросов вам представляется особенно важным для автозавода?**

П. БОРОДИН. Я бы назвал два события — создание объединения АвтоЗИЛ в 1971 году и награждение ЗИЛа третьим орденом Ленина по итогам работы завода в восьмой пятилетке. Что же касается вашего второго вопроса, то для нас принципиально важным и близким явилось утверждение пятилетнего плана и Постановление Верховного Совета СССР об охране природы.

Мы разработали и уже два года испытываем новый вид двигателя, с так называемым форкамерно-факельным зажиганием. Он будет более экономично расходовать бензин, выбрасывать меньше отработанных газов, что очень важно для чистоты воздуха. ЗИЛ находится не так уж далеко от центра столицы, на полуострове, омываемом рекой Москвой. Благодаря целому комплексу мощных очистных сооружений вода стала настолько чистой, что возле завода уже можно ловить рыбу. Москва должна быть чистой, как, впрочем, и все наши города...

Беседу вела С. БЕРЕЗНИЦКАЯ.

САДИСТЫ ИЗ ТЕЛЬ-АВИВА

Среди развалин домов бродят арабские дети. Может быть, они ищут погибших родителей, братьев, сестер! Но вот один из них замечает лежащую на земле яркую, красивую игрушку. Детская ручонка тянется к ней. Какая чудесная заводная машинка! Откуда знать ребенку, что таит она в себе. Мальчик берет ее в руки... и тут же раздается взрыв.

Бомбы-игрушки — новое «боевое оружие» израильской военщины. Изготовленные под куклы, волчки, заводные детские машинки, они сбрасываются вперемежку с бомбами на мирные селения южного Ливана. Десятки таких «игрушек», начиненные тротилом, были подобраны детьми и взорвались у них в руках. В больницы продолжают поступать дети с ожогами, с оторванными руками, потерявшие зрение.

Садизм, человеконенавистничество, возведенные в степень государственной политики! Только так можно охарактеризовать подобные действия израильской военщины. Ведь ни для кого не секрет, что жертвами варварских налетов авиации Тель-Авива в первую очередь становятся дети. Первой «боевой целью» израильских «фантомов» в лагере Айн аль-Хилве, где ютились 20 тысяч палестинцев, стала школа. На пригород Бейрута Мааруфие израильские самолеты зашли с моря и обрушили груз бомб на начальную школу и прилегающие к ней жилые дома. В результате бомбардировок — массовые убийства детей. После воздушных налетов израильских командос на ливанские населенные пункты Хальват аль-Баяда, Маджруфа, Дейр-Амес, Айн-Кания и Касбайя погибло большое число детей в возрасте до 10 лет, а сколько их с серьезными увечьями было доставлено в госпитали!..

В. ДУНАЕВ

Вглядитесь внимательно в эти снимки. До какой же жестокости и варварства нужно дойти, чтобы жертвами своей безудержной злобы сделать невинных арабских детей!

Фотохроника ТАСС.

ПРИБЛИЖЕНИЕ

Светозар БАРЧЕНКО

Фото В. СВАРИЧЕВСКОГО.

Из окна салона современного воздушного лайнера земля представляется на редкость однообразной и плоской.

Аккуратные квадраты полей и лесов, едва различимые кубики больших городов, серебряные блестки озер и весенние ручейки могучих рек порождают необычное впечатление игрушечности всего, что осталось там, далеко внизу. Не многое разглядишь с огромной высоты сквозь туманные просветы в облаках. И, конечно, вряд ли догадаешься, что промелькнувшая только что в синей глубине серая извилистая полоска — это великий древний путь, проложенный некогда между обрывистыми скалами, названными впоследствии воротами Тамерлана, потому что, как утверждает предание, в старину выходили через них на равнинный простор бесчисленные отряды воинов хромого потрясателя вселенной Тимурленга...

Когда же пролетаешь над здешними местами на неторопливом «АН-2», который, наверное, тем и хорош, что тарахтит себе не спеша чуть ли не над самыми крышами, картина совершенно меняется. Теперь уже не спутаешь полноводную реку с ручьем, и даже разбросанные кое-где дома степных поселков не покажутся детскими кубиками.

От горизонта до горизонта распахнулись любовно ухоженные хлопковые карты, их перерезают ровные строчки магистральных и оросительных каналов, по бетонным ложам которых струится изумрудно-зеленая вода; виден подстриженный тутовник вдоль дорог; пылит по проселку грузовик, стоят в кузове люди. Можно заметить, как встречный ветер пузырит рубахи за их спинами.

И, глядя на это с вполне уже доступной высоты, начинаешь постепенно испытывать удивление и гордость. Ведь все, что ты видишь сейчас: неохватные взглядом возделанные поля, обсаженные деревьями асфальтированные дороги, каналы и поселки,— все это создано неутомимыми руками людей, их умом, талантом и многотрудной бессонной работой. Как же не удивляться этому, как же не гордиться?.. Тем более что в не столь уж отдаленные времена здесь было пусто: простиралась вокруг бесконечная, выжженная беспощадным солнцем, мертвая, безводная равнина, издавна заслужившая недобрую славу и нареченная страшным именем — Голодная степь...

Впрочем, парить под облаками — одно, а оказаться вдруг на этой самой земле, увидеть ее вблизи, почувствовать под своими ногами и попытаться осознать перемены, происходящие сегодня в любом ее уголке,— совсем другое дело.

Мне эта земля показалась приветливой, ласковой и словно бы затаенно ждущей чего-то. Возможно, той благодатной осенней жатвы, когда она наконец-то сумеет щедрым урожаем сполна отплатить всем живущим на ней людям за их неустанную и ежедневную заботу о ее плодородии, процветании и красоте.

Именно всем людям. Я не оговорился. Всех нас поит и кормит земля. И, по моему убеждению, тревога о земле, о ее благоденствии существует подспудно в каждом из нас, пусть даже весьма далеком от сельских дум человеке. Правда, бывает, что дремлет она до поры и проявляется неожиданно, помимо нашей воли в каком-нибудь, казалось бы, случайном движении, слове, поступке...

В аэропорту города Джизак, ставшего недавно административным центром новой Джизакской области, вместе с нами из самолета вышел городской с виду, беспечный парнишка. По дороге к автобусу он легонько ковырнул носком ботинка комок желтовато-бурой, взрыхленной бульдозерами земли. Комок не рассыпался, только облупилась местами покрывавшая его, наподобие яичной скорлупы, тонкая корка. Движение паренька было непроизвольным, однако улыбающееся его лицо на какой-то миг потускнело.

Признаться, я не понял тогда, почему исчезла улыбка с лица паренька, и не придал значения происшедшему. Вспомнил же я об этом гораздо позже, уже после того, как познакомился с первым секретарем Джизакского обкома партии, Героем Социалистического Труда Сиитом Меметовичем Таировым и председателем облисполкома Эркабаем Исламовичем Исламовым.

Потом я побывал у галляаральских чабанов и в целинном совхозе «Узбекистан», созданном четыре года назад в безводной степи. Руководит этим совхозом молодая, энергичная женщина, делегат XXIV съезда нашей партии Инобат Ахунова, сестра прославленной на всю страну Турсуной Ахуновой, первой призвавшей своих подруг сесть за штурвалы хлопкоуборочных машин. Поговорил с умудренным жизнью Камолом-акой, председателем колхоза имени Алишера Навои, Героем Социалистического Труда Камолом Азимовичем Азимовым, походил по комбинату строительных материалов, в цехах которого изготовляются бетонные плиты для облицовки ирригационных каналов и панели для жилых домов, строящихся на вновь освоенных землях в Голодной степи.

Люди мне встречались разные, но в словах каждого, с кем довелось разговаривать в те весенние дни на гостеприимной узбекской земле, чувствовалась — порой невысказанная — озабоченность: как сложится судьба бережно уложенных в почву семян, чем порадуют они осенью?

Припомнился этот случай еще и потому, что в Джизаке, можно сказать, буквально все так или иначе связано с основной отраслью местного производства — с хлопком, посевам которого тогда грозила опасность.

Образовавшаяся после дождей корка не давала росткам прорваться к солнцу, и в тех хозяйствах, где случилась беда, все было подчинено одному — спасти будущий урожай. Люди и машины, специалисты сельского хозяйства, партийные и советские работники были направлены на поля.

Сообщения о том, как взрыхливают посевы, напоминали сводки с мест сражения. В этом нет особого преувеличения, ведь там и на самом деле шла упорная борьба со слепыми силами природы, от исхода которой зависели жизненные интересы тружеников джизакских колхозов и совхозов. Ведь даже в образовании самой Джизакской области хлопок сыграл, пожалуй, далеко не последнюю роль...

— Земли наши в большинстве расположены в южной части Голодной степи. По своим природно-климатическим условиям здешние края вполне благоприятны для выращивания хлопчатника, а по потенциальным возможностям эта зона, выражаясь вашим, журналистским языком,— настоящая кладовая несметных богатств,— говорил мне только что вернувшийся из поездки по районам области Эркабай Исламович.

Обветренный, загорелый, выглядел он не по годам молодо, и было трудно поверить, что за плечами у него полвека жизни, которую никак не назовешь легкой. В сорок первом году Исламов семнадцатилетним мальчишкой ушел на фронт. Дрался с фашистами в Сталинграде, был ранен в штыковом бою на Курской дуге, под Прохоровкой, а закончил войну в Берлине. Он награжден двумя боевыми орденами Славы второй и третьей степеней, а за успехи в труде — двумя орденами Ленина. Председатель облисполкома до сих пор не утратил солдатской закалки. Он быстр в принятии решений и точен в их исполнении. А когда речь заходит о его родных местах, в голосе Эркабая Исламо-

Рабочие совхоза «Узбекистан», Джизакской области, Узбекской ССР, единогласно выдвинули Инобат Ахунову кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

вича звучит неподдельное волнение.

— С первых лет существования нашего многонационального государства,— продолжал Исламов,— Коммунистическая партия и Советское правительство неизменно способствовали экономическому и культурному развитию некогда отсталых окраин царской России. Для этого предпринимались различные меры. К нам присылали новейшую технику, учителей, агрономов, врачей. Сейчас это в далеком прошлом. Советский Узбекистан давно превратился в высокоразвитую, процветающую республику. Наши хозяйства обеспечены квалифицированными кадрами специалистов, а заводы и фабрики выпускают самые сложные современные машины и оборудование. Однако это не снижает заботы партии о дальнейшем развитии наших производительных сил, об использовании внутренних резервов. Можно сказать, что создание Джизакской области в определенной степени обусловлено необходимостью помочь нам улучшить руководство хозяйствами, скорее и эффективнее освоить имеющиеся у нас богатства, использовать их на благо всех советских людей. Помощь эта весьма реальна. Уже сейчас общий объем капитальных вложений на освоение Джизакской степи равен одному миллиарду двумстам пятидесяти девяти миллионам рублей. Труженики наших колхозов и совхозов отвечают на заботу партии самоотверженной работой. В прошлом году на территории области собрано двести пятьдесят две тысячи тонн хлопка-сырца, а в нынешнем, определяющем году девятой пятилетки мы обязались собрать триста тысяч тонн.

— А какие перемены намечаются у вас в ближайшем будущем? — поинтересовался я.

— Начну опять же с хлопка. Это — главное наше богатство,— улыбается Эркабай Исламович.— Нам предстоит освоить двести тысяч гектаров новых земель в Джизакской степи, где будут проведены огромные ирригационные и мелиоративные работы. Магистральные каналы протянутся на две с половиной тысячи километров, а трубы закрытой дренажной системы покроют вдвое большее расстояние. Это позволит довести производство хлопка до шестисот тысяч тонн. Подобного размаха мы еще не знали. Джизакская область станет не только одной из ведущих в республике по производству хлопка-сырца. На богарных и поливных землях увеличатся урожаи зерна, повысится продуктивность животноводства, значительно расширится виноградарство, шелководство и другие отрасли сельского хозяйства.

— Очевидно, изменение вашего административного статуса скажется и на промышленности?

— Разумеется. Сейчас самое крупное промышленное предприятие в нашей области — комбинат строительных материалов. Минерально-сырьевые ресурсы позволяют превратить Джизак в настоящий промышленный центр. Скоро в городе начнется строительство завода сельскохозяйственных машин, где к станкам придут четыре тысячи человек. Намечено строительство ремонтно-механического завода КамАЗа и инструментального завода, трикотажной, хлопкопрядильной и швейной фабрик, а также других предприятий. В городе Обручево будет создан филиал Ташкентского электротехнического завода, валовой объем продукции которого составит несколько миллионов рублей в год, а на заводе «Центролит», мощностью сто пятьдесят тысяч тонн чугунного и стального литья в год, рабочие места займут почти пять тысяч человек. К трем действующим у нас хлопкоочистительным заводам прибавится еще четыре, что позволит перерабатывать весь хлопок на местах, а это очень важно для наших хозяйств. Вот видите, все у нас начинается и кончается хлопком,— шутливо посетовал Эркабай Исламович.— Без него мы никак не можем. Такие уж мы люди...

Хлопок. Он нужен стране. И те, кто его выращивает, кто пестует землю и обновляет ее, отчетливо сознают это и не щадят себя ради того, чтобы осенью поля покрылись буйной белой кипенью. Такие уж это люди. И мне приходится сейчас лишь сожалеть о том, что не удалось подольше побеседовать с Ситом Меметовичем Таировым. Секретарь обкома уезжал рано утром, а возвращался поздней ночью, и я понимал, что было бы бестактно донимать его расспросами. Однако и из того, что мне довелось услышать о нем, передо мной вырисовывался облик государственного человека интересной и красивой судьбы: бывший колхозный подпасок, он, наверное, мог бы посвятить себя науке (двухстрочный метод посева хлопчатника, предложенный кандидатом экономических наук Таировым, успешно применяется в хозяйствах области), но Сит Меметович избрал трудный путь партийного работника и до самозабвения увлечен порученным ему делом.

Мне кажется, есть какая-то закономерность в том, что большие и красивые дела по плечу только людям с яркими и красивыми судьбами. В этом я лишний раз убедился, познакомившись с Инобат Ахуновой.

Об основных вехах ее биографии говорили, когда рабочие и служащие совхоза «Узбекистан» единодушно назвали своего директора кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Но кое-какие подробности тогда не упоминались, и, думается, потому, что в Мирзачульском районе не найдешь человека, который бы не знал о ней всего. А штрихи эти весьма характерны.

Инобат родилась в черном, сорок первом году и с шести лет осталась без отца. Кончала среднюю школу, уже работая помощником бухгалтера в колхозе. Днем она сидела за конторским столом, а по вечерам — за школьной партой. Когда ее старшая сестра призвала девушек страны овладевать техникой, Инобат поступила в училище механизации. После окончания училища она могла бы остаться в своем колхозе имени Кирова, где работала уже ставшая знаменитой Турсуной, но ей казалось, что известность сестры будет для нее как бы гарантией всех последующих успехов, даже если она добьется их своими силами. А Инобат не ждала поблажек.

В райкоме комсомола она попросила путевку на целину и уехала в Голодную степь. Тогдашний директор совхоза имени Германа Титова, куда ее направили, отказался принять Инобат на работу и посоветовал ей поскорее возвращаться домой, к маме. Отдавая документы, он поинтересовался, не родственница ли она Турсуной Ахуновой.

— Нет, не родственница,— сказала Инобат.

— Тем лучше,— вслух подумал директор,— а то пришлось бы с тобой маяться...

Инобат разыскала секретаря партийной организации совхоза Исака Уламова. Тот выслушал девушку и, когда она сама поторопилась заверить, что Турсуной ей не сестра, не родственница, а просто односельчанка, с улыбкой сказал:

— Это не имеет значения. Ведь у нас хочешь работать ты. И по твоим делам будут судить о тебе люди... Что ж, попробую поговорить с директором. А ты поживи у меня. Может быть, подружишься с моей дочкой, вы же ровесницы...

Инобат все же приняли на работу слесарем в совхозную котельную. Но так значилось в штатном расписании, а она была истопником: возила уголь, исправно чистила топки. Доверить ей хлопкоуборочную машину директор совхоза не решился. И только после прихода нового директора ее послали на курсы бригадиров комплексных бригад.

Бригада Инобат Ахуновой получала в среднем по тридцать три с лишним центнера хлопка с каждого из ста сорока семи гектаров, а сама бригадир на четырехрядной машине «Узбекистан» собирала по триста шестьдесят пять тонн. Труд этой женщины отмечен орденом Ленина и другими правительственными наградами. Она заслуженный механизатор республики и вот теперь стала руководителем большого целинного хозяйства. А если к этому добавить еще, что у нее трое детей (муж Инобат Ниятов Ширин тоже работает в совхозе), можно представить, как занята она и на работе и дома. Но тем не менее Инобат находит время и для учебы. Ее семью в шутку называют студенческой. Она учится заочно на пятом, а Ширин — на первом курсе Ташкентского сельскохозяйственного института.

Они живут в Голодной степи, на земле, которая испокон века не родила ничего, кроме жестких трав и верблюжьей колючки, потому что ей не хватало воды. Инобат и Ширин приехали в эти края по комсомольским путевкам, чтобы преобразить землю, напоить ее влагой, построить на ней удобные и красивые дома, школы, вырастить сады. Мне кажется, что они очень счастливые люди. Ведь это их трудом преображается земля, и то, о чем они мечтали когда-то, сбывается у них на глазах. В канун первомайского праздника сюда пришла по вновь построенному каналу вода, которая оросила три тысячи гектаров полей. А это значит, что обязательства совхоза собрать около десяти тысяч тонн хлопка получили еще одно и весьма существенное подкрепление...

Совхоз «Узбекистан» — молодое хозяйство. Ему нет еще и года. Издалека видны его постройки, стоящие в открытой всем ветрам голой степи. Таких совхозов намечено создать в Джизакской области более тридцати. И когда они окрепнут, когда наберут силу, здесь зашумят листвой деревья, а вдоль дорог будут цвести алые степные маки, и проезжающий по этим местам человек, возможно, подумает, что так было всегда.

Во всяком случае, так показалось мне, когда я ездил по полям колхоза имени Алишера Навои с председателем Камолом Азимовичем Азимовым. Центральная усадьба, полевые станы бригад — все тут было в зелени, и все было создано заботливыми и неутомимыми руками людей, которые вырастили для себя в такой же неприветливой степи сады и виноградники, любовно ухаживая за каждой яблоней, каждым топольком. Я сказал об этом Камолу Азимовичу, однако он не согласился со мной:

— Вы сказали: «для себя». А человеку в общем-то нужно не так уж много. И если бы он сажал деревья только для себя, то не обновил бы землю...

В его словах была убежденность, основанная на собственном жизненном опыте и на опыте многих поколений тружеников-дехкан, знающих, какой ценой зеленеет земля.

Колхоз имени Алишера Навои — высокомеханизированное, современное хозяйство. Каждый из двух с половиной тысяч гектаров здесь дает в среднем около сорока центнеров хлопка, а валовой доход приближается к шести миллионам рублей. Колхоз строит жилые дома, в которых есть газ, электричество, водопровод, средние школы, детские сады и клубы. И, побывав в этом хозяйстве, я еще раз убедился, что стройка — наиболее характерная примета сейчас в Джизакской степи.

Благоустраивается и строится центр новой области. В этом году в городе открывается педагогический институт, проектируется строительство филиалов Ташкентского медицинского и политехнического институтов, драматического театра, домов культуры, библиотек, больниц и кинотеатров. В ближайшем будущем ввод жилой площади здесь достигнет ста пятидесяти тысяч квадратных метров в год, а среди новых кварталов возникнут парки и скверы. Уже нынешней весной джизакцы высадили на улицах города более одного миллиона саженцев фруктовых деревьев и роз. Мне думается, что в этом содержится особый смысл. Ведь преображающему землю человеку нужна вода, не только бегущая по бетонным желобам на хлопковые поля, но и сверкающая утренней каплей росы на распустившихся цветах. Вечное стремление человека к красоте помогает ему стать созидателем, творцом. И в конечном счете приближает то прекрасное будущее, во имя которого трудится вся наша великая семья, именуемая новой исторической общностью — советским народом.

Джизакская область,
Узбекской ССР.

Эти ребята учатся в средней школе имени Улугбека, построенной на средства колхоза имени Алишера Навои, Джизакской области, Узбекской ССР.

СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ. МНОГООБРАЗНЫ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ, ЕГО ЧЕРТЫ. КАКУЮ ИЗ НИХ ВЫ ОСОБЕННО ОСТРО ОЩУЩАЕТЕ В СВОЕЙ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ?
С ТАКИМ ВОПРОСОМ КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ОГОНЬКА» ОБРАТИЛИСЬ К ЛЮДЯМ РАЗНЫХ ПРОФЕССИЙ И ВОЗРАСТОВ.

СВЕТЛЫ

ЧЕМ ЗНАТЕН ЧЕЛОВЕК

Г. В. МАСЛЕННИКОВ, Герой Социалистического Труда, начальник комсомольско-молодежного монтажного управления № 4.

— Я убежден, что одна из главных черт советского образа жизни—коллективизм. Во всяком случае, всем, что умею и имею, я обязан коллективу, рабочему коллективу.

Никогда не забуду, как сиротой возвращался в Москву из эвакуации — ехал на крыше воинского эшелона. Солдаты меня заметили, втащили в теплушку. Я приготовился к худшему. Но меня не били, не ругали — солдаты накормили, одели, обули. Так что в Москву я приехал в солдатских ботинках, галифе и выцветшей гимнастерке. Ею-то я больше всего гордился: гимнастерка успела побывать в боях с японскими самураями.

Мне было уже семнадцать, но образование — лишь два класса. Я решил, что учиться не имеет смысла, да и кормить меня некому. Поступил на тормозной завод учеником токаря. Дела у меня шли неплохо, и в качестве поощрения я получил так называемую килограммовую хлебную карточку, которую выдавали только рабочим горячего цеха. Люди моего поколения знают, как много значила в те годы такая карточка: шутка сказать, килограмм хлеба в день!

Казалось бы, живи, радуйся. Но коллектив вмешался в мою судьбу: предложили учиться в вечерней школе рабочей молодежи. Я испугался, как же так — семнадцатилетнему парню идти в третий класс? Сказали, можно и в пятый. Ладно, пошел. Само собой, посыпались двойки. Разозлился, засел за книги. К концу года вышел в отличники... А в сорок восьмом, следуя призыву комсомола, пошел на стройки столицы. Попал в бригаду каменщиков Агея Артамоновича Иванова. Сколько со мной возились и сам Иванов и вся бригада, пока стал я настоящим каменщиком...

Году в шестьдесят втором, когда я уже был бригадиром, довелось мне побывать в Австралии. Реакционные газеты подняли шум, никакая, мол, это не рабочая делегация. Тогда я заявил: посылайте меня на любую стройку, и я покажу, кто есть кто. Народу собрало-о-сь... Я, конечно, волновался, начал суетиться, к тому же кирпичи там другого, непривычного размера. Но вспомнил слова мудрого Агея: чем хуже идет дело, тем спокойней работай. Взял себя в руки и за час уложил столько кирпичей, сколько австралийские каменщики за смену.

Не помоги мне в разные годы коллектив, я бы не закончил школу, институт, не поступил бы в аспирантуру. И не стала бы наша бригада первой среди строителей страны бригадой коммунистического труда. Не окажи мне рабочие доверия, не был бы я тогда депутатом Верховного Совета СССР и членом Центральной ревизионной комиссии КПСС. От меня же, как, впрочем, и от каждого члена коллектива, требуется только одно: работать на совесть.

...К нам часто приезжают различные делегации бизнесменов. Помню, как один из них остановился около доски почета и, недоуменно разводя руками, спросил: «Кто эти люди? Кинозвезды, космонавты, знаменитые ученые? Что они сделали, чем прославились?» «Трудом»,— ответил я. Человек у нас славен трудом! Я объехал почти полмира и с полной ответственностью заявляю: только в социалистическом обществе труд может прославить человека.

А. С. БЕЛОКОНЬ, председатель Иванопольского сельсовета, Донецкой области.

ВЛАСТЬ—ЭТО МЫ ВСЕ

— В ответ на ваш вопрос можно рассказывать о многом. И о своей жизни — отец мой погиб под Корсунь-Шевченковским в сорок четвертом; на руках у нашей матери, колхозницы, осталось шесть мальцов; и о жизни односельчан — как выходили они в люди, как живут, трудятся...

Но вот история, которая особенно запомнилась мне, председателю сельсовета. Она, думается, очень характерна для советского образа жизни.

Осенью 1971 года на сессии сельского Совета мы говорили о том, как повысить продуктивность наших земель. На поливе, допустим, одни получают восемьсот центнеров свеклы с гектара, а другие в таких же условиях — двести. То же и в других местах и по другим культурам. Вот и решили мы разобраться, как говорят, «от и до», почему так происходит.

Многое выяснили... Но среди прочих вопросов и такой возник: кое-где сейчас земли ухудшаются, даже выходят из употребления. Иван Кузьмич Ищенко, колхозник, руководитель депутатской группы из Нелеповки, сказал, что возле речки Кривой Торец мы по жадности распахиваем почву почти до самого берега. В половодье и с большими дождями плодородный слой смывается. А депутат Любовь Васильевна Бышинева — она учетчицей в бригаде работает — напомнила, что возле села Александро-Шультино речка совсем заилилась и некогда плодородные земли превратились в болото и теперь не используются. Вспомнили и о десяти гектарах старого тутовника, который давно высох,— о придорожных полосах необрабатываемой земли, о покинутых хуторских усадьбах, заросших кустарником... И поняли, что вопрос назревает серьезный, есть смысл поговорить о нем отдельно на следующей сессии. Организовали комиссию, привлекли актив... И когда обсудили этот вопрос на сессии, нам стало ясно, что уже в ближайшие годы на территории сельсовета можно дополнительно ввести в сельскохозяйственный оборот сто восемьдесят семь гектаров бросовых земель! Решили сделать все до конца пятилетки.

Мы, конечно, считали это своим внутренним делом. Мало ли какие дела решают на местах! Что такое наш сельсовет? Пятьдесят два депутата от пяти тысяч жителей. Девять сел, два колхоза. Как говорится, семья тесная. И вот мы решили: надо прививать людям понятие, что общая земля — это не значит ничья. Наоборот, это твоя, моя, его земля. Наша. И дело пошло. Нашей работой заинтересовались в районе, области. Предложили мне выступить на сессии Донецкого областного Совета депутатов трудящихся, рассказать о борьбе за землю, за хозяйское отношение к ней. Рассказал. Ум хорошо, а два лучше. Стали выступать депутаты из других мест. Стали вспоминать другие потери, а ведь их можно избежать. Наш почин и почин наших соседей — депутатов Красноторского поселкового Совета подхватили в республике, а затем и по всей стране.

Мы даже не ожидали, что все это примет такой размах. Делом, которое мы начали, заинтересовался Верховный Совет Украинской ССР.

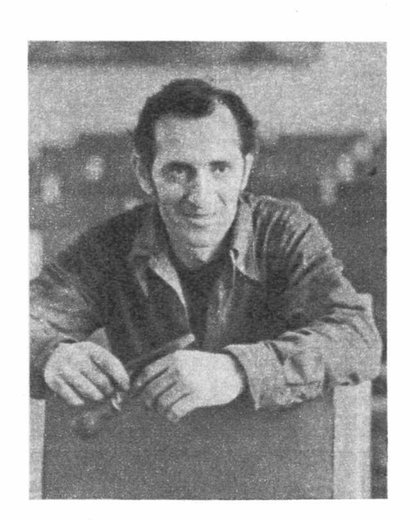
И вот читаю в «Известиях»: в Кремле состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР, и на нем выступил Председатель Президиума Николай Викторович Подгорный. Радостно было мне читать такие слова: «Н. В. Подгорный отметил, что инициатива Ивапольского сельского и Красноторского поселкового Советов Донецкой области была одобрена Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза».

И подумалось: вот она, живая, неразрывная связь! Мне кажется, это очень яркий и убедительный штрих нашего образа жизни. Ведь Советская власть — это мы все.

Е ЧЕРТЫ ЭПОХИ

Владимир ДУДИН,
бригадир формовщиков литейного цеха новосибирского завода «Сиблитмаш»

ПОТЯГАЕМСЯ!

— Ранним утром выхожу я из дома. Еще мало машин на улицах, еще солнце не набрало сил, чтобы подняться над крышами домов, а к заводу уже двинулся рабочий народ. Идут по двое, по трое, идут группами и никто поодиночке. Вскоре и я нахожу знакомых, вливаюсь в общий поток. Идет к проходной наша бригада. Посмотрю на парней — душа радуется. А как вспомню, что всего полтора года назад их и бригадой-то назвать было нельзя, самому удивительно становится. То есть формально они, конечно, в бригаде числились, на нашем же формовочном участке, только коллектива у них никак не получалось. Бригадиры менялись там часто, план вечно не выполнялся, ну и заработок поэтому не ахти какой был. Обидно нам все это было и как-то даже непонятно. Обидно потому, что все мы общее дело делали, давали стране оборудование для литейного производства, гордились маркой своего завода, себя хозяевами на нем чувствовали, а эти вроде бы из другого мира, все им безразлично. Парни в большинстве своем неплохие как будто, умелые, но что-то у них не клеилось. Что?

Стали мы за ними наблюдать внимательней, формуем-то почти локоть к локтю. Я тогда в бригаде Александра Федоровича Жукова работал. Бригада передовая, одна из лучших на заводе. И вот примечать стали, что наши соседи делают все вроде как мы, но как-то без души и очень медленно. Может, они и хотели быстрее, а только не получалось это у них. Стали мы обсуждать, как бы им помочь. Тут я возьми да и скажи:

— Вот если бы кому-нибудь из нас в той бригаде месяца два поработать, может, и вышел бы толк...

— Два месяца, наверное, маловато,— задумчиво ответил Жуков.

На том разговор тогда и закончился. А дня через два вызвали меня в партком и предложили возглавить отстающую бригаду. Я согласился.

Не скажу, что дела сразу пошли в гору. Жуков прав оказался. Только месяца через четыре стал я понимать людей. Увидел, что они хорошие парни и могут все, только потеряли под давлением неудач веру в себя. Предстояло ее вернуть. Иные из них не прочь были опоздать на работу, а то и вовсе прогулять. Я решительно восстал против этого. Кое-кому пришлось даже временно понизить разряды, а злостного прогульщика Гончарова уволить. Неплохой был специалист, но мнил, что без него бригада пропадет. Но мы не пропали. Как-то незаметно, месяц за месяцем дело налаживалось. Пришел наконец день, когда мы впервые выполнили месячный план. В бригаде был настоящий праздник. Все словно впервые увидели друг друга, открыли сами в себе умение, характер, мастерство, вдохновение. А главное, ощутили силу коллектива, взаимной выручки.

— Не вечно нам в последних ходить,— ликовал один.

— Теперь-то мы с Жуковым потягаемся,— поддерживал другой.

Я радовался вместе со всеми. Я видел, что до бригады Жукова нам еще далеко, но был твердо уверен, что теперь мечтать можно о многом. Мечтать и воплощать свои мечты в жизнь. А общее наше дело от этого только выиграет.

ВОЗМОЖНОСТЬ ТВОРИТЬ

Янис ИВАНОВ,
народный артист СССР

— На вопрос «Огонька» я уже ответил однажды языком музыки — пятнадцатой симфонией, название которой в переводе на русский означает «О себе». Это симфония и о времени и о себе — о жизни человека, которому известны не два, а четыре государственных строя. Родился я в начале века, следовательно, родился при царизме, помню годы правления латвийского буржуазного правительства, пережил фашистскую оккупацию. И вот уже тридцать лет работаю в своей родной Советской Латвии.

Язык музыки!.. У нее свои средства выражения, своя философия. Музыка — это познание жизни. Год от года утверждался советский образ жизни, и все чаще я задумывался над тем, как выразить мне себя как гражданина СССР. Что для меня в этом гражданстве главное? Возможность творить!

Композитором я стал еще при буржуазном строе. Но жизнь тогда была очень трудной.

Начну с истоков. Я родился в Латгалии, в деревеньке Бабры, теперь она вошла в состав разросшегося города Прейли. Поэтичным, музыкальным по самой сути был мой равнинный зеленый край! Но какая нищета царила в моей Латгалии — и при царе и в годы так называемой «независимости»! Кусок белого хлеба — в самые большие праздники. Но как только заводилась лишняя копейка, наша семья покупала гармошку, а если денег не хватало — балалайку.

С раннего детства язык музыки стал моим родным языком. Неизвестно, что получилось бы из ребячьей любви к музыке, если бы наши матери не оказались во время империалистической войны в Смоленской губернии. На станции Смоленск был музыкальный кружок железнодорожников, куда меня определили. До сих пор помню преподавателя по классу фортепиано Прокушинского, преподавателя по теории музыки Драпмана. И до сих пор в Смоленске у меня друзья.

Хотелось учиться и учиться. На мое счастье, как раз в 1919 году — в год установления Советской власти в Латвии — открыли консерваторию. Организовал ее известный петроградский профессор Витол. В 1920 году семья переехала в Прейли. Я прожил там года четыре. И уже будучи неплохо подготовленным, поступил в консерваторию. Витол и был моим учителем.

Внешне все выглядело благополучно. Но так ли на самом деле? Вспоминаю, сколько раз меня исключали из консерватории за то, что нечем было платить за учение. Я никогда не имел постоянного, надежного заработка. Если я получал работу на радио, то мне всегда хотелось сделать ее как можно скорее, но это значило, что, закончив ее, я снова стану безработным. Оставалось одно: уехать домой в деревню, пахать, сеять, косить. И беречь пальцы, чтобы они не задубели от работы, непогоды и мозолей. И все же я благодарен моим деревенским полям: они кормили меня в тяжкие годы безработицы. И я часто думал: для чего же дан мне музыкальный дар? Творчество сковано, если над художником тяготеет страх потерять кусок хлеба и крышу над головой, оказаться без средств к существованию.

...Вот уже тридцать лет я живу без этого страха. Я пишу музыку, ту, которую мне хочется писать. Я знаю, музыкальный язык понятен моему народу. Я имею в виду не только латышей, но и эстонцев, и русских, и украинцев, и нанайцев — всех, кто населяет Советскую страну.

Наиболее значительными своими произведениями я считаю двенадцатую симфонию — «Энергико», которую я посвятил 50-летию Великого Октября; тринадцатую симфонию я посвятил Ленину. И, наконец, пятнадцатая симфония — она обо всем том, что я рассказал сейчас читателям «Огонька».

Абуталиб ГАФУРОВ,
народный поэт Дагестана

ДАЛЬ ВРЕМЕН

ЕСЛИ ЗАХОЧУ Я...

Если захочу я
Олово хвалить,
С серебром могу я
Олово сравнить.

Если медь простую
Надо мне воспеть,
Словно золотую
Покажу вам медь.

А когда придется
Воспевать алмаз,
Для строки найдется
Драгоценный глаз.

Глаз сравнить нам не с чем.
Замолчать должны,
И ничтожны речи,
И слова бедны.

Я ПОНЯЛ...

Любое дело в ладонях пело.
Еще мальчонкой, чумаз и мал,
Научился я первому в жизни делу:
Из навоза и глины месить саман.

В горах то морозно, то очень жарко,
То снег засыплет, то дождь зальет.
В руках подростка пастушья палка —
Второе в жизни дело мое.

Ни дня не прожил я бесполезно,
Ни часу в безделии не прошло.
Раздувать меха и ковать железо —
Третье, суровое ремесло.

Четвертым было славное дело
Лудить посуду, красную медь.
Заставляя все, что уже потускнело,
Словно новенькое, блестеть.

Я сил не жалел. Но скажу при этом,
И мои уста, клянусь, не солгут,
Только когда я стал поэтом,
Я понял, что же такое труд.

ЗУРНА

Люди с веселым нравом
Любят мою зурну,
Она им поет про травы,
Про солнце и про луну.

Про женщин и про дорогу,
Про землю, что всех милей.
Вот почему так много
У меня на земле друзей.

Слушают горы строгие,
Как взлетают поверх лесов
То тихие, то высокие
Все восемь ее голосов.

Звучат они все сильнее.
От песен моей зурны
Умерли восемь злодеев,
А восемь других больны.

Звуки поют и плачут,
В них слышится даль времен.
В них кони по тропам скачут
И слышится сабель звон.

Конечно, зурна не сабля,
Не срубишь с плеч головы,
Но звуки ее не ослабли,
И руки мои не мертвы.

Мы песне своей не изменим,
Не глядя на груз годов,
Чтобы умерли восемь злодеев
От наших восьми ладов.

НЕ УДИВИТЕЛЬНО...

Не удивительно, что я в тебя влюблен,
Что догораю, как в печи поленья.
Краса твоя, которой опален,
Вот что и впрямь достойно удивленья.

Гляжу и глаз не в силах отвести
От твоего ласкающего взгляда.
Как мог цветок подобный расцвести,
Вот этому и впрямь дивиться надо.

Когда бы ты сама себя могла
Через мои глаза увидеть ясно,
Ты лишь тогда бы только поняла,
Как ты, моя любимая, прекрасна.

СЕРДЦЕ МОЕ

Бесстыжая смерть
Идет по пятам.
Кости бери,
Сердце не дам.

Темным могилам,
Смертям и гробам
Наши сердца
Не по зубам.

Сердце свое
Завещаю вам я,
Поэта друзья,
Песен друзья.

Сил я своих
Для вас не берег,
И вы не пускайте
Скорбь на порог.

Песни мои
На свадьбах звучат,
Песни мои
Дойдут до внучат.

Тело мое
В гробе сгниет.
Сердце мое
Песни поет.

ПЕРЕД ВЫХОДОМ СОЛНЦА

Перед выходом солнца
Горы будут гореть.
Будто олово льется
На красную медь.

Будто золото борется
С темно-серым свинцом.
Забываются горести,
Трудно быть не певцом.

Трудно быть не ашугом
В этот утренний час.
Горы сомкнуты кругом,
Друг за дружку держась.

Горы крепки и хмуры,
Горы — каменный хор.
Тихо дремлют аулы
Под защитой у гор.

ОБ ОДНОМ МОЛОДОМ ПОЭТЕ

Прежде чем заняться делом,
Надо к делу подойти.
Надо делать все умело,
Даже и овец пасти.

Если все оставил, дабы
Хлеборобом знатным стать,
Научись сперва хотя бы
Рожь от проса отличать.

Сообщу я вам, ребята,
Не краснея от стыда,
Что лудильщиком когда-то
Был я в давние года.

Я учился понемножку
Возле жаркого огня.
И сначала делать ложку
Мастер научил меня.

Кропотливо, жарко, тяжко,
Каждый шаг — с большим трудом.
После ложки делать чашку
Мне доверили потом.

Научился — делай смело.
Стал я мастером большим
В день, когда впервые сделал
Уж не чашку, а кувшин.

Так я думал. Но однажды
Вижу юного певца,
Что в поэзию отважно
Не с того идет конца.

Хочет все освоить сразу,
Увлечен и окрылен.
Вместо чашки прямо с таза
Начинает дело он.

Но при виде той отваги
Я качаю головой.
Знаю я, что у бедняги
Таз получится кривой.

И поняв свою оплошку,
Поворачивая вспять,
Все равно придется с ложки
Понемногу начинать.

ПОХОЖИ...

Бездельник, что мелет пустые слова,
И мельница, если пусты жернова,
Похожи.

Сосна на скале, среди диких камней,
Себялюбец, который бежит от людей,
Похожи.

Луга и поляны в июньских цветах,
Красивые женщины в ярких платках
Похожи.

Работа людей, если люди дружны,
А также веселая песня зурны
Похожи.

Пустая на чьих-то плечах голова,
Дурная о ком-то по свету молва
Похожи.

ГОРДОСТЬ

Поднебесный край мой горный,
Чем гордишься ты?
Тем ли,
Что глядишь на землю
С горной высоты?

Или редкостные клады
Держишь в глубине?
Или яркие наряды
Носишь по весне?

Не наряды и не клады.
Я одним горжусь:
Что со всей землей как надо
Вместе я тружусь.

Я кормлю овец отары,
Молодых ягнят,
По моим ущельям старым
Родники звенят.

И не шлю я вниз лавины,
Не грожу бедой,
А людей внизу, в долинах,
Я пою водой.

В Чири-юрте есть плотина,
Все о ней поют.
Там тяжелые турбины
Крутит Чири-юрт.

Но откуда эти силы
Черпает река?
То ее мои вспоили
Недра и снега.

И еще большая гордость,
Выше похвалы,
Что выращиваю горцев
Смелых, как орлы.

БРОНЗА И ЗОЛОТО

Потому ли, что смолоду
Был неопытен глаз,
Только бронзу за золото
Принимал я не раз.

Посильнее надраить,
Будет солнца ясней,
Покупали, я знаю,
Обманувшись на ней.

Дорогая потеря,
Так похоже блестит.
Но меня-то теперь уж
Этот блеск не прельстит.

Он ведь только снаружи,
Так и к людям иди:
Слов красивых не слушай,
На дела их гляди.

И пшеницы, я знаю,
Лучше горстка одна,
Чем рассказ краснобая
Про вагоны зерна.

Сталью славится сабля,
Что ей ножн серебро.
Лучше истины капля,
Чем неправды ведро.

КОНЬ И СЛОВО

Конь для джигита — жизни основа,
Так мы считаем, обычай ценя.
Но слово мужское, хорошее слово
Стоит коня и дороже коня.

Глазом сверкает, строен, как дева,
Уши играют, ноги — струна.
Плеткой направо и плеткой налево
Разве хорошего бьют скакуна?

Хлыст покажи — и опять поскакал он,
Слившись в одно с удалым ездоком.
Так и мужчине разве пристало
Дело — не дело молоть языком?

Слово одно — драгоценное слово,
Слово, как взмах и как посвист хлыста,
А повторенное снова и снова,
Лишь оскверняет мужские уста.

Перевел Владимир СОЛОУХИН.

К. Минина — Матрена и Л. Марков в роли Каратаева.

Фото Б. Вдовенко.

ТУРГЕНЕВ НА ТЕЛЕЭКРАНЕ

Инсценировка — явление, все еще в высшей степени загадочное для теоретиков сценического искусства. Можно ли «переводить» произведение одного вида искусства в другой? И как это делать? Создавая сценический вариант по мотивам литературного оригинала, сохранять лишь «дух» его или максимально приближаться к «букве» литературной первоосновы?..

Все эти вопросы давно решаются искусствоведами. А развивающийся театр буквально каждый день ставит все новые вопросы по проблеме инсценировки. В последнее время к ней обращается и телевидение.

В пору младенчества телевидения телеспектакль (инсценировка) соответственно и выглядел младенчески. Это был бесхитростно отснятый на пленку театральный вариант литературного произведения. По мере развития ТВ, становления его как искусства, телеспектакль стал приобретать специфические «телевизионные» черты, обнаруживая жанровое и видовое многообразие. И вот хотя бы на основе недавних работ ТВ кратко остановимся на двух телеспектаклях: «Записки охотника» и «Месяц в деревне».

Что и говорить, задача стояла сложная: здесь в руках классический литературный материал, объединенный общей идеей, где каждый образ дополняет проблематику, уточняет идею.

Авторы инсценировки «Записки охотника» остановились на трех рассказах: «Свидание», «Петр Петрович Каратаев» и «Гамлет Щигровского уезда». Естественно сужается таким образом и круг проблем и идейный замысел, хотя отбор оправдан.

Здесь сохраняется антикрепостническая направленность произведения, гуманистический его пафос. В трех рассказах представлены почти все основные социально-психологические типы, к которым обращался Тургенев в «Записках охотника»: это и «живые, талантливые крестьянские души», и самодуры-крепостники, и лакействующие дворовые, и степняки-помещики...

И, наконец, рассказы, пожалуй, наиболее сценичные. Они даже драматизированы «по форме»: диалог в «Свидании», монолог с возможными игровыми вставками в «Петре Петровиче Каратаеве» и монолог-исповедь в «Гамлете Щигровского уезда»... Однако же авторы инсценировки весьма пассивно реализовали сценические возможности тургеневских рассказов. Они пошли «за буквой» произведения, воплотив на экране даже автора-рассказчика, внешне стилизовав его «под Тургенева». Режиссура в спектакле минимальная: «Записки охотника» — спектакль «актерский». И безусловно, основная заслуга — «Петр Петрович Каратаев» в исполнении Л. Маркова. Эта работа достойно продолжает традиции советского театра одного актера.

А вот другая тургеневская передача: «Месяц в деревне».

«Комедия эта... не назначалась для сцены. Это собственно не комедия — а повесть в драматической форме. Для сцены она не годится, это ясно...» Так — словами из предисловия Тургенева к журнальной публикации «Месяца в деревне» — начинается телеспектакль, поставленный режиссером Екатериной Еланской.

Ну что ж, посмотрим, сколь это несценично, явно улавливаем мы озорные нотки в голосе Л. Круглого (Ракитин), «открывающего» спектакль. На экране появляется надпись: «Месяц в деревне». Комедия». Именно комедия. Именно то, мимо чего долгое время проходили постановщики пьесы.

Да, это комедия, и играть ее надо легко, весело, озорно и серьезно, гротескно и иронично, в противовес бытующему иной раз мнению, будто пьесы Тургенева — нескончаемые диалоги скучающих господ.

Постановочный коллектив телевизионного «Месяца в деревне» нашел точный и умный подход к пьесе.

Романсовые заставки к каждому действию, исполнительская манера, прекрасные стилизованные костюмы и декорации — все это создает зрелище веселое, увлекательное, где шутит все, даже деталь. И вместе с тем это спектакль серьезный: создатели его ни в коей мере не исказили демократическую идею пьесы, оставшись верными сути и духу тургеневского произведения.

Пожалуй, самая сильная сцена спектакля — объяснение Шпигельского (В. Лакирев) с Лизаветой Богдановной (Е. Васильева), где комедийность достигает поистине трагического звучания. На таком же уровне остро строит образ Ислаева А. Калягин. Откровенно гротескны Анна Семеновна (Э. Урусова) и Большинцов (Ю. Медведев).

И еще одно достоинство этого спектакля — он молод. Возраст исполнителей соответствует указаниям Тургенева. Мы не привыкли видеть столь юных и задорных Верочку (прекрасно сыгранную Л. Гребенщиковой) и Беляева (Б. Быстров), молодую и обольстительную Наталью Петровну (Е. Уралова)...

Многим еще памятен успех постановки Е. Еланской «Месяца в деревне» на сцене Театра имени Ермоловой. Спектакль, поставленный Еланской на ТВ, — не просто экранный вариант, это произведение новое, оригинальное,— телеинсценировка, доказывающая, какими они могут быть интересными и различными.

Н. ДЫМОВА

ФИЛЬМ ПРАЗДНИЧНЫЙ, УЛЫБЧИВЫЙ

Две маленькие девчонки мечтают выучиться танцам, стать балеринами, но папа у них бедный человек, извозчик... Тогда за дело берется молодая соседка, тоже бедная, но энергичная, полная участия к этой семье; она ищет выход из положения наивно, пылко, но все кончается наилучшим образом, как это и должно быть в веселых мюзиклах.

Вышеописанный «бродячий» сюжет попал в Грузию. И вот фильм «Мелодии Верийского квартала», созданный на студии «Грузия-фильм» режиссером Георгием Шенгелая, вышел на экран. Весь он пронизан веселой шуткой, музыкой, танцами, — словом, он праздничен и улыбчив, а также добр, потому что в основе его лежит идея человеческой дружбы, взаимной заботы... И еще — фильм имеет точнейший адрес: старый Тбилиси, Верийский квартал. То есть он определенно национален и не только по музыкальной своей канве.

Примечательно, что этот фильм — попытка грузинских кинематографистов сказать свое первое слово в жанре мюзикла. И как к первому слову, к нему найдутся и претензии. Но как бы там ни было, зрителя ожидает радость встреч с уже полюбившимися, хорошо известными актерами: Софико Чиаурели, Алисой Фрейндлих, Вахтангом Кикабидзе, с композитором фильма Георгием Цабадзе, с детьми (а они особенно хороши, непосредственны перед кинокамерой) и со многими другими мастерами Грузии, проявившими себя неожиданно и ярко в этом изящном кинопредставлении.

И. СЕМЕНОВА

На снимке: заслуженная артистка Грузинской ССР С. Чиаурели в фильме «Мелодии Верийского квартала».

САМОЗАБВЕННЫЙ ГОЛОС

Наверное, нет в нашей стране поэта более любимого, чем Сергей Есенин: всем, но на разную глубину открыто золотое есенинское слово, удивительный песенный лад его поэзии. Она, уже сама по себе музыка, словно рождена для того, чтобы ее пели.

Солистка Москонцерта Вера Прокушева по праву считается лучшей исполнительницей есенинских песен и романсов.

Не сразу и не вдруг пришла к ней слава. Через трудное детство, через тяжелый труд шла певица к своему призванию. Окончила музыкальное училище, Гнесинский институт. Молодой артистке предстояло решить главное: найти свою тему, свою точку опоры, не затеряться среди других исполнительниц. Постепенно в ее репертуаре появляются вокальные циклы на стихи Пушкина, Лермонтова, Блока, программы из романсов Мусоргского и Танеева...

Но подлинным открытием и для слушателей и для нее самой стала Есениниана. Работа над ней потребовала нескольких лет. Сейчас насчитывается около пятисот романсов и песен на слова Есенина. И уже в отборе произведений проявился безупречный вкус Прокушевой, глубокое проникновение в лирику Есенина. Певица подолгу жила в селе Константинове, вглядываясь и вслушиваясь в край, подаривший Родине великого поэта.

Интерпретацию Веры Прокушевой отличает удивительная слитность музыки и слова в исполнении, выразительная мимика, точный жест. Большая заслуга в раскрытии музыкальных, истинно есенинских образов принадлежит талантливому концертмейстеру В. Соколу-Мацуку.

Сколько раз каждый из нас слышал знаменитое «Письмо матери». Это один из первых романсов на слова Есенина; он написан В. Липатовым полвека назад. Уж пели его, перепели, и кто знает, какого труда стоило певице вернуть ему изначальную нежность и задушевность, уберечь от слащавости и надрыва. Сестра поэта, Александра Александровна, говорит: «Помню, как на концерте в Политехническом музее она (Прокушева) пела «Письмо матери», и в ее исполнении было столько чувства, что в зале многие плакали. И я не побоюсь сказать, что в ее исполнении этот романс мне нравится больше, чем в исполнении других певцов».

Вера Георгиевна открыла «есенинский» талант композитора А. Флерковского; хороши «Ночь», и «Сани», передающие поэтический полет есенинской музыкальной лирики.

Особенно же глубокое, мощное впечатление оставляет исполнение романсов Г. Свиридова. Мягкое сопрано певицы способно выразить и кульминационные взлеты и тончайшие психологические нюансы «Песни под тальянку», «На земле живут лишь раз», «В сердце светит Русь», «Есть одна хорошая песня у соловушки»... Именно здесь, в этих маленьких шедеврах, единство слова, музыки и голоса достигает удивительной гармонии.

Красивым и сильным голосом одарила природа Веру Прокушеву, словно знала, что доверяет его красивому и доброму человеку. Но Прокушева не просто возвращает людям, жизни свой талант. Она приумножает, совершенствует его. Ее сила в искренности, внутреннем единстве с тем миром, где родилась песня.

В. ВАРЖАПЕТЯН

Тополь за окном

Б. ПРОТОПОПОВ

Громадное окно палаты смотрит на залив. Река здесь глубоко врезается в низкий берег, поросший кустарником. Великолепно сияет солнце. По сверкающему снегу снуют разноцветные фигурки.

Федор Антонович ни залива, ни лыжников не видит. Для обозрения ему доступна только макушка тополя, дотянувшегося сюда к окну пятого этажа. Еще на подходе к интернату я обратил внимание: все тополя, растущие кругом здания, обрезаны, а этот нет. Как оказалось потом, главный врач интерната Антонина Петровна попросила садовника его не трогать.

Одна из веток чуть ли не вплотную прильнула к стеклу.

— Она распустится раньше всех,— говорит Федор Антонович,— все же, наверное, ей теплее, чем другим... Вот и теперь: до весны еще далеко, но что-то уже произошло, что-то тронулось в ней!

— Рано еще,— говорю я.— Февраль. Солнце — на лето, зима — на мороз!

— Нет, нет,— горячо протестует Федор Антонович,— я-то знаю. Вот поглядите-ка!

Исхудалой рукой он медленно, медленно (мучительно наблюдать за этим движением) тянет что-то из-под подушки за длинный тонкий ремешок.

Я прихожу на помощь и вытаскиваю бинокль.

— Ну-с? — спрашивает он, хитро прищурив большие светлые глаза.

— Вы правы,— говорю я, наводя окуляры на ветку.— Отмершие чешуйки встали дыбом. Такое впечатление, что веточка, как змея, хочет скинуть старую шкуру. И почки, по-моему, на ней больше, чем на других сучках.

— Ну, это вы врете,— смеется Федор Антонович,— почки начнут увеличиваться через месяц, а то и больше. Потом разбухнут, станут краснеть по краям, отодвигаться от ствола...

Он с увлечением, выговаривая каждое слово внятно, рассказывает о своих наблюдениях. А я смотрю на бинокль. Старый потертый полевой бинокль с треугольной маркой: «Заводъ гл. арт. Управления. С.-Петербургъ». По торцу нацарапаны буквы: «Федя. Помни эти дни! Ноябрь. 41 г.»,— читаю я вслух.

— Дорогая для меня вещь. Командир полка вручил лично. Бинокль служил, наверное, еще русскому офицеру в германскую войну. Немало помотался на груди какого-нибудь лихого конника в гражданскую. И в отечественную «повоевать» пришлось. Ноябрь сорок первого. Мой батальон вел бой за Ростов-на-Дону...

Федор Антонович лежит неподвижно, широко открыв глаза, а пальцы на правой руке шевелятся, будто стараясь ухватить, сжать рукоятку нагана.

— А еще где пришлось воевать?

— Где только не был! После госпиталей попадал в разные части. Из боев не выходил до той проклятой контузии под Ригой...

Осенью сорок четвертого подполковник Томилин пробирался на свой КП, когда началась бомбежка. Его откопали через полчаса. Пришел в сознание только на третий день, а вышел из госпиталя лишь после победы.

«Как будто все в порядке! — подытожил врач, выстукав его перед выпиской.— Дешево отделались!»

Он только улыбнулся тогда: а как же иначе? Не из таких переделок выходил живой!

Ни малейшего порока не нашла в нем и медицинская комиссия, когда его по решению командования направили на учебу в Академию Генерального штаба.

Герой войны. Полковник с академическим значком. Строен. До сорока еще далеко... Удивительно ли, что Вера Семеновна, Верочка тогда, в смятении опустила перед ним накрашенные ресницы!

Он был такой большой, сильный. Она с ним расцветала, становилась красивее. Да, она любила и восхищалась им. И он, гордый ее любовью, тоже был счастлив.

— Как же это могло произойти? — неосторожно произнес я вслух и сам содрогнулся от бестактности вопроса.

К счастью, Федор Антонович понял его посвоему.

— Вот так и произошло, десять лет назад. В апреле. Мы с женой собрались в театр...

К театру они подъехали рано и тихонько прогуливались в сквере, когда вдруг дикая, острая боль пронизала все его тело. Растерявшаяся Вера с помощью какого-то парня усадила его на скамейку. Прошло несколько секунд, и боль исчезла так же внезапно, как и появилась.

Он облегченно вздохнул, приняв эту боль за приступ радикулита, и даже посмеялся над этим «старческим недугом», который вдруг проявил себя так некстати. Однако, выходя из театра, Федор Антонович прислонился к стене и неузнаваемым, каким-то чужим голосом попросил Веру вызвать такси.

И снова госпиталь. На долгие, долгие годы. Его осматривали самые яркие медицинские светила столицы. Пожимали плечами. Хмурясь, подчеркивали в истории болезни слова «1944 г. Глубокая контузия».

То вспыхивала, то потухала надежда.

— Ты должен, ты обязан выздороветь! — твердила Вера, держа его руки.

— Так точно, а как же иначе! Томилин никогда не сдавался! — кивал он в ответ.

Но болезнь прогрессировала. Он уже не мог ходить, с трудом держал в руках карандаш. Все невнятнее становилась речь.

Но приходила Вера, брала его за руки, и боль отступала, вновь приходила надежда.

Как много значила теперь для него эта женщина, которую он привык опекать. Она теперь сама стала его опорой.

Но как-то после ее ухода он поймал себя на том, что думает о выражении ее лица. Что-то незнакомое, чужое. Таким оно было только мгновение, когда она вошла в палату, но этого достаточно, чтобы насторожиться. Он стал вспоминать. Да, однажды был быстрый, «незаметный» взгляд на часы, хотя время свидания далеко еще не закончилось. Страх, мелькнувший в глазах, когда он ей сказал, что все чаще отказывают ноги. Еле заметный вздох облегчения при расставании...

Вот тогда полковник Томилин и начал сдавать. Он еще не верил в предательство, но мысль об этом жгла. Томилин спрашивал себя: имеет ли он сейчас право требовать любви? Не любви — жертвы?

И отвечал себе: да, если есть хоть какая-то надежда на выздоровление, и — нет, если надеяться не на что.

Значит, нужно внести в это дело ясность.

В этот же вечер он попросил посидеть с ним молоденькую сестру. Настойчиво, искусно выведал у нее все, что говорили врачи.

На свидании с женой он сухо и коротко сказал, что приговорен. И когда она, не удержавшись, воскликнула: «Боже мой, опять одна!» — притворно зевнул, пожаловался на усталость. Взглянул на часы. Вера с готовностью поднялась с места.

На следующий день он послал ей для представления в суд заявление о разводе и короткую записку с просьбой не приходить.

И она больше не пришла.

Еще года три мытарили его врачи. Потом друзья устроили в интернат для инвалидов и престарелых.

Федор Антонович ехал сюда с болью в сердце, но так тепло встретили его в этом дворце с устланными коврами холлами, комнатами, убранными зеленью, что он быстро отмяк. Ему нравилось, что в своей светлой комнате-палате он как бы хозяин: сам платит за нее и за питание. Пенсия же у него большая. В интернате библиотека и всегда свежие газеты и журналы, а главное — заботливый, постоянный медицинский контроль.

И порядочный кусок синего неба и тополь в окне.

— ...Последнее время все думаю, хорошо бы жизнь свою описать, да карандаш в руках не держится,— говорит Федор Антонович.

— А если попробовать на пишущей машинке? — предлагаю я.

— Не удержишь на коленях: тяжела,— отвечает он.

Я набрасываю в блокноте чертеж специальной скамеечки для машинки, которую легко изготовить в любой мастерской.

Федор Антонович с интересом рассматривает чертеж, вносит свои поправки.

Потом вдруг кидает взгляд на часы.

Я поднимаюсь.

— Извините,— говорит он смущенно,— сейчас меня кормить придут... Не очень приятное зрелище!

Чуть дотронувшись до сухой, легкой руки, я вышел и в коридоре встретил главврача Антонину Петровну. Похоже, она ждала меня:

— Ну как, не расстроили вы его? Охотно с вами разговаривал?

Я успокоил ее и, в свою очередь, спросил, кто его навещает.

— О!— ответила Антонина Петровна.— К нему часто приходят друзья и сын.

— Сын?

— Да, славный такой парень. Подолгу сидит. Его посещения нам, врачам то есть, очень помогают в лечении.

— А... жена не бывает?

— Нет, ни разу. Однажды письмо от нее пришло. Из Костромы. Я сама понесла, чтобы обрадовать. Никакого эффекта. «Положите, пожалуйста, на столик!» — и все. Но едва я повернулась к двери, сразу потянулся за ним... Тоскует, конечно!

— Как же так... Мать в Костроме, а сын здесь?

— А сын здесь,— подтвердила Антонина Петровна.

— Значит, не так одинок Федор Антонович! Но Вера... Что произошло? Ведь он же ее ждет!

И я поехал в Кострому.

В адресном бюро мне дали адрес Веры Семеновны Томилиной, а еще через полчаса я уже звонил в ее квартиру.

Дверь открыла женщина лет сорока с миловидными чертами лица.

— Да, я — Вера Семеновна! — сказала она, удивленно приподняв брови.

В моем представлении она была совсем другой. Несколько смешавшись, я довольно неловко пробормотал, что вот, дескать, недавно был у Федора Антоновича, и будучи здесь проездом, решился навестить...

— Входите,— прервала она меня,— как его здоровье?

По мнению врачей, особого ухудшения нет.

— А сами вы, простите, кто?

Я представился.

— Ах, вот что... Корреспондент... Я знаю, что не он направил вас ко мне. Значит, по собственной инициативе? Хотите разворошить дела давно минувших дней. «Разобраться, понять»... Так это, кажется, у вас называется?.. Понять третьему, чужому человеку то, что не могли понять мы сами! Зачем вам это нужно?

— Да мне хотелось бы... Извините, впрочем,— ответил я.

Она стояла, повернувшись к окну.

— Прошло много лет,— заговорила она,— но и сейчас я думаю, что поступила правильно. Мой первый муж бросил меня с ребенком... Теперь постарайтесь представить себе мое положение тогда: одна, без образования, без специальности. Устроилась приемщицей в прачечную... И вдруг — Томилин! Как свет во тьме! Я влюбилась мгновенно и сделала все, чтобы он полюбил меня. После всей моей бедности — отличная квартира, полный достаток. Наконец, институт. Он настоял на этом. И вдруг все рухнуло: я сиделка — и только... Мне жить хотелось, поймите! Вернее, опять как-то устраивать жизнь. Федор это понял... И облегчил разрыв.

Вера Семеновна помолчала, потом резко добавила:

— Да, не раскаиваюсь, хотя и осталась тоже в одиночестве.

— Как в одиночестве, а сын? — не удержался я.

— Сына я потеряла,— сказала она угрюмо.— Все делала для того, чтобы он ни в чем не знал нужды, получил бы высшее образование, стал порядочным человеком... Вместо благодарности — грубость, неуважение. Отказался жить за мой счет. Поступил на какой-то завод... Вот вам еще кусок жизни. А вы ищете везде справедливость.

— Да,— сказал я, думая о своем: мне представилась белая палата, постель и светлые глаза, устремленные на ветку тополя. Потом добавил, поднимаясь: — Мне пора, простите!

Она молча кивнула.

Позже в гостинице я подумал: хорошо, что не сказал ей: а ваш сын сейчас, наверное, там, с Федором Антоновичем, не с отчимом — с отцом! Вряд ли она поняла бы, почему произошло именно так.

И еще я подумал: есть на свете справедливость. Во имя этого и написал эту историю, не называя, конечно, подлинных имен ее участников.

ПРОСТОЕ ЧУДО СКАЗКИ

Сказка не существует без веры в нее. Сказку нельзя играть со сцены, если зритель сразу же, едва только увидев декорации, не доверится создателям сказки полностью, безоговорочно. Постановщик Р. Соколов и художник спектакля «Конек-горбунок», идущего на сцене филиала Малого театра СССР, М. Соколова делают нас не зрителями, а скорее участниками действия — и фантастического и простого одновременно. Понятия эти не взаимоисключающи: вспомним сказку П. Ершова, и все станет ясным. Ершов не рассказывает нам, почему чудо произошло,— он ставит нас перед фактом, для него естественным, и мы ему верим. Так и здесь. Взрослые люди — режиссер, актеры, художник — поверили в сказку и передали веру тем, кто сидит в зале. И малыши забыли, что они шли сейчас по улице, над ней было обычное небо, по нему не летали люди на длинноухих коньках; и лошади, которых они видели, не похожи на эти ослепительно прекрасные создания фантазии режиссера и художника. И совсем ни на что не похоже вот это грациозное длинноухое существо с рыжей челкой... Конька-горбунка играет З. Андреева, и он оказывается именно таким, каким представлялся всегда волшебный конек.

Интуитивно ощущая отношение создателей спектакля к герою, зрители встречают доброжелательным доверием Иванушку, едва только А. Потапов, играющий эту роль, появляется на сцене.

Но Ивану приходится нелегко! Хочет погубить его завистливый Спальник, роль которого прекрасно играет заслуженный артист РСФСР М. Новохижин. Чего он только не придумывает, рассказывая царю об Иване!..

И мы всей душой сочувствуем нашему герою, получившему от царя задачу невыполнимую. Но Иван-то не унывает! Отчаянная решимость, позволяющая ему без страха пускаться в самые головокружительные предприятия, и доверчивое его удивление всему необычному, и внезапные приступы отчаяния — ах, конек, пропали мы! — все это создает образ живой, достоверный. Герой — отважный и добрый, веселый и доверчивый, ловкий и удачливый — побеждает, несмотря на вредность царя. А уж как он вреден, этот царь, ехидный, тощий старикашка, который держит в страхе весь свой двор! Жадность у него поистине царская: хочу коней, хочу жар-птицу... В блестящем исполнении В. Носика царь не просто зол и ехиден — он страшен. И облегченно вздыхают зрители, когда он погибает в «котле с водой вареной»...

Маленькие зрители аплодируют с такой силой и искренностью, с какой можно выражать свое отношение к искусству, лишь когда тебе чуть больше пяти лет и ты только что встретился с простым и волшебным чудом сказки.

Л. ЛУКЬЯНОВА

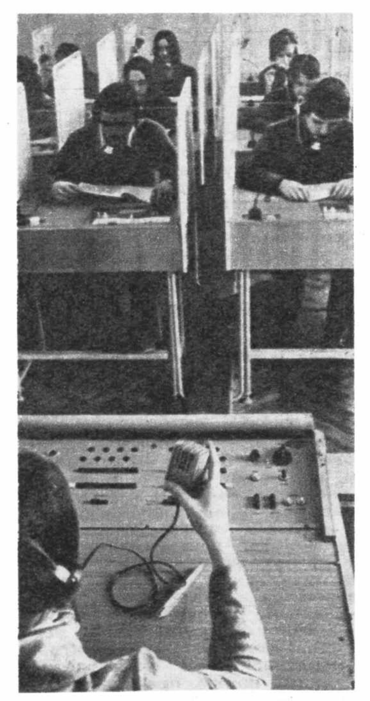
Спектакль «Конек-горбунок» на сцене филиала Малого театра. Артист А. Потапов — Иван, В. Носик — Царь, А. Опритов — боярин, В. Лепко — Царь-девица.

Засл. артист РСФСР М. Новохижин в роли Спальника.

А. Потапов — Иван и З. Андреева — Конек-горбунок.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

НОВОПОЛОЦК

В лингафонном кабинете кафедры иностранных языков.

ГОРОД С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

До сих пор в Белоруссии было двадцать девять вузов и все в больших старых городах — в Минске, Витебске, Гомеле, Могилеве, Гродно, Бресте, Мозыре. Новое, тридцатое по счету, высшее учебное заведение открыто в Новополоцке и примечательно, пожалуй, больше всего тем, что оно первое в белорусских городах, родившихся в пору послевоенных пятилеток. Имя вуза — политехнический институт. Примерно четыре тысячи человек составят его «население».

А. ЩЕРБАКОВ, собкор «Огонька»

Одна из лабораторий института.
Фото В. Супроненка.

МОЙ ДЕЛЬВИГ МИЛЫЙ...

Л. ДЕРЮГИНА

А. А. ДЕЛЬВИГ. Рисунок А. С. Пушкина.

Они нежно любили друг друга, эти два очень разных человека. Они оставили нам образец высочайшей культуры дружеских отношений. В их дружбе поражает умная, осознанная, взаимная бережность, не допускающая случайной ссоры, резкого, неосторожного, ранящего слова. Они могли быть принципиальными и уступчивыми, шутить, спорить и не соглашаться, но они с какой-то суеверной, провидческой ясностью знали, что должны вести линию своей дружбы только набело, знали, что времени и возможности для исправления ошибок дано не будет.

По свидетельствам современников, после смерти Дельвига Пушкин говорил, что и его жизнь кончена, он больше никогда не будет писать.

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.

Из встреч и расставаний складывалась их жизнь. Прощание с Лицеем, с Царским Селом — Пушкин рвался из него на волю, как всегда рвался прочь от устоявшейся жизни к чему-то новому, неизведанному. А Дельвига мучила тоска — предчувствие того, что вне их общей духовной родины, вне круга друзей он навсегда останется изгнанником в чуждом мире:

Простимся, братья! Руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас!

Несколько бурных лет в Петербурге. Они не так уж часто встречаются: у каждого свой круг связей, свои новые друзья, в том числе и литературные. Но когда 6 мая 1820 года Пушкин едет из Петербурга в южную ссылку, до Царского Села его провожает Дельвиг.

Им было около двадцати. По мнению немногих, они были надеждой русской литературы, по мнению большинства — дерзкими самонадеянными мальчишками. А через пять лет — в апреле 1825 года — в Михайловском встретились первый поэт России, «Ваше Парнасское величество», как шутливо величал Пушкина в письме Дельвиг, и влиятельный литератор, издатель лучшего русского поэтического альманаха «Северные цветы», поэт, пользующийся огромным уважением в литературных кругах и способный своим именем и репутацией обеспечить успех любому литературному предприятию.

Нам мало что известно об этих двух или трех неделях в Михайловском. Говорили о «Горе от ума» и о Рылееве, о «Северных цветах» и о замысле «Бориса Годунова», несомненно, о предстоящем издании стихотворений Пушкина, в подготовке которого Дельвиг, умный ценитель и опытный практик, оказал Пушкину немалую помощь. Наверняка говорили о насущном — о будущем, о друзьях, о царе, о России. Шел 1825 год, и они ждали этой встречи пять лет. Им было о чем поговорить.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

И снова разлука — на два года, до 1827-го. А потом будут бесконечные метания Пушкина между Петербургом и Москвой, поездка на Кавказ, стычки с Третьим отделением и подлая политика царственного цензора — Николая I. И все более привлекательной становится для поэта идея литературного братства, союза, немедленно перетолкованная врагами как «литературный заговор», и в 1829 году родится мысль об издании «Литературной газеты». И так уж получилось, что все хлопоты, всю ответственность за друзей — Пушкина, Вяземского — взял на себя в качестве издателя Дельвиг и пронес ее стойко и уверенно через преследования цензуры и хамство высокого начальства до конца, до запрещения газеты — в литературном мире равноценного гражданской смерти, потому что из § 138 «Устава о цензуре» 1826 года следовало, что «издатель или издатели повременного сочинения, подвергшиеся единожды помянутому пред сим запрещению, навсегда лишаются права издавать повременные сочинения, как сами собою, так и в товариществе с другими».

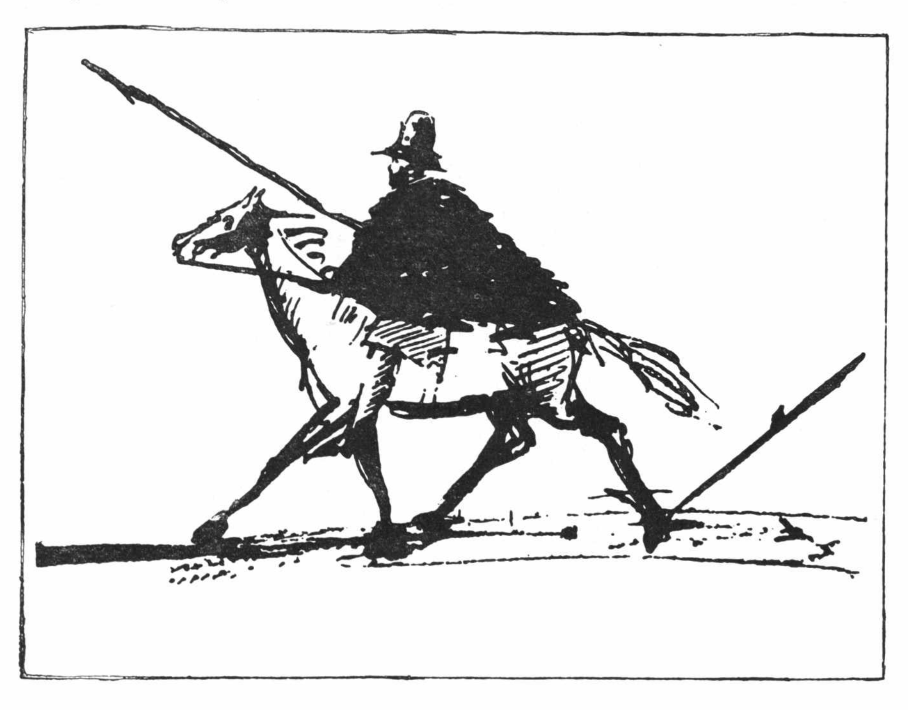
А 10 августа 1830 года Дельвиг в последний раз провожает Пушкина — до Царского Села, как и десять лет назад, когда все еще только начиналось. Больше они не встретились. Пушкина ожидала холерная «ссылка» Болдинской осени и в скором времени — свадьба. Дельвига — тяжелые душевные потрясения, болезнь и смерть — 14 января 1831 года. А через шесть лет погиб Пушкин, и сестра его, Ольга Сергеевна Павлищева, еще долго и убежденно утверждала, что если бы Дельвиг был жив, он уберег бы Пушкина и не допустил этой роковой дуэли.

Дельвиг был неутомимым тружеником, стойко боровшимся с врожденной тяжелой болезнью, так рано сведшей его в могилу. Дельвиг был мужественным человеком, обворожительным в личном общении и умевшим глубоко таить собственное горе и боль, не обременяя ими окружающих. Дельвиг был великолепным организатором, главой больших и прогрессивных литературных предприятий, имевших всероссийский резонанс. Наконец, он был душой и центром нескольких дружеских и литературных кружков. «Жизнь Дельвига была прекрасная поэма,— писал один из членов такого кружка,— мы, друзья его, читали и восхищались ей; потомству он оставил свои песни, светлые создания своей благородной души: они не умрут дотоле, пока не умрет поэзия для сердца человеческого».

Уважение к человеку — это прежде всего внимательное и понимающее отношение к его мнениям, склонностям и симпатиям. Вот почему в эти дни, преклоняясь перед памятью великого поэта, мы с глубоким и светлым чувством вспоминаем и его друзей.

И. Репин. ЛИЦЕИСТ ПУШКИН НА ЭКЗАМЕНЕ 8 ЯНВАРЯ 1815 ГОДА ЧИТАЕТ СВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ «ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ» В ПРИСУТСТВИИ ДЕРЖАВИНА. 1911.

Наброски А. Пушкина. АВТОПОРТРЕТ ВЕРХОМ В БУРКЕ. 1829.

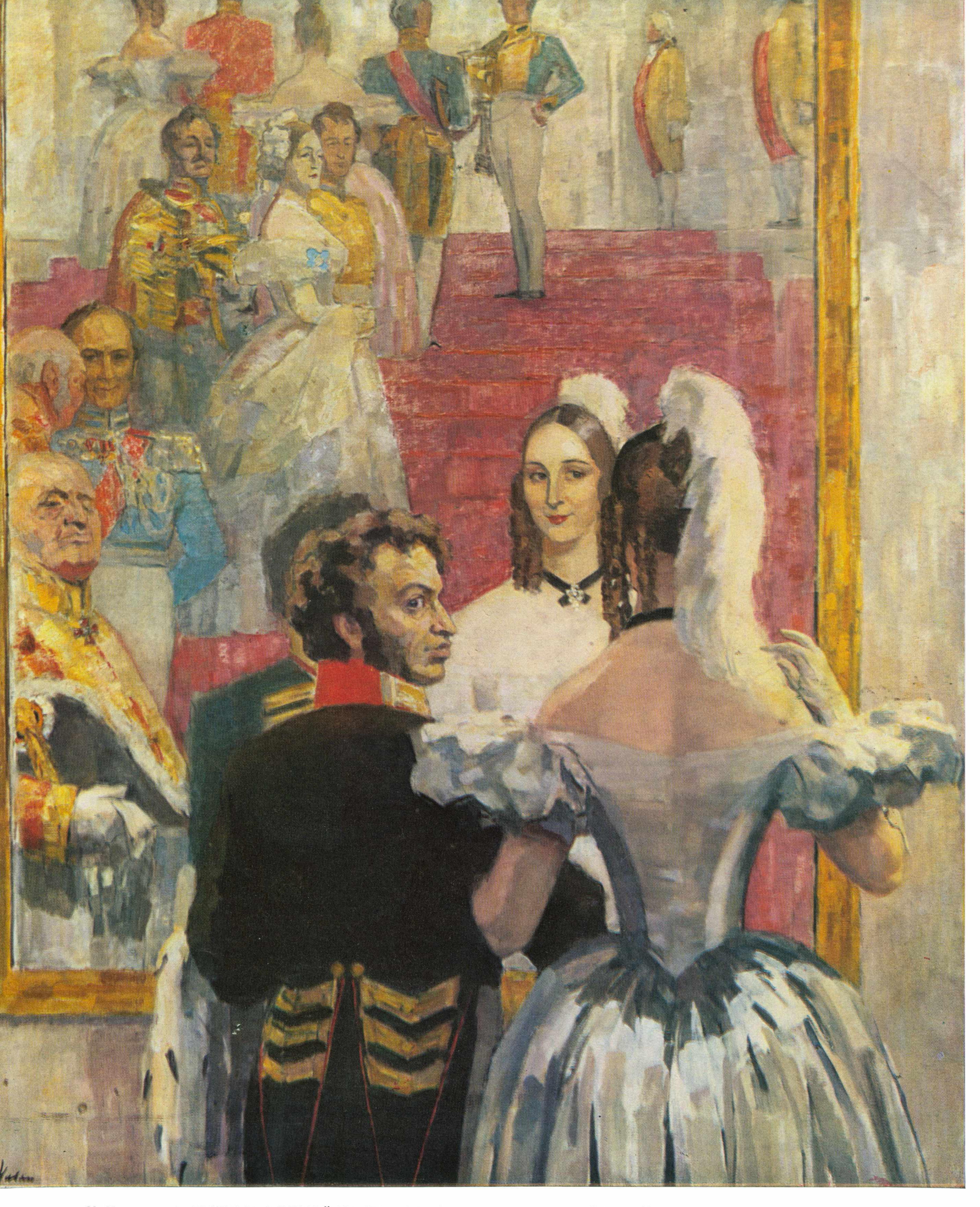

БОЛЬШОЙ АВТОПОРТРЕТ. 1829.

Н. Ге. ПУШКИН И ПУЩИН В СЕЛЕ МИХАЙЛОВСКОМ. 1875.

Н. Ульянов. А. ПУШКИН С ЖЕНОЙ НА ПРИДВОРНОМ БАЛУ ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ. 1937.

«ДОРОГАЯ НАША СЕСТРИЧКА...»

Из штаб-квартиры Международного Красного Креста в адрес Героя Советского Союза Веры Сергеевны Кащеевой пришла медаль Флоренс Найтингейл. Это высшее международное отличие для медицинских сестер, проявивших исключительную самоотверженность, высокие моральные и профессиональные качества при уходе за ранеными. На медали надпись: «Мадам Вере Кащеевой».

Сибиряки считают ее своей землячкой, на Дальнем Востоке она слывет коренной дальневосточницей, в Волгограде ее имя знакомо чуть ли не каждому юному следопыту, а Украина занесла имя этой женщины в летопись самых отважных своих дочерей.

...Пятую «атаку» Барнаульский горвоенком не выдержал и, устало опустившись на стул, сказал работнику мобилизационного отделения:

— Запишите эту пигалицу в списки Сибирской добровольческой дивизии.

Так Вера Кащеева стала санинструктором.

Потом был Сталинград. Сто дней и ночей она провела в его окопах: ходила теперь уже в настоящие атаки, выслеживала вражеских снайперов, спасла жизнь десяткам раненых бойцов.

А на Днепре случилось вот что. Когда десантники в осеннюю холодную ночь 1943 года отплыли от левого берега на резиновых понтонах, плотах, утлых рыбачьих лодках, их обнаружили немцы и открыли плотный артиллерийский, пулеметный и автоматный огонь. Река буквально кипела в огне. Осколки пробили понтон, на котором находилась Вера, и он стал тонуть. Вместе с бойцами санинструктор бросилась в ледяную воду. Те, кому удалось добраться до берега, дрались с отвагой, отражая бесконечные атаки гитлеровцев.

Вера перевязывала раненых, уносила их в безопасное место, стреляла, засекала вражеские огневые точки, выполняла обязанности связной. Из двадцати трех десантников, захвативших правобережный плацдарм, в живых осталось только пятеро. Трое из них были ранены, в том числе и Вера.

8 марта 1944 года командующий 3-м Украинским фронтом Р. Я. Малиновский вручил бесстрашному санинструктору орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Войну гвардии старший сержант В. Кащеева закончила в Берлине. После демобилизации уехала с мужем на Дальний Восток.

Вера Сергеевна — бессменный депутат поселкового Совета и член областного комитета КПСС Еврейской автономной области. Много лет она заведовала детсадом поселка Бира.

Вот уже три десятилетия идут и идут на имя Веры Сергеевны письма от спасенных ею солдат и офицеров, от однополчан, и все они начинаются словами: «Дорогая наша сестричка...»

Ю. ДУРНЕВ

Кемерово.

В. С. Кащеева среди детей. Фото автора.

УЛЫБКИ ЗЕМЛИ

— Цветы называют улыбкой земли. Нашим тюльпанам и нарциссам, гладиолусам и гиацинтам улыбаются люди всех широт,— сказал главный агроном совхоза «Каспийский» в Ленкорани Ахмед Шукюров.

На площади в восемьдесят гектаров круглый год благоухают цветы двухсот сортов. Их аромат знаком жителям Москвы и Ленинграда, Мурманска и Читы, Свердловска и Красноярска, Иркутска и Магадана, Камчатки и Сахалина.

Я с интересом рассматривал мускари и крокусы, корейские хризантемы и петунии, ковровые южноафриканские мезембриантемумы. Тут произрастают пирамидальные кипарисы и серебристая восточная пихта, вечнозеленые лавры и раскидистые пальмы, лигуструмы и японские орехи.

Десять лет трудится в совхозе агроном Фарман Касумов. Он решил создать необыкновенной красоты «Ленкоранский тюльпан».

«Фабрика» цветов дает более двух миллионов луковиц в год. Они посылаются не только в государственные хозяйства, но и отдельным цветоводам-любителям.

Перечитывая почту, полученную совхозом из разных уголков Советского Союза, я видел улыбки рыбаков Севера и лесорубов тайги, металлургов Урала и хлеборобов Сибири, нефтяников Апшерона и Тюмени, покорителей целины Казахстана и овцеводов Каракумов.

В письме, полученном из Мурманска, я прочитал строку: «Спасибо вам, поэты цветов!»

Эти слова благодарности обращены к цветоводам: Гюльсум Абдуллаевой, Афиге Бабаевой, Тамилле Курбановой, Шафиге Джафаровой, Окюме Асадовой, Дюнняханум Бабаевой и другим работникам совхоза, дарящим радость людям.

К. ХРОМОВ

Сумгаит.

ОТК — Отдел технического контроля. Он существует на всех заводах и фабриках. Но, увы, порой после заводского или фабричного ОТК на прилавок попадают кастрюли, туфли, костюмы с изъянами. О них и идет речь в письмах читателей, которые мы будем публиковать под рубрикой: ОТК — Огоньковский Требовательный Контроль.

УСЛОВИЯ... НА БРАК

Эмалированной посуды в продаже все еще мало, особенно светлой. Поэтому, увидев в киевском магазине «Киянка» белые эмалированные кружки, я купила сразу шесть штук — они очень практичны, особенно для дачи. В магазине за ними стояла очередь, и долго рассматривать их не было возможности.

Но когда пришла домой и разглядела, то очень огорчилась. Эмаль — волнистая, с какими-то наплывами, сами кружки белые а ручки в черных пятнах, а в тех местах, где они прикрепляются, эмали вовсе нет — торчит острая жесть, о которую можно пораниться. Однако же на заводском ярлычке написано: первый сорт!

Пришлось возвратить покупку в магазин. Не знаю, как определяют качество своих изделий работники ОТК Новомосковского металлургического завода Днепропетровской области. Может быть, с закрытыми глазами?

Е. П. БЕЛЬКОВА

Киев

«Огонек» попросил прокомментировать это письмо товароведа магазина «Киянка» А. А. Уварову. Она привела нашего корреспондента С. Калиничева в складское помещение, заполненное до потолка посудой, которую ОТК Новомосковского завода выпустил в свет первым сортом, а товароведы магазина забраковали.

— Видите,— сказала Анфиса Афанасьевна,— даже специальное помещение пришлось отвести для бракованной посуды. Подтеки, зачастую другого цвета, волнистость, прогары эмали и другие дефекты мы обнаруживаем в изделиях, присылаемых нам первым сортом. Мы довольно часто отсеиваем брак, не замеченный, а скорее всего сознательно пропущенный работниками ОТК заводов-изготовителей. Правда, обычно предприятия по нашему сигналу немедленно принимают меры к исправлению недостатков. А вот представитель Новомосковского завода З. Ф. Романченко, прибыв по нашему вызову и осмотрев свою продукцию, заявила: «Волнистость поверхности и неравномерное покрытие эмалью вполне допустимы по техническим условиям».

— Мы только руками развели,— продолжает Уварова,— и направили дирекции завода письмо, в котором просили прислать нам для ознакомления «РТУ — УССР-134-59», на которое ссылался их представитель. Но ответа нет и поныне...

«Огонек» надеется, что после этого выступления руководители Новомосковского завода Днепропетровской области наконец более внимательно изучат злополучные РТУ и перестанут считать брак первосортной продукцией.

КАНДИДАТЫ НЕРУШИМОГО БЛОКА

Илья Несторович Векуа. Фото С. Киладзе.

МАТЕМАТИК ИЗ ШЕШЕЛЕТИ

Ия МЕСХИ

Когда сибирский Академгородок только еще начинал отстраиваться, я побывала там вместе с Михаилом Церетели, участником гражданской войны в Сибири, соратником знаменитого партизанского «Сибирского деда» Нестора Каландаришвили. Мы ходили по таежному поселку у рукотворного Новосибирского моря и в густой лесной чаще заметили коттедж.

— Это коттедж вашего земляка, Векуа,— объяснили нам.

Тогда мы узнали, что наш математик Илья Несторович Векуа не только участвовал в разработке проекта Сибирского отделения Академии наук СССР, но и стал активным членом инициативной группы ученых-коммунистов, осуществляющих решение партии и правительства о продвижении большой науки на восток Советской страны. Он переселился в тайгу под Новосибирском, жил там, организовывал, что-то строил и доставал, что-то непрестанно обдумывал, бродя по этим лесным тропинкам, которые сейчас уже улицы. А в то время здание Новосибирского государственного университета еще стояло в строительных лесах.

Сейчас у Ильи Несторовича Векуа в память о тех незабываемых годах хранится дар сибирских друзей — шкатулка с макетом здания НГУ и с ключом от его двери. На сувенире написано: «Дорогому Илье Несторовичу — основателю Новосибирского государственного университета».

Многое, наверно, могло привидеться в мечтах шешелетскому крестьянину Нестору Векуа, но только не это: сын его — основатель университета в Сибири! Когда отец отвозил его на зиму в маленький городок Зугдиди, то мечтал только об одном: стал бы Илья грамотным! В селе Шешелети, расположенном в Колхидской низменности, не было школы, не было образованных людей. В 1918 году Шешелети стало центром крестьянского восстания против меньшевиков: здесь и в окрестных селах несколько месяцев продержалась Советская власть. То был большевистский остров, и он сыграл свою роль в сознании людей, когда в 1921 году в Грузии окончательно покончили с меньшевиками. А спустя несколько лет Илья Векуа, тихий восемнадцатилетний паренек, вошел в здание Тбилисского государственного университета. Невдомек было никому в ту пору, что этот человек вернется сюда ученым с мировым именем и достойно займет ректорское кресло.

— Как это ни странно,— вспомнит позже академик Николай Иванович Мусхелишвили,— я по-настоящему познакомился с Ильей Несторовичем Векуа в тридцатом году в Ленинграде, куда он по моей рекомендации был направлен с группой других молодых математиков в аспирантуру Физико-математического института. В то время нас, профессоров-математиков, было очень мало в Тбилиси, читали мы большое количество предметов, студентов же — много, и трудно было хорошо запомнить каждого из них. К тому же Илья Несторович Векуа всегда держался скромно и незаметно.

И вот каково было удивление Мусхелишвили, когда академик А. Н. Крылов, директор упомянутого ленинградского института, крупнейший корабел и специалист по прикладной математике, только и твердил что о Векуа.

— Он меня обласкал,— говорит Илья Несторович.— Это имело для меня огромное значение. Я приехал в новый город, впервые встретился с известнейшим ученым. Если б я не почувствовал доброго отношения...

Словом, человек попал в отличные руки и получил пищу для размышлений и труда. Теперь уже все зависело от него самого.

Я прошу Илью Несторовича рассказать мне хотя бы о его первых шагах в науке. Ведь они-то, в общем, и определили основное направление его последующих трудов в области использования так называемых аналитических функций для решения различных математических и физических проблем, определили постоянный интерес к тем проблемам, которые могут быть приложимы к практике.

— Представьте себе,—рассказывает Илья Несторович,— землю слоистого строения. При переходе из одного слоя в другой сейсмические волны испытывают преломление. Задача эта приводит к очень сложным математическим уравнениям. Советскими учеными уже был изучен тот случай, когда среда ограничена плоскостью. Здесь характер распространения волны более или менее простой: волна идет, падает на границу, отражается и уходит вглубь. Мне предстояло рассмотреть задачу посложнее, когда слой ограничен с двух сторон (как это, в общем, и встречается в природе!). Идет волна, падает на верхнюю границу, отражается, падает на нижнюю, отражается, падает на верхнюю и т. д. Надо было разобраться в этом процессе, установить математические закономерности, которым подчиняется этот процесс, вывести общие формулы. Год ушел на это. И тут же выросла следующая задача: как сделать, чтобы эти очень сложные математические формулы могли использовать практики? На это ушло еще три года работы. Причем я добился лишь некоторых, а не предельных упрощений.

Вот уже 16 лет, как Илья Несторович — действительный член Академии наук СССР. Перечисление созданных им фундаментальных работ заняло бы длиннейший список, в котором простому смертному, не математику, пожалуй, не разобраться. Важно, что все эти труды, во всяком случае, многие из них, уже понадобились практикам.

Вот, например, Голландия 1953 года. Страшная катастрофа разыгралась у берегов этой страны. Взбушевавшееся Северное море сорвало дамбы, затопило землю, поселки, унесло жизни. Голландские ученые спешно изучают характер морских течений в Северном море, возле голландских берегов. И, представьте, в новой теории оболочек, построенной И. Н. Векуа и его учениками, голландцы находят для себя нечто очень ценное, практически ценное.

«Исключительные результаты, полученные Векуа и Хведелидзе, оказались весьма важными для наших целей»,— пишет голландец Ван Данцинг в статье «Математические проблемы, возникающие в связи с катастрофическим наводнением в Голландии в 1953 году».

Кабинет тбилисского математика и борьба с морем у берегов Голландии — такое не мерещилось никому в Шешелети, когда Илья бегал босой по улицам этой колхидской деревни, помогал отцу пасти скотину. А прошли годы, и тот же (уже другой, конечно!) Илья заседает в Чехословакии, на съезде математиков, в Финляндии — на Международном коллоквиуме по теории функций комплексной переменной, в Англии — на Генеральной ассамблее Международного математического союза, в Италии — на Конгрессе по теоретической и прикладной механике... В Америке он читает лекции студентам, в Мюнхене выступает генеральным докладчиком — докладывает о своей теории оболочек; в Делфте рассказывает математикам о своих разработках в теории обобщенных аналитических функций (работа, удостоенная в 1963 году Ленинской премии); в Чили встречается с президентом Сальвадором Альенде, беседуя с ним не о математике, а о Шота Руставели, о своей Грузии, о своей Советской стране, ибо Илья Несторович не только ученый, он депутат Верховного Совета СССР, общественный деятель.

Когда я думаю о том, что же у Ильи Несторовича не от ума, не от таланта, а от его милого родного Шешелети, где он получал первые уроки жизни, я вспоминаю наш разговор в его доме, обставленном книгами до потолка. Мы говорили о тех, кто готовится войти в науку, какими качествами следует им обладать. И тут Илья Несторович высказал то, что зазвучало в его устах, как некое кредо:

— Если перед ученым ставится задача, которая на первых порах кажется неразрешимой или бесперспективной, не следует ее отбрасывать, подвергать уничтожающей критике. Надо всмотреться внимательнейшим образом, может быть, результат будет не тот, который предполагался ранее, но в процессе работы (всегда) выявляются аспекты даже более важные. После многих неудач, огорчений результаты все же получаются. Поэтому я считаю, что в науке не надо быть чрезмерно пессимистичным и норовистым. «Божья искра» — это хорошо, но при всех случаях нужна настойчивость и еще раз настойчивость.

Вот это от Шешелети, от крестьянского упорства, от народной мудрости, которая гласит: всякое дело легче, когда его делаешь. И если говорить о прикладном характере этого кредо, то приложимо оно и к работе в ленинградской аспирантуре, и в Математическом институте имени Стеклова, где Векуа одно время замещал директора, и к университетам (Новосибирскому и Тбилисскому), и к Президиуму Академии наук Грузии, где Илья Несторович недавно сменил на посту президента своего главного учителя и друга академика Николая Ивановича Мусхелишвили, — словом, ко всей его научной и организаторской деятельности коммуниста и патриота, отмеченного Советским правительством званием Героя Социалистического Труда. Таков он, видный советский ученый, кандидат в депутаты Верховного Совета СССР.

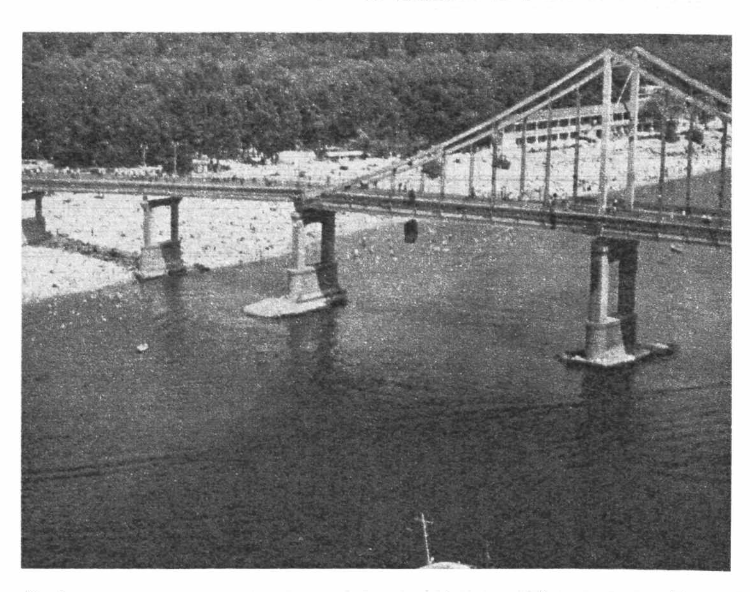
КИЕВ

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ

На двенадцати городских пляжах Киева работники коммунального обслуживания ежегодно готовят к приему отдыхающих 500 гектаров прибрежной территории. Многие киевляне проводят отпуск в родном городе и, конечно же, загорают на лучших пляжах: Центральном, в Гидропарке, на озере Тельбин, Венецианском, в Предмостной слободке. До каждого из них от Крещатика можно добраться городским транспортом за десять — пятнадцать минут.

— Нынешней весной,— рассказывает главный инженер управления предприятий коммунального обслуживания Михаил Ефимович Киселев,— исполком горсовета отпустил сто шестьдесят тысяч рублей для дальнейшего благоустройства пляжей. Здесь будут работать шестнадцать пунктов проката, где можно взять матрац, раскладушку, спортинвентарь. Кроме того, будет установлено сто пятьдесят насосов для подачи на пляжи холодной питьевой воды, несколько лодочных станций, медпункты, гардеробы, сотни теневых навесов, ларьков и павильонов. Для отдыхающих выделено, образно говоря, место под солнцем у самого Днепровского берега. И не только у берега, а даже и на воде. Здесь создан парк плавучих дач. Арендовав такой домик на плоту на несколько дней или недель, можно отбуксировать его к самым тихим и живописным берегам.

С. КАЛИНИЧЕВ, собкор «Огонька»

Любимое место отдыха киевлян — центральный пляж на Трухановом острове.

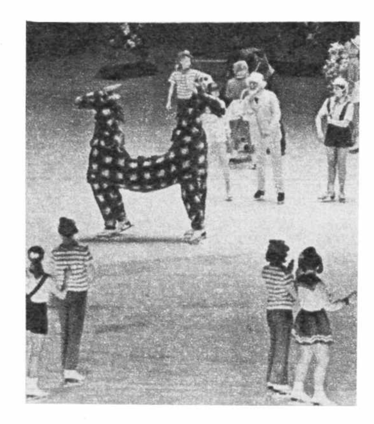
Фото Н. Козловского.

НОВОСИБИРСК

АЙБОЛИТ НА ЛЬДУ

Несколько лет назад многие из этих ребят, сейчас выделывающих лихие пируэты на льду, не умели кататься на коньках. Третий раз смотрю балет-сказку на льду «Доктор Айболит» и не перестаю удивляться. Каким волшебством, какой магией заставил их делать все эти чудеса режиссер-балетмейстер Лев Николаевич Беззубик?

— Никакой магии,— улыбнулся балетмейстер,— энтузиазм и только энтузиазм. Он главный волшебник...

Наверное, так оно и есть, потому что, когда Лев Николаевич задумал создать балет на льду, он и сам не умел стоять на коньках. Но научился, хотя в его возрасте это далеко не просто.

Шесть лет назад самодеятельный балет впервые вышел на лед. Многие тогда не верили в эту затею. Ведь у балета на льду не было ни льда, ни своего оркестра, как нет, кстати, их и до сих пор. И сейчас репетируют без коньков, на обычной сцене под фонограмму. Каких трудов все это стоит! На лед Дворца спорта труппу выпускают только тогда, когда хоккейная команда «Сибирь» на каникулах или в отъезде. И все же энтузиазм оказался сильнее всех трудностей. Сейчас в балете на льду при Доме культуры имени Горького занимаются сто пятьдесят человек (всего же в ансамбле пятьсот человек), появились квалифицированные тренеры фигурного катания, мастера спорта. И каждый год новичков, желающих заниматься, приходит примерно втрое больше, чем нужно. Отбор строжайший. Уже поставлено три сказки-балета: «По-щучьему велению», «Конек-горбунок», «Доктор Айболит»,— которым аплодировали юные зрители не только Новосибирска, но и других городов. Недавно поставлен новый балет «Бременские музыканты». Сейчас готовится еще один. Какой? Пока это секрет постановщиков.

Ю. ЛУШИН, собкор «Огонька»

Фото автора.

МОСКВА

РЕАНИМОБИЛЬ СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

Эта необычная машина — реанимобиль — пока что единственная в Москве.

Я видел реанимобиль в действии. На одной из улиц столицы случилось дорожное происшествие: сбита немолодая женщина. Остановились троллейбусы, грузовики. Возле потерпевшей — работники ГАИ, люди в белых халатах. И тут же белая с красной полоской машина. Женщину осторожно уложили в реанимобиль, и медики сразу принялись за работу. Примостился и я в этой лаборатории на колесах. Фельдшер Андрей Марков быстро надул шину — фиксирующую резиновую подкладку. С ее помощью поврежденной руке пострадавшей придали нужное положение. Автоматическое устройство тут же определило частоту пульса. Через несколько минут потерпевшей оказали необходимую помощь.

Врач-реаниматолог Леонид Васильевич Сульповер потом рассказал мне:

— Экспериментальный реанимобиль служит для исследовательских целей коллективу института имени Н. В. Склифосовского. Выезжает реанимобиль на самые тяжелые случаи. Оборудована машина наркозным аппаратом, электрокардиографом и другой необходимой аппаратурой. В реанимобиле производится и анализ крови. Сопровождают машину опытные врачи, которые работают в экспресс-диагностической лаборатории нашего института под руководством главного реаниматолога Москвы Б. Г. Жилиса.

Я листаю журнал, фиксирующий вызовы этой машины. Пока что их около трехсот: работает реанимобиль всего несколько месяцев. Самые трудные, самые тяжелые происшествия зафиксированы здесь.

Л. СЕМЕНОВ

Машина остановилась в тихом переулке. Медики приступили к операции.

Фото Г. Розова.

ЭТО БЫЛО В ЧИТТАГОНГЕ

Крепкие, загорелые парни. Это моряки из экипажа спасательного судна «Атлас», которое работает в Читтагонге — главном порту Республики Бангладеш. По просьбе правительства республики советские тральщики очистили от мин акваторию порта и подступы к ней. Советская спасательная экспедиция освободила фарватер и устье реки Карнафули от судов, затонувших во время военных действий.

— Советская спасательная экспедиция,— рассказывает капитан «Атласа» Алексей Яковлевич Кожухов,— за полтора года работы подняла более двадцати судов. Часть из них была отремонтирована и введена в эксплуатацию. На долю нашего экипажа достался большой сухогрузный пароход «Сурма». Работать нам, как и всем советским морякам в Читтагонге, приходилось в очень тяжелых и непривычных условиях. Жара нестерпимая — в тени сорок градусов. И почти стопроцентная влажность воздуха. Прямо парная баня! А главное, очень сильное течение в реке, и вода настолько мутная от ила, что видимости у водолазов никакой. Действовали они, что называется, на ощупь. И еще одна трудность: в затонувших судах скопилось огромное количество ила. Вот пример: прежде чем поднять «Сурму», из ее корпуса пришлось удалить двадцать пять тысяч тонн ила. И только после этого стали заделывать сотни пробоин и произвели герметизацию корпуса.

Открыть порты для нормального судоходства предстояло в самые сжатые сроки. За нашей работой с волнением наблюдали не только работники порта, но и все местное население. Когда советские моряки появлялись в городе, их встречали с несказанным радушием. Каждый хотел с ними сфотографироваться на память, оказать какую-либо услугу, пригласить в гости...

Порт Читтагонг — главные морские ворота республики — введен в строй и снова работает на полную мощность. Газеты Бангладеш отмечали, что советские моряки оказали молодой республике неоценимую помощь.

А. ГОЛИКОВ

Вагранщик Рафик Симонян.

В. АВЕТИСЯН,
председатель исполкома горсовета депутатов трудящихся Чаренцавана.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

ГОРОД ИМ

Весною снег уходит в горы.

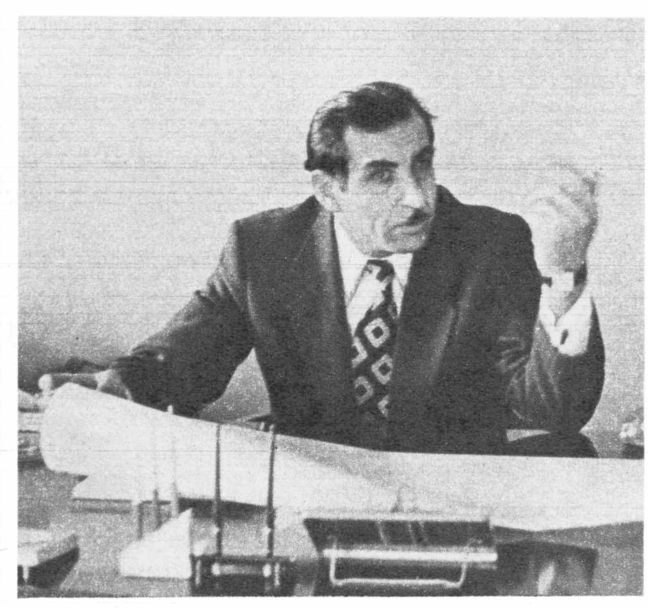

Микробиолог филиала Всесоюзного научно-исследовательского института генетики и селекции промышленных микроорганизмов Сусанна Келешян.

ЕНИ ПОЭТА

Комсомольцы с инструментального завода, и все — Авдаляны: Гамлет, Самвел, Манвел, Ншан, Лариса, Анаит. Рабочая семья, юность Чаренцавана.

ГОРОД ИМЕНИ ПОЭТА

Владимир Гарникович Аветисян.

Чаренцаван — город, носящий имя незабвенного Егише Чаренца. Он еще очень молодой — моложе Еревана в сто раз! И он прекрасен. Прекрасен — и потому, что носит имя вечно молодого поэта, и потому, что кварталы его находятся в живописной долине Раздана, и потому, что умеет работать. Биография города коротка: родился, был поселком строителей, стал комсомольской новостройкой республики, теперь и работает, и учится, и растет. Это один из сотен молодых советских городов. Бурный рост их — примета наших будней. О жизни и жителях Чаренцавана, о его проблемах рассказал специальному корреспонденту «Огонька» Н. БЫКОВУ председатель исполкома городского Совета депутатов трудящихся Владимир Гарникович АВЕТИСЯН.

— Когда-то города возникали возле морских причалов, на перекрестках торговых путей. Теперь чаще всего — возле новых промышленных узлов. Я помню палаточный городок строителей Гюмушской ГЭС. Первый колышек здесь вбили в 1947 году. Построили гидростанцию, разросся поселок, число жителей подошло к двум тысячам. Сила! И эту силу, этот сложившийся коллектив первостроителей неразумно было бы потерять. А какие у нас места! Просторная долина, строительный материал под руками, рядом — главная дорога республики, ведущая к озеру Севан и дальше, в Грузию, а в селах много молодежи, крепкие руки. Умные люди «привязали» к нашей местности первый завод. И дело пошло. Квалифицированные строители получили работу. Теперь у нас в городе несколько заводов — они-то и дали толчок бурному строительству жилых кварталов. Вместе с городом рос рабочий класс, строители становились токарями, литейщиками. Чаренцаван — город рабочих. Заводы — инструментальный, «Центролит», опытно-промышленный по производству лизина — вот рабочее сердце сегодняшнего Чаренцавана.

Особенность города — никакого «самстроя». Постепенно, улица за улицей, одноэтажный рабочий поселок уступал место многоэтажному городу с отличной планировкой. В полном смысле слова — социалистический город, спутник промышленного узла. И это сразу бросается в глаза.

Средний возраст жителей — двадцать пять лет. То есть город и горожане — ровесники. Это обстоятельство определяет и темп жизни, и ее стиль, и характер проблем, стоящих перед горсоветом, его депутатами. Я сам — строитель, руководил коммунальным хозяйством рабочего поселка. Так что для меня Чаренцаван — родное детище, здесь мне все близко. И вот что любопытно. Город еще совсем молод, а он уже разделился на «новый» и «старый». Все, что было построено два-три года назад для новых жителей,— уже «старое». Такова логика жизни юного Чаренцавана, где самые частые праздники — новоселье и свадьбы. Но с возрастом растут и заботы: проблемы градостроительства, быта, взаимоотношений с природой, трудоустройства. Сколько, думаете, у нас детей? Значительно больше, чем взрослых! Вот почему горсовет не может делить любовь между огромными цехами заводов и маленькими игровыми комнатами, где проводят свои дни дети. И мы, депутаты, любви этой не делим, для нас производство литья столь же важно, сколь и улыбка черноглазого несмышленыша.

Совсем недавно утвержден генеральный план Чаренцавана. Он рассчитан на шестьдесят тысяч жителей. Строятся новые жилые кварталы и новые заводы. Будет расширен и наш «научный центр» — филиал Всесоюзного НИИ генетики и селекции промышленных микроорганизмов. Так что старый наш городской бюджет уже мал. Нам нужен бюджет на вырост. Для чего? Для того, чтобы город был не только красив, но чтобы в нем было приятно и удобно жить. На заводы пришла автоматика, электроника, станки с программным управлением. На производстве, в филиале института и в техникуме с каждым днем все больше интеллигенции — людей с широкими культурными запросами. И город, который они выбрали для жизни, должен, конечно, отвечать их запросам. А быт? Разве быт, благоустройство можно оттеснить на второй план?

С повестки дня нельзя снимать вопроса о строительстве жилья. Мы уже возводим первый 12-этажный «небоскреб». Их будет несколько. Наши заводы помогли построить стадион. Малыши получили прекрасные детские сады. Школьники — школы. Будем строить еще — и школы и детские сады. В частности, инструментальный завод строит детсад по индивидуальному проекту. Есть новая больница. Есть и музыкальная школа, но ей тесно — будем строить для нее новое здание. У нас много солнца, поэтому в каждом квартале свой водный бассейн. А вот передо мною макет рукотворного озера. Будет и «море» в долине Раздана!

Конечно, как я уже отмечал, по мере роста города растут и его проблемы. Острый вопрос — водоснабжение. Сейчас ведем новый водопровод. Начато строительство АТС. А главное — городу нужен Дворец культуры, который отвечал бы требованиям политической, культурной, спортивной жизни, требованиям молодежи. Я уже говорил, что лет через пятнадцать у нас только рабочих будет втрое больше, чем сейчас, примерно вдвое возрастет и число жителей. Каждый получит по двенадцать квадратных метров жилья. А духовные запросы? О них ведь тоже забывать нельзя...

У нас, как у всякого молодого города, много трудностей. Помогают нам преодолевать их заводские руководители и общественность. Завод и город — каковы их взаимоотношения? Мы стараемся преодолеть межведомственные барьеры. Хотя было бы еще лучше, если бы Министерство станкостроительной и инструментальной промышленности СССР чаще вспоминало, что есть у него мощные заводские коллективы в Чаренцаване, что живут там тысячи его рабочих и инженеров!..

Иногда приходит такая мысль: думал ли Чаренц, проезжая когда-то безлюдные эти места, о парках, фонтанах, заводских трубах, школах? Думал ли он, что здесь возможен город? Егише был поэтом, и, конечно же, он мечтал о новой жизни на берегах Раздана, в этой горной долине. Наверное, мечтал... Но поэт не мог знать, что здесь будет жить, работать, петь город его имени. А город есть! И работает, и поет, и растет с каждым днем. По словам собирается песня, по этажам — современный дом. По сердцам собирается семья, коллектив, население города. В Чаренцаване — тысячи и тысячи молодых, сильных сердец бьются созвучно нашему времени...

Строится новый дом.

Детей в молодом городе больше, чем взрослых.

В эстрадном оркестре инструментального завода играют и поют армяне, вернувшиеся на родину из-за рубежа. Среди них есть и шлифовщик, и токарь, и водитель электрокара. Соло на гитаре исполняет Артур Абгарян.

Верная нота...

Урок химии ведет преподаватель А. Х. Аветисян.

ZnO + 2HCl = ZnCl2
III 3
IV 4
5
6

Юрий ЖУКОВ

Фото автора.

ПРИВЕТ ИЗ МАРОККО

Итак, решено: снова лечу в Марокко. Туда направляется советская делегация, приглашенная марокканским комитетом защиты мира. Долгих четырнадцать лет не был я в этой интереснейшей стране, с древнейших времен привлекавшей к себе взоры народов. Магриб-аль-Акса — Дальний Запад... Так назвали ее арабы еще в то далекое время, когда стремительные бедуины на горячих скакунах вихрем промчались под зеленым знаменем пророка по всему средиземноморскому побережью Африки, и вождь их Окба Ибн-Нафи лихо въехал на своем взмыленном коне в волны океана, чтобы наглядно показать: дальше пути нет, здесь будет рубеж арабского мира.

До этого вырывались сюда, на широкий простор, из тесного античного мира финикияне и карфагеняне, римляне и готы, и после этого приходили португальцы, испанцы, французы. В бурном круговороте разных эпох, рас, государств, народов складывалась история этой неимоверно дальней по тем временам страны, лежащей где-то у легендарных Геркулесовых столбов,— страны, которую древние греки относили к таинственному царству титанов, куда бог солнца Гелиос каждый вечер уезжает на своей золотой колеснице, где Атлас держит на своих плечах синий небосвод, а в саду Гесперид, охраняемом злым драконом, висят на ветвях золотые яблоки.

В нашу прозаическую эпоху все эти поэтические образы давно расшифрованы, и каждый школьник понимает, что Атлас — это высокие снежные горы в Марокко, и знает вкус золотых яблок Гесперид — марокканских апельсинов, грейпфрутов, мандаринов и лимонов — свыше семисот тысяч тонн этих чудесных плодов дают ежегодно сады этой страны, и многие десятки тысяч тонн поставляются в Советский Союз — мы стоим на втором месте после Франции в списке покупателей марокканских апельсинов. Но это, конечно, лишь одна деталь, хотя и красочная, поразительной истории и экономической географии Марокко...

Четырнадцать лет тому назад, когда эта страна, завоевавшая свою независимость, делала первые самостоятельные шаги, мне довелось побывать в ее сверкающей своими белыми зданиями столице Рабате — древнем Рибате аль-Фатх, что означает Лагерь Победы,— и в шумной, вечно бодрствующей Касабланке, огромном промышленном городе, как бы символизирующем собой новую эпоху в развитии этой старой — и в то же время такой молодой! — арабской державы, семьдесят процентов населения которой моложе двадцати одного года.

В ту пору процесс деколонизации Африки был в самом разгаре. Он проходил бурно, и журналисты часто сравнивали этот континент с огнедышащим вулканом. Колонизаторы все еще переходили в контратаки — в Конго они делали ставку на своего наемника Чомбе против Лумумбы, с которым мне довелось тогда встретиться в Леопольдвилле. В Алжире продолжалась война,— пролетая у его берегов, мы с борта самолета отчетливо видели огромные пожары, а два истребителя, поднявшиеся в воздух при приближении нашего мирного воздушного корабля, назойливо крутились возле нас, пока мы не вошли в воздушное пространство Марокко, уже переставшего быть чужим протекторатом.

В старинном дворце султанов династии Алауитов, ведущих, по преданию, свой род от Али — двоюродного брата пророка Мухаммеда, меня принял тогда король Мухаммед V, лишь незадолго до этого вернувшийся из далекой ссылки,— его сослали на остров Мадагаскар за то, что он вместе с народом Марокко боролся за независимость страны: оттуда он прибыл лишь 16 ноября 1955 года, и 2 марта 1956 года была провозглашена независимость Марокко. Стройный, худощавый, в простой темно-синей джеллабе — длинной одежде, ниспадающей до пят,— и традиционной шапочке, он долго беседовал с гостем из далекой Москвы, проявляя живой, неподдельный интерес к развитию отношений с Советским Союзом. Он снова и снова говорил о важности сотрудничества с нашей страной, которая — он хорошо это знал — всегда поддерживала борьбу Марокко за независимость, высказывался за обмен визитами на высшем уровне...

Весной 1961 года Мухаммед V скончался, и управление страной взял в свои руки его сын Хасан. Марокко осталось монархией,— король является главой государства и верховным главнокомандующим, он назначает и смещает премьер-министра и министров по своему усмотрению, вправе распускать парламент. Вот и сейчас парламент Марокко распущен, а новые выборы пока не назначены. Словом, король в этой стране не только правит, но и управляет, и это обстоятельство накладывает сильный отпечаток на всю жизнь страны.

Как же выглядит Марокко сегодня, четырнадцать лет спустя после моей первой встречи с ним? С той поры у меня отложились в памяти долгие беседы с государственными и общественными деятелями, их планы и мечты, надежды и расчеты. Много было говорено и переговорено о самой срочной необходимости модернизировать, обновить страну, разоренную колонизаторами и погрязшую в пережитках средневековья. Борьба за независимость сплотила народ. Многим думалось, что это единство сохранится. Только что был провозглашен первый пятилетний план развития народного хозяйства. Была поставлена задача — к 1969 году ввести всеобщее начальное образование. Раздавались голоса в пользу национализации промышленности и аграрной реформы.

Однако суровая реальность социальной структуры марокканского общества с неумолимой последовательностью давала о себе знать.

— Пока мы боролись за независимость, мы шли все вместе — богатые и бедные,— сказал мне теперь в Касабланке видный политический деятель, бывший премьер-министр Абдалла Ибрагим, с которым мы встречались еще в пятидесятые годы в Париже, в дни памятных, преисполненных энтузиазма митингов учившихся и работавших там марокканцев,— они требовали предоставления своей родине независимости.— А потом... Потом произошло неизбежное размежевание. Буржуазное крыло нашего движения сохранило вывеску «Истикляль» («Независимость»), но теперь оно ставило перед собой свои собственные интересы, а массы трудящихся ушли из-под этой вывески и начали искать свой собственный путь, борясь за свои интересы...

Каким же я увидел Марокко сегодня? Не углубляясь в сложные внутренние проблемы этой страны,— они являются делом ее без малого шестнадцатимиллионного народа, и ему их решать! — расскажу лишь о том, какой представляется она гостю, преисполненному доброжелательства к ней.

Первое и основное ощущение: как бы ни были сложны и многотрудны проблемы, с которыми ежедневно и ежечасно сталкиваются марокканцы, на многих, и притом важнейших, направлениях достигнут ощутимый экономический прогресс. Вспоминается, как мы глядели с восьмого этажа внушительного здания Марокканского союза труда, главной профсоюзной организации страны, на внушительную панораму промышленного района Касабланки.

Внизу раскинулся мощный порт, у причалов которого стояли под погрузкой и выгрузкой сорок шесть кораблей. Работа в порту шла быстро и слаженно — современное автоматизированное оборудование позволяет, к примеру, за восемь часов загружать фосфатной мукой судно водоизмещением в 10 тысяч тонн. А знаете ли вы, что Марокко стоит на первом месте в мире по экспорту фосфатов? Здесь сосредоточено шестьдесят процентов мировых запасов фосфоритов, этого ценнейшего сырья для удобрений, и фосфаты вывозятся в тридцать стран...

Вправо от порта дымили трубы многочисленных заводов и фабрик — здесь ныне собирают автомобили, делают трансформаторы, холодильники, телевизоры, часы, цемент, автомобильные шины, лекарства, бумагу, самые разнообразные товары. Здесь, в Касабланке, производится две трети промышленной продукции страны. А слева виднелись величественные небоскребы делового центра города — там находятся банки, страховые конторы, самые современные отели и магазины.

Кому все это принадлежит?

Здравствуй, Марокко! У причала Касабланки пришвартовался пароход «Комсомолец Калмыкии». Он привез из Нигерии ценный тропический лес, а здесь примет на борт товары, закупленные нами, для доставки в Советский Союз.

На снимке (внизу слева)— на восточном базаре Марракеша поют и пляшут танцоры. Правее — вид на город и порт Сафи — один из древнейших в Марокко; это город гончаров и моряков, отсюда вывозят во многие страны мира марокканские фосфаты.

В нижнем ряду: слева — новый отель в Рабате, справа — лавка гончарных изделий.

ЖДАНОВ
Rabat hilton

Часть экономики государственная. Другая часть частная. Здесь вложены большие иностранные капиталы. Весной 1973 года король Хасан II провозгласил «марокканизацию» экономики: к 31 мая 1975 года не менее 51 процента капиталов иностранных компаний, действующих в Марокко, должно перейти в руки марокканцев. Стало быть, в перспективе усиление собственно марокканского частного капитала. Но отсюда следует и другое: в перспективе неизбежен дальнейший рост и без того острых социальных противоречий, о которых говорил мне Абдалла Ибрагим...

Причудливо сплетаются в едином клубке разные эпохи и общественные структуры. Только что мы любовались величественным зрелищем вполне современного большого города, но вот всего лишь несколько часов езды на автомобиле по прекрасной асфальтовой автомагистрали среди не так давно посаженных рощ эвкалиптов и пальм, и мы попадаем прямиком в средневековье: это Марракеш, древняя столица саадийской династии, город, обнесенный пятнадцатикилометровой глинобитной стеной, над которой горделиво возвышается знаменитая мечеть Кутубия, возведенная халифом Абу Якобом эль-Мансуром много веков тому назад и поныне остающаяся главной теологической цитаделью ислама на западе арабского мира. У входа в мечеть выразительная надпись: «Не мусульманам вход воспрещен». Ну что же, мы туда не зайдем...

Вы въезжаете в ворота крепостной стены и сразу же попадаете в сказку из «Тысячи и одной ночи»: перед вами знаменитая Джамаа аль Фна — «Площадь казненных», или «Собрание мертвецов»,— когда-то здесь рубили головы приговоренным к смерти и выставляли их на кольях. Нынче же Джамаа аль Фна — нечто среднее между огромным театром под открытым небом и гигантским торжищем. Еще издали до вас доносятся, словно шум прибоя, гомон толпы, грохот барабанов, пение флейт, крики продавцов. Здесь пляшут танцоры; ходят на руках акробаты; бесстрашные заклинатели змей из секты Айссуа вешают себе на плечи ядовитых гадюк и кобр и берут их головы в рот; гадальщики предсказывают людям их судьбу; сказочники рассказывают одну историю интереснее другой; брадобреи орудуют сверкающими на солнце бритвами; сапожники кроят из сафьяна туфли — одно загляденье! — золотых дел мастера чеканят украшения; продавцы гончарных горшков расхваливают свой товар. Вкусно пахнет жареным мясом — здесь же на угольях готовят шашлыки из верблюжатины, сдобренные бараньим жиром.

В длинные-предлинные торговые ряды, укрытые от палящего солнца бамбуковыми циновками, устремляются тысячи покупателей, а еще больше зевак, желающих поглядеть на изумительные ковры, шитые золотом и серебром кафтаны, разукрашенную чеканкой медную посуду, великолепные изделия из кожи, знаменитые на весь свет. Тысячи ремесленников работают здесь от зари до зари, творя эти чудеса искусства и получая за них гроши. В толпе медленно пробирается с ручной тележкой, загруженной до отказа корзинами с финиками, обливающийся потом парень. Он вежливо взывает к правоверным: «Осторожно! Молю аллаха, чтобы он предотвратил вас от удара о мою тележку!» В воздухе смешаны острые ароматы восточных пряностей, благовония духов и весенних цветов, запахи навоза, табачного дыма, разгоряченной лошадиной и ослиной кожи. В фаэтонах и верхом едут люди побогаче. Те, что победнее, шагают пешком. Много женщин, пришедших за покупками, почти все они закрывают свои лица чаршафом — своего рода чадрой.

Так было и сто, и триста, и пятьсот лет тому назад. Для туриста, ищущего экзотики,— раздолье, и сотни иностранцев, поднявшихся на крышу «Кафе де Франс», без устали щелкают затворами своих фотоаппаратов. Снимать в толпе — дело небезопасное: одни могут не на шутку оскорбиться,— ведь коран воспрещает воспроизводить человеческое лицо; другие давно уже махнули рукой на этот запрет, но незамедлительно и весьма энергично взимают с туриста дань,— ты меня сфотографировал, стало быть, я на тебя поработал, значит, гони монету!

Бродишь по тесным улочкам Медины — так называются традиционные мусульманские кварталы арабских городов, где дома стоят спиной к прохожим, окна — во двор, глядишь на ребятишек, которых с трех-четырех лет ставят к ветхим, примитивным станкам вручную ткать ковры,— говорят, что детские пальчики хорошо приспосабливаются к этому делу,— вспоминаешь, что до сих пор только одна треть детей имеет возможность посещать начальную школу, а в средней школе учится всего двести семьдесят тысяч ребят, да и то из них лишь семь процентов остаются до последнего класса, встречаешь худых, с потухшими взорами людей, которым некуда спешить, потому что у них нет работы,— в Марокко сотни тысяч безработных! — видишь из окна автомобиля, как издольщик на своем крохотном клочке земли, принадлежащем богачу, царапает землю деревянной сохой, подгоняя быка или мула, и думаешь, неотступно думаешь: как много еще нужно сделать марокканцам, какой большой путь им предстоит еще пройти, чтобы вывести свое государство на уровень современных требований жизни!

О том, как это сделать, здесь много спорят. Знаменательно, однако, что в самых различных кругах общества в конце концов приходят к единому выводу: жить так, как жили встарь, уже немыслимо, нужна глубокая перестройка экономики и всего уклада жизни. Нам говорили об этом самые различные по своим взглядам деятели — и степенный седовласый ученый-теолог Алляль эль-Фасси, лидер партии «Истикляль», принимавший нас в своей богатой вилле, украшенной великолепной мозаикой и окруженной красивыми цветниками; и лидер профсоюзов, порывистый, подвижный, как ртуть, сверкающий своими черными глазами Махджуб бен Седдик,— он же возглавляет Марокканский комитет защиты мира; и видный адвокат Рабата Буабид, с которым мы встретились в его конторе; и редактор прогрессивного еженедельника «Аль Баян», видный общественный деятель Али Ята, и многие-многие другие.

Путь в грядущее — это сугубо внутреннее дело каждого народа, только сама жизнь покажет, когда и как удастся марокканцам покончить с теми трудностями, которые с неизбежностью встают перед каждой страной, вырвавшейся из-под колониального ига и вставшей на путь самостоятельного развития. Мы же могли лишь самым искренним образом пожелать им всем успеха в решении этой поистине грандиозной задачи.

Здесь же мне хотелось бы особо подчеркнуть только одно, весьма многозначительное и, естественно, глубоко волнующее советского человека обстоятельство: с кем бы мы ни толковали в эти дни в Рабате, в Касабланке, в Марракеше или в любом другом городе, к какому бы слою общества ни принадлежал наш собеседник, везде и всюду мы встречали самое теплое и признательное отношение к нашей стране, к ее опыту, к ее роли в борьбе за мир во всем мире, к ее помощи народам, борющимся за свою свободу, против агрессии, и прежде всего арабским народам.

Далеко отстоит Марокко от Ближнего Востока, но тысячами незримых уз связаны марокканцы со своими братьями по крови, ставшими жертвами израильских интервентов. С чувством законной гордости все наши собеседники напоминали нам, что в дни октябрьских боев у Суэцкого канала и на Голанских высотах храбро сражались марокканские бригады. И в каждой беседе слышали мы слова благодарности Советскому Союзу за ту мощную поддержку, которую он оказал арабам в борьбе за их правое дело и которую он продолжает им оказывать сейчас в борьбе за политическое урегулирование.

В Марокко создана обширная пресса на арабском и французском языках. Каждое утро нам клали на стол большую пачку пахнущих свежей типографской краской газет и журналов. И вот что мне запомнилось: как ни различны были их политические тенденции, ни в одном из этих изданий не проскальзывало не то чтобы враждебное отношение к Советскому Союзу и братским социалистическим странам, но хотя бы даже тень сомнения в их позициях.

Король Хасан II продолжает завещанную его отцом политику нейтралитета и неучастия в военно-политических блоках. Эта политика, как объясняют марокканские руководящие деятели, означает содействие миру и прогрессу путем активного участия в деятельности ООН, поддержку борьбы за разоружение, содействие национально - освободительной борьбе в Африке, сотрудничество с социалистическими странами. Пять американских военных баз, гнездившихся на территории Марокко, ликвидированы.

Наши собеседники тепло вспоминали встречи с товарищем Л. И. Брежневым, который посетил Марокко еще тринадцать лет тому назад — в 1961 году, когда страна делала лишь первые шаги по пути независимого развития, поездки в эту страну товарищей Н. В. Подгорного, А. Н. Косыгина, А. И. Микояна, визит короля Марокко в СССР, совершенный в 1966 году. Результатом советско-марокканских встреч на высшем уровне было подписание целого ряда важных соглашений — об экономическом и техническом, научно-техническом, культурном сотрудничестве, о сотрудничестве в области радиовещания и телевидения, о поставках в Марокко машин и оборудования, о морском судоходстве и других.

И где бы мы ни побывали в эти дни, с кем бы ни беседовали, — везде и всюду заходил разговор о том, как важно это сотрудничество, какие возможности — еще далеко не использованные до конца! — оно таит в себе. В Марокко каждый помнит, что при участии Советского Союза здесь был построен важный гидроузел Нурбаз — плотина и гидроэлектростанция; что с помощью Советского Союза в районе Джерада сооружена мощная тепловая электростанция, которая дает сейчас одну треть всей электроэнергии, какая производится в стране; что недавно на реке Лукос в присутствии короля и посла Советского Союза был заложен новый гидрокомплекс, который предполагается соорудить при экономическом и техническом содействии Советского Союза; что в порту Касабланка советские специалисты помогли соорудить мощный холодильник; что успешно развивается марокко-советская торговля. Мы поставляем марокканцам оборудование, нефть, сахар, лес, ткани. Они продают нам, как я уже сказал, апельсины, пробковую кору — весьма дефицитный в наше время товар, шерсть, сардины...

Все это совершается на равноправной, взаимовыгодной основе, — никто никому ничего не дает даром, но обе стороны удовлетворяют свои интересы. И, конечно же, говорили нам многие марокканцы, на этой основе можно и нужно сделать еще очень и очень многое. Я уже упоминал, что здесь богатейшие запасы фосфатов. Добыча этих ценных минеральных удобрений пока все еще ниже возможностей. Если мы помогли бы марокканцам расши-

Верхний ряд: апельсины, апельсины, апельсины! Это одна из главных сельскохозяйственных культур Марокко. Дары садов этой страны в большом количестве доставляются в Советский Союз. В городах Марокко апельсины продаются на каждом шагу.

Такими древними стенами обнесены многие города Марокко.

Нижний ряд: слева — марокканка возвращается с базара с покупками; многие женщины здесь до сих пор закрывают лицо от взглядов прохожих.

Справа — один из современных кварталов Касабланки.

рить эту добычу, они бы сполна расплатились с нами за эту помощь фосфатами, и обе стороны оказались бы в выгоде...

Я перебираю сейчас в памяти воспоминания о ярких, преисполненных неподдельного ощущения искренней дружбы митингах, собраниях, совещаниях, в которых нам довелось участвовать в эти дни. Явственно вспоминаются горячие рукопожатия, крепкие объятия, бурные аплодисменты, темпераментные речи людей, принадлежащих к самым различным социальным слоям. Рабат, Касабланка, Марракеш... Да, даже в Марракеше, от внешнего облика которого все еще веет средневековьем, мы слышали на митинге в каком-то древнем здании, битком набитом рабочими, ремесленниками, студентами, учителями, горячие речи, преисполненные сознания важности укрепления марокканско-советской дружбы.

— Нам очень важно дружить с вами,— говорил руководитель местной профсоюзной организации Мухаммед бен Кади.— Империалисты не дремлют. Они стремятся внести раскол между народами, борющимися за мир и свободу. Тем энергичнее мы должны крепить единство миролюбивых сил. Мы никогда не забудем о той помощи, которую СССР оказал и оказывает народу Вьетнама и народам арабских стран!

— Да здравствует СССР! Да здравствует марокканский союз труда! — вдруг закричал с места молодой черноволосый парень в просторном бурнусе.

— Да здравствует СССР! Да здравствует марокканский союз труда! — загремел вслед за ним весь зал.

Потом выступали член Марокканского комитета защиты мира, видный общественный деятель Буркия, адвокат Халиль Уарзази и другие. И все они вновь и вновь говорили о том, как важно для марокканцев и для всех арабских народов крепить сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами, говорили о значении Великого Октября, который открыл путь народам всего мира к свободе, о роли нашей державы во второй мировой войне, о помощи СССР народам развивающихся стран. Это был поистине горячий митинг, отражавший экспансивный национальный характер марокканцев и в то же время глубоко проникнутый интернациональным духом. А потом бен Кади пригласил нас к себе домой — его дом затерялся в тесном лабиринте улочек Медины,— и там, среди самых близких его друзей еще долго, до самой полуночи за столом, гостеприимно уставленным национальными яствами, длилась дружеская беседа о том, как важно крепить нашу дружбу.

Сколько было таких встреч — каждый день и каждый вечер — во время поездок нашей делегации по стране!..

...Незадолго перед отлетом на Родину мы побывали в порту Касабланка — нас туда затащил представитель Совморфлота в Марокко Сергей Леонидович Смирнов. Мы торопились в Рабат. К тому же выдался пасмурный день, и панорама порта была затянута густой сеткой дождя. Но Сергей Леонидович настаивал на своем:

— Если вы хотите увидеть марокканско-советское сотрудничество в действии, вам надо обязательно побыть хоть четверть часа в порту!

Перед представителем Совморфлота гостеприимно распахивались все ворота, — его повсюду знали в лицо. Мы ехали мимо гигантских кранов, мимо обширных складских помещений, мимо строящегося с советской помощью холодильника. Невзирая на дождь, порт жил, как всегда, напряженной жизнью. Шла разгрузка и погрузка, надо было спешить,— на рейде выстраивалась очередь новых и новых кораблей. Внешняя торговля Марокко ширится, и грузооборот портов растет.

— В 1973 году,— сказал Сергей Леонидович Смирнов,— в Касабланке побывало двести тридцать семь судов Советского морского флота. Да еще добавьте к этому суда нашего рыболовецкого флота, который ведет промысел в Атлантике. Они тоже заходят сюда. Кстати, гляньте налево,— видите, на верфях стоят двое наших красавцев...

Мы оглянулись. В доках находились «Красногвардеец» из Калининграда и «Тракай» из Клайпеды. Смирнов пояснил нам, что экономически выгоднее ремонтировать и обслуживать рыболовецкие суда здесь, чем гонять их для этого за тысячи километров, в порты приписки. Кстати, здесь же меняются и экипажи. Отбыв свой срок на рыбной ловле, они возвращаются в Советский Союз самолетом, а на смену им прилетает новая команда.

У одного из причалов стоял советский грузовой теплоход «Комсомолец Калмыкии» из Жданова водоизмещением в двадцать тысяч тонн. Нас гостеприимно встретил его капитан — Михаил Данилович Колосов, — он работает капитаном с 1958 года, на этом судне — с октября 1972 года.

— Теплоход новый, — сказал он. — Построен на ленинградской верфи. Экипаж — тридцать девять человек плюс кошка по имени Нюшка и ее пятеро котят, — родились во время рейса. Это, говорят, к счастью...

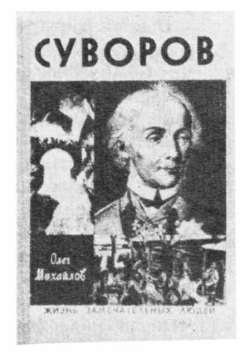
Навстречу нам выбежал серый котенок и замяукал. Капитан взял его на руки и продолжил рассказ:

— В конце января мы ушли из Новороссийска. Повезли цемент в Лагос. Там разгрузились, взяли для Советского Союза 4 770 тонн какао-бобов в мешках. Заодно погрузили там лес для Марокко. По пути подбросили из Абиджана в Дакар груз орехов колы — тоже кое-какой заработок для Морфлота. Выгрузим в Касабланке нигерийский лес, примем здешний генеральный груз, пойдем дальше с приветом из Марокко...

Да, вот именно — с приветом из Марокко!

Мы тепло распрощались с экипажем «Комсомольца Калмыкии», пожелали ему счастливого плавания и умчались в Рабат, — нас ждали новые встречи, новые беседы, новые собрания. И буквально с каждым днем крепло в душе хорошее, теплое ощущение растущей дружбы с этой древней и вместе с тем такой молодой страной, приютившейся на самом дальнем западе большого и столь разнообразного арабского мира.

Многое здесь изменилось за эти четырнадцать лет, многое сделано для укрепления нашего сотрудничества с Марокко, и хочется надеяться, что дружба наша будет шириться и углубляться и впредь. Для этого есть реальные возможности!

БЕССМЕРТНЫЙ ОБРАЗ

За книгами и работами своих друзей по литературному цеху следишь с особенным, доброжелательным, но и строгим, требовательным чувством. Их удачи воспринимаешь с удвоенной радостью, а неуспехи — с глубоко личным огорчением. Вот почему с таким ожиданием воспринял я появление в серии «Жизнь замечательных людей» книгу Олега Михайлова «Суворов».

Не скрою, мне были близки многие критические работы О. Михайлова. Но как сумеет автор проявить свои возможности в необычном и новом для себя историко-биографическом жанре? Какие новые краски и характеристики добавит он к огромной, воистину необозримой «суворианe»?

Удача О. Михайлова, на мой взгляд, заключается в том, что он сумел показать великого русского полководца как плоть от плоти русского народа, как выразителя лучших черт национального характера, как новатора в военном искусстве. Ненавязчиво, силою умело подобранных (и зачастую художественных) деталей автор лепит оригинальный и глубоко самобытный образ «русского Марса», не проигравшего ни одного полевого сражения.

О. Михайлов освобождает от литературного грима облик Суворова, за которым давно уже прилепилась молва чудака. Люди искали странности там, где их нет. Закричит Суворов ночью петухом, поднимая армию, примется играть с крестьянскими мальчишками в «бабки» или выйдет к разводу в ботфорте на одной ноге и в домашней туфле на другой — во всем этом свидетель увидит лишь чудачество.

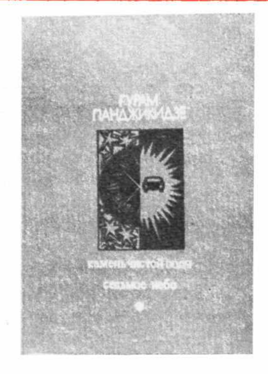
Между тем петушиная побудка сохранит в тайне от шпионов час выступления в поход; домашняя туфля предохраняет разболевшуюся застарелую рану, а русская удалая игра становится родом телесной тренировки и т. д. Заметим далее (и это хорошо показано в книге Михайлова), что все современники Суворова превосходно видели ту грань, за которой кончался «потехи час», чудачество и озорство и начиналось время дела, упорного труда, «бури мыслей», поражавших верностью и глубиной озарений.

Оригинальность суворовской личности — личности великого человека — это плод напряженнейшей самодеятельности, непрерывного самоусовершенствования и конечного торжества духа над плотью. Маленький ростом, хилый Суворов выковал железный организм из своего, казалось бы, малопригодного человеческого материала. В любимом деле, на поле брани Суворов напряжением тренированной воли заставлял себя оставаться в строю после ранений, преодолевал боль,

Олег Михайлов. Суворов. «Жизнь замечательных людей». М., «Молодая гвардия», 1973 г., 496 стр.

ПЕРЕД ТРЕТЬИМ

Творческая эволюция талантливого грузинского романиста Гурама Панджикидзе уже сейчас вызывает интерес, хотя на боевом счету молодого писателя всего два романа. Секрет успеха писателя, видимо, в том, что оба они — и «Седьмое небо» и «Камень чистой воды»,— вышедшие друг за другом на протяжении четырех лет, оказались очень своевременными, хотя и по-разному. Теперь они в русском переводе изданы под одной обложкой, и особенно ясно, что главная сила их автора — в активной гражданской позиции, в прочной связи с «текущим моментом».

Романы Г. Панджикидзе в каком-то смысле представляют собой словно бы две стороны одной медали. Если в фокусе «Седьмого неба» оказался новый, сложный, хотя в общем-то и «отрицательный» герой, то в центре «Камня...» — два друга, два положительных героя, и только во взаимодействии их характеров и судеб полностью раскрывается замысел автора. Герой «Седьмого неба» инженер Леван Хидашели — противоречивая фигура, в которой писатель высветил сложную связь таланта и честолюбия в представителе того молодого поколения, на плечи которого легла современная научно-техническая революция. Леван в самом деле способен быть одним из героев НТР, однако объективная польза от его деятельности вступает в непримиримое противоречие с внутренними, субъективными мотивами, характеризующими героя как карьериста новой формации. Именно это противоречие постепенно разоблачается в романе, приводя к конфликту героя с коллективом завода, с друзьями, с обществом. Гибель таланта, внутренне противопоставившего се-

Гурам Панджикидзе. Камень чистой воды. Седьмое небо. М., «Известия», 1973 г., 384 стр.

слабость, обмороки и, кажется, самую близость смерти. На Кинбурнской косе был ранен картечью в бок ниже сердца, на время потерял сознание, затем продолжал вести сражение, был ранен снова — ружейною пулею в руку, страдал от потери крови, непрерывных обмороков, но довел дело до полного разгрома неприятеля. Семидесятилетним стариком, в Швейцарском походе, поражал выносливостью, терпел холод и голод, сутками не слезал с лошади.

Его воля, сфокусированная в одну точку, передавалась войскам, а непрерывные успехи под суворовским руководством вселяли в них неисчерпаемую энергию. Но, конечно, главная заслуга Суворова, и это подчеркивает Михайлов, заключалась в создании русского солдата нового типа.

В пору углубления социальной пропасти между мужиком и помещиком Суворов сделался народным героем в той степени, в какой боготворивший его русский солдат был и оставался частью русского народа. Однако этот «архирусский генерал» (как назвал Суворова Ф. Энгельс) не был просто ревнителем стародавних заветов, но воплощением деятельного начала, движения, энергии. Как показывает автор книги, простота, добродушие, терпеливость и вера сочетаются у Суворова со стойкостью в несчастье, упорством и выносливостью, необычайной работоспособностью и замечательной преданностью долгу. Он продолжал и развивал военные преобразования Петра Первого, придавая огромное значение учебе, знаниям, опередив военное искусство своего времени.

Книга Олега Михайлова являет нам новый и даже неожиданный жанр, где подлинный исторический документ свободно смыкается с осторожно вводимым домыслом, а мемуарные свидетельства дополняются живыми картинами (иные из которых, например, эпизод «обед у Потемкина», понуждают вспомнить о блестящей традиции нашей исторической романистики). Особо хочется сказать о языке, в который тонко инкрустирована фразеология XVIII века, поговорки и характерные выражения той поры, помогающие воссоздать психологию, облик людей и самые «преданья старины глубокой». Вокруг легендарной фигуры Суворова возникают колоритные образы, яркие фигуры суворовских солдат — «чудо-богатырей», вроде Федора Харламова или гренадера Огня-Огнева.

Суворов жив в овеянной славою отечественной истории, где в поэтическом блеске сливаются быль и сказка. Его победный дух помогал стране в ее самых тяжелых испытаниях. В год рождения молодой Красной Армии, по указанию В. И. Ленина, суворовские заветы вошли в первую книжку красноармейца; под Сталинградом, как вспоминал Маршал Советского Союза К. Рокоссовский, суворовский лозунг «Сам погибай, а товарища выручай» стал «законом для каждого». Профиль Суворова украшает боевой советский орден, имя его дано училищам, где куются кадры будущих офицеров. Вторая, нетленная жизнь Суворова — в героических страницах наследников его славы.

Приумножению этой славы, делу патриотического воспитания, воспитания любви к своему отечеству служит книга о Суворове, написанная О. Михайловым. Автору удалось емко и красочно запечатлеть бессмертный образ одного из самых славных сынов России.

Виктор ПЕТЕЛИН

бя обществу,— таков, думается, пафос этого вполне «производственного» по материалу романа (поскольку действие его протекает главным образом в цехе металлургического комбината).

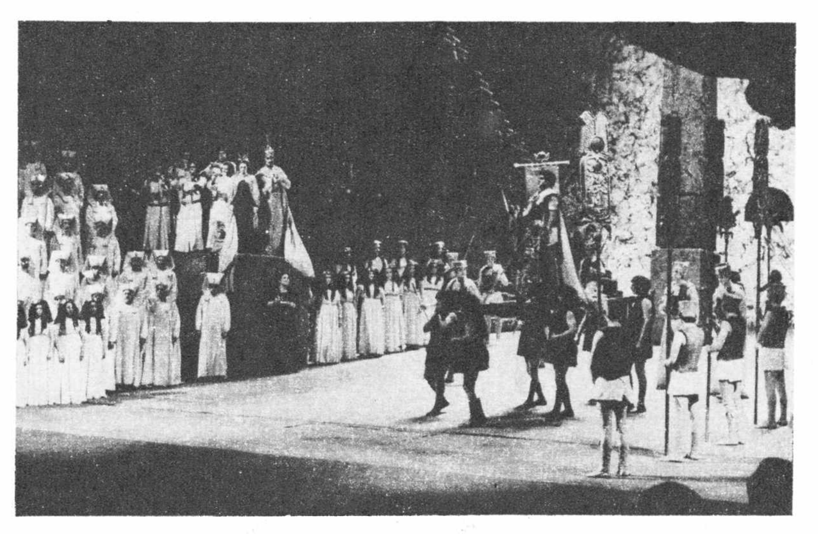
Но продолжим параллель. Если героя «Седьмого неба» Г. Панджикидзе с первых же страниц рисует вполне сформировавшейся личностью и в дальнейшем лишь «раскручивает» этот незаурядный характер, олицетворяющий собой определенный тип связи науки с производством, руководителя — с рабочими, человека — с обществом, то сюжетом второго романа стало, напротив, возмужание, становление, самоопределение героев, которым автор отдает все свои симпатии, хотя прекрасно видит многие их слабости.

Используя ставшее крылатым определение И. Дворецкого, герои «Камня...» — и писатель Отар и математик Тамаз — чувствуют себя (на киностудии и в институте — соответственно) вроде бы именно «людьми со стороны». А ведь эти слова можно понять и как «посторонние люди». Или даже как вовсе «лишние» здесь люди!.. И все-таки этот роман посвящен не поискам героями своего места в жизни, а развитию их самосознания как членов социалистического общества. Писатель пристально прослеживает сам процесс жизни, в ходе которого молодые люди становятся подлинными гражданами. Да, становятся, поскольку гражданами не рождаются, как и солдатами.

Это сближение понятий «гражданин» и «солдат» — отнюдь не случайное, оно закономерно и патетически звучит в финале романа, где перекинут мост от современной молодежи к героической молодежи, сражавшейся на фронтах Великой Отечественной войны. Надо сказать, что если жизненные сложности математика Тамаза относятся большей частью к переживаниям, связанным с обстоятельствами его личной жизни, то сложности молодого писателя Отара гораздо более грозного свойства: его соблазняли деньгами, пытались устрашить, в него даже стреляли. И все-таки всего тяжелее Отару приходится в борьбе с самим собой, ведь перед ним, писателем, остро чувствующим человеческую боль, возникает отнюдь не простой выбор: интерес «ближний», оборачивающийся конкретным благом для конкретных людей, или интерес «дальний», когда в качестве единственно прочного фундамента человеческого счастья признается благо общества.

Разными путями друзья приходят к одному: кем бы ты ни был, какой бы музе ни служил, но прежде всего ты — гражданин своей Родины. Вот почему роман венчают слова Отара: «Важно, не сколько тебе лет, а что ты успел сделать».

Генрих МИТИН

Сцена из оперы «Аида».

Фото Е. УМНОВА.

ДОМ ВЕРДИ В МОСКВЕ

— Гастроли миланского театра в Москве — крупное культурное событие,— сказал на пресс-конференции директор ГАБТ СССР, композитор К. В. Молчанов.— Знаю, что таким же крупным событием были для итальянцев спектакли труппы Большого театра в Милане осенью прошлого года. В современном музыкальном мире заметно и благотворно своеобразное творческое соревнование двух старейших ведущих музыкальных коллективов, которое с успехом может быть названо творческой дружбой. Вспомним, что не только гастролями ограничиваются наши контакты: молодые советские вокалисты стажируются на сцене Ла Скала, в то время как на подмостках Большого театра познают тайны искусства хореографии юные мастера балета из Милана.

— Мы задумали привезти в вашу столицу лучшие творения, представляющие великую итальянскую традицию в музыке XIX столетия,— говорил вслед за тем Паоло Грасси, театральный критик и режиссер, директор театра Ла Скала.— Мы приезжали бы к вам чаще, чем раз в десять лет, но, судите сами, легко ли поднять в дорогу такую громаду,— наш театр?.. Двадцать два оперных спектакля мы покажем на прославленной сцене Большого театра в Москве: «Симон Бокканегра» и «Аида» Верди, «Норма» Беллини, «Золушка» Россини, «Тоска» Пуччини. Дважды прозвучит в концертных вечерах бессмертный «Реквием» Верди...

И вот идут один за другим спектакли Ла Скала в Большом театре Союза ССР. Каждый вечер в переполненном красном с золотом громадном зале мягко гаснут люстры и за дирижерским пультом появляется Клаудио Аббадо, один из лучших оперных дирижеров мира, преемник знаменитого Артуро Тосканини, принявшего некогда дирижерскую палочку из рук Джузеппе Верди. Раскрывается занавес, и мастера итальянского бельканто, сменившие на оперных подмостках Амелиту Галли-Курчи и Энрико Карузо, выносят на суд внимательной и взыскательной аудитории москвичей и гостей столицы свое искусство.

Гастроли Ла Скала в разгаре, рано подводить итоги впечатлений. Но теплый, дружеский прием и высокий интерес к большой, традиционной культуре поющей Италии позволяют считать действительно крупным художественным событием гастроли гостей из Милана.

М. АЛЕКСАНДРОВ

ВЛАДИВОСТОК

ЦИРК СПРАВЛЯЕТ НОВОСЕЛЬЕ

Оригинальное здание из стекла и бетона выросло в центре Владивостока, на улице Ленинской,— в городе рыбаков, моряков и строителей открылся Владивостокский государственный цирк.

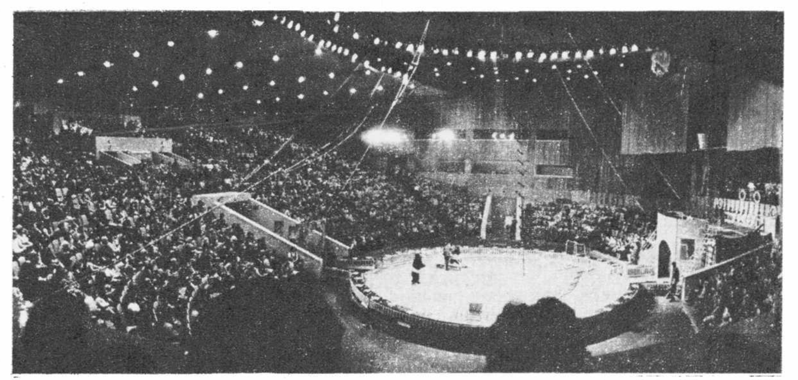
Универсальное сооружение рассчитано не только на цирковые представления: при необходимости арену можно превратить в эстраду, что дает возможность принимать здесь симфонические оркестры, танцевальные коллективы...

Зрительный зал на 2 400 мест оснащен новейшей аппаратурой. Особая установка создает на сцене фон, позволяя заменить театральные декорации и придать действию определенную эмоциональную окраску. Вот, к примеру, выступают Вальтер и Марица Запашные со своими питомцами, тиграми, а на экране возникают пейзажи Уссурийской тайги. Или, скажем, исполняется песня о Москве, и мы видим Красную площадь.

Здание цирка создали московские архитекторы института «Гипротеатр», а открыли его артисты ордена Ленина государственного цирка спектаклем «Мечте навстречу».

В. КУЗНЕЦОВ

Фото автора.

I. НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ЗА СОВЕРШЕННЫЕ ГРАЖДАНСКИМИ ЛИЦАМИ НЕНЕМЕЦКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ ПРОТИВ ИМПЕРИИ ИЛИ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ И ПОДРЫВАЮЩИЕ ИХ БЕЗОПАСНОСТЬ ИЛИ БОЕСПОСОБНОСТЬ, СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ПРИНЦИПИАЛЬНО ЦЕЛЕСООБРАЗНА...

IV. КОМАНДУЮЩИЕ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ И СУДЕБНЫЕ НАЧАЛЬНИКИ В РАМКАХ СВОЕЙ КОМПЕТЕНЦИИ НЕСУТ ЛИЧНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЭТОГО ПРИКАЗА.

Из директивы «Мрак и туман».

ДОМ БЕЗ КЛЮЧА

Ал. АЗАРОВ,
Вл. КУДРЯВЦЕВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки И. УШАКОВА

Первая книга романа А. Азарова и В. Кудрявцева «Дом без ключа» напечатана в нашем журнале в 1971 году (№№ 18—30). Во второй книге этого романа, как и в первой, рассказывается о работе советских разведчиков во время Отечественной войны на территории западноевропейских стран, оккупированных гитлеровской Германией. Сюжет романа «Дом без ключа» основан на действительных событиях, однако ни один из его персонажей не имеет в жизни точного прототипа.

1. Июль. 1943. Париж, рю Марбёф, 6.

По утрам, ровно секунду, Жак-Анри чувствует себя счастливым и спокойным. Секунда эта составляет промежуток между сном и бодрствованием — двумя половинами бытия, исполненными тревог.

От дома до конторы на рю Марбёф можно дойти за несколько минут, но Жак-Анри не спешит. Получасовая прогулка по узким улочкам и сквозным дворам — дань не только привычке, но и подсознательному стремлению оттянуть момент, когда стеклянная дверь с матовыми буквами АВС отрежет его от внешнего мира.

Кабинет мрачен и холоден. Стены, облицованные фальшивым лабрадором, и зачехленная люстра на бронзовых цепях; громадный темный стол на возвышении; кресло со спинкой, уходящей к карнизу; камин, забитый золой; и в довершение всего старомодный сейф на львиных лапах, этакий символ солидности и процветания.

За день глаз привыкает и к сейфу и черному лабрадору, но к одиночеству привыкнуть невозможно, и Жак-Анри ненавидит свой кабинет. Телефон и селектор, два канала для связи с миром, тоже не примиряют его с действительностью. Голоса, возникающие в них, принадлежат по большей части людям, которых Жак-Анри Дюран, директор АВС, не числит среди друзей, но с которыми тем не менее приходится быть на короткой ноге. Секрет в том, что старая АВС, несмотря на внешнюю респектабельность, всего лишь посредническое бюро, и клиентуру ее составляет мелкая сошка, связанная с немцами и черным рынком.

Сегодняшнее утро ничем особым не отличается от всех других, если не считать встречи с протеже бухгалтера Гранжана, намеченной на 10.30. Гранжан так хлопочет, что можно подумать, будто речь идет не о провинциальном юристе, а о кандидате в премьеры.

До назначенного времени остается чуть больше минуты, но Жак-Анри не торопится позвонить в колокольчик, хотя и знает, что Гранжан и Дюпле ждут в приемной. Порядок прежде всего.

Жак-Анри выкладывает на стол утренние газеты и невнимательно разглядывает иллюстрации, не забывая при этом следить за стрелкой ручных часов... Пора... Он прижимает кнопку селектора.

— Пригласите господ.

Спокойное лицо. Холодный, незаинтересованный взгляд. Руки, сложенные на коленях. Жак-Анри Дюран, генеральный директор АВС, готов начать переговоры.

— Добрый день, патрон!

— Входите, Гранжан. Я слушаю, господа.

Сесть не на что, и Гранжан, прикрывая спиной Дюпле, стынет у дверей. Долгая пауза, прерываемая лишь сопением Гранжана. У него, безусловно, полипы в носу, думает Жак-Анри, пытаясь скрыть зевоту.

Гранжан делает шажок, выпуская Дюпле из-за спины.

— Вот тот человек, о котором я говорил, патрон. Он из Оверни.

— Я юрист, господин директор,— тихо вставляет Дюпле, и Жак-Анри едва не вздрагивает.

Консультант — генерал-майор Иг. Михайлов.

— Хорошо, Гранжан, идите. А вы останьтесь.

Жак-Анри наклоняется к газетам, успевая заметить, как Гранжан, выходя, ободряюще треплет Дюпле по плечу. На первой странице «Виктуар» красуется улыбающийся Лаваль...

«Невероятно!» — думает Жак-Анри и произносит:

— Ну, здравствуй же, Жюль!

— Добрый день, старина!

— Вот так сюрприз! Ты давно в Париже?

Поддернув брюки, Жюль присаживается на край подоконника. Выуживает из нагрудного карманчика сигарету и, прикурив, пожимает толстыми плечами.

— Не слишком... А ты неплохо устроился. Кабинет, вывеска—все, как в покойной «Эпок». Кстати, что с ней сейчас?

— Там немцы.

— Ну, а АВС — когда ты вошел в дело?

— В апреле,— говорит Жак-Анри.— Послушай, Жюль, что это — проверка?

— С чего ты взял?

— Не так уж трудно сопоставить. Центр не выходит на связь, никто не является, и вдруг ты, и с таким видом, словно собрался меня экзаменовать.

Жюль перекатывает сигарету в угол рта.

— Не преувеличивай, старина.

— Пусть так!.. Что вас интересует, господин Дюпле? Имена, факты, даты? Извольте! — Скомканная газета с Лавалем летит в камин, а Жак-Анри вскакивает с кресла.— Какого черта ты, старый друг, неделю крутишься вокруг АВС и ищешь ловушку! Говори прямо.

Жюль, не отвечая, трет лоб, а Жак-Анри крупными шагами мерит комнату, машинально смотрит на часы. До вечера и партии в белот у мадам де Тур еще далеко. Кто там будет сегодня? Сама мадам, какие-то немцы из оккупационной администрации, друзья хозяина дома. Муж мадам, Бернгардт Лютце, имперский немец и важная шишка в «Арбейтсайнзац». После разгрома «Эпок» Жак-Анри первые недели жил у них и был в безопасности; мадам никогда ни о чем не спрашивала и делала вид, что пребывание Жака-Анри в ее доме необременительно. Семья де Тур не имела прямого отношения к Сопротивлению, но хозяйка дома доводилась кузиной Жаннет Бельфор, в пансионе которой в Марселе когда-то располагалась радиогруппа Поля. Арест Жаннет и ее смерть в концлагере потрясли Аннет де Тур, и она едва не выставила своего Бернгардта. Мужу пришлось поклясться, что Франция — вторая родина — для него дороже фатерланда, и только тогда ему разрешили остаться.

Жак-Анри и сейчас продолжал бы пользоваться гостеприимством в Сен-Жермен де Прэ, если бы не затея мадам, после которой крыша особняка перестала казаться надежной. Аннет раздобыла где-то несколько граммов цианистого калия и посвятила Жака-Анри в план: на приеме у командующего войсками во Франции генерала Штюльпнагеля она подсыплет яд в шампанское. Экзальтированность могла и впрямь толкнуть мадам де Тур на путь террора, и Жак-Анри, убедив ее, что затея требует тщательной подготовки, сутки спустя съехал с квартиры... С той поры он лишь эпизодически бывает в Сен-Жермен де Прэ, хотя Аннет и отказалась от затеи... Сегодня среда, «карточный день», а без Жака-Анри белот не белот,— он, как утверждает мадам, незаменимый партнер, умеющий, помимо прочего, с достоинством платить любые проигрыши...

Жак-Анри возвращается к столу и включает селектор.

— Два кофе, Сюзи!

Горячий эрзац в фаянсовых чашках не становится вкуснее оттого, что секретарша подсластила его сахарином. Жак-Анри возится с чашкой, выгадывая время, чтобы взять себя в руки.

Сейчас главное — спокойствие.

Жюль гасит сигарету в кофейной гуще и осторожно ставит чашку на подоконник. Мизинцем трогает коротко подстриженные усики. Эти усики и крашеные волосы изменили его, но не настолько, чтобы сделать неузнаваемым. Новое лицо Жака-Анри — бородка «Генрих Четвертый» и полубаки — удачнее: понадобился месяц, чтобы Жак-Анри привык к нему и перестал относиться, как к чужому.

— Центр получил мой отчет?

— Да, в апреле.

Жак-Анри писал, что снял деньги со счетов и через посредников ведет переговоры с АВС. Просил расписание связи и шифр. Центр вышел из эфира и на некоторое время замолчал...

Жюль спрыгивает с подоконника, грузный, приземистый, со знакомой улыбкой на отечном лице. Руки в карманах, шляпа на затылке.

— Не торопись. Начнем с другого: что с Жаклин?

— Она умерла.

— А Рене?

— Расстрелян. Немцы решили, что он из маки, и расклеили оповещение о казни... Потому я и связался с АВС, что Рене уже нет.

— Леграна знал не только он.

— Леграна — да, но не Дюрана. И потом разве ты окликнул бы меня на улице?

Жюль пожимает плечами.

— Нет, пожалуй. Но в АВС я не войду. Пусть Гранжан еще похлопочет. У тебя есть вакансия?

— В том-то и дело, что нет. И Гранжану это известно. Не понимаю, почему он так настойчив? Он что, из Сопротивления?

— Он кагуляр. А ты и не догадывался? Будь осторожнее с ним, старина, у него подозрительные знакомства.

— Мы еще встретимся?

— Разумеется. Подготовь радистов и скажи Технику, чтобы проверил телефон — норд — семнадцать — семнадцать.

— А ответ? Ты привез ответ?

Жюль не спеша достает из карманчика сигарету. Кладет на край стола и щелкает пальцами.

— Как всегда, лимонный сок и марганцовка, две части на одну. Надеюсь, ты не думаешь, что я торчу в Париже полмесяца и прихожу сюда для того, чтобы сообщить Дюрану о недоверии?

Руки в карманах, шляпа на затылке; Жюль доходит до двери и ухмыляется.

— А знаете, господин директор, вам очень к лицу бородка. Только почему Дюран? Мефистофель — и звучно и больше соответствует внешности.

— Добавь, и характеру,— бормочет Жак-Анри, пряча сигарету.— Все шутите, дорогой Дюпле?

— Шучу! — говорит Жюль серьезно.— Запомни адрес: рю ль'Ординер, три. Антикварная лавочка. Я там что-то вроде эксперта по бронзе, о чем господин Гранжан, разумеется, не догадывается. Ты можешь завтра?

— Конечно!.. До свидания, месье Дюпле!

Жак-Анри кивает небрежно, почти высокомерно. Жюль поторопился открыть дверь, а Сюзи, как все секретарши, любопытна и любит подсматривать. Помня об этом, Жак-Анри склоняется над газетами и не торопясь допивает кофе.

2. Июль. 1943. Штутгарт. Адлерштрассе, 11.

По утрам на почте почти не бывает посетителей, и служащие коротают время за разговорами и чтением. Не в открытую, конечно; газеты и книги прячутся в выдвижных ящиках столов и исчезают при появлении начальства. Зомбах знаком с правилами игры и, перешагнув порог, покашливает, рассеянно ощупывает карманы, давая девушкам время скрыть улики.

— Доброе утро, фрейлейн! Есть что-нибудь для меня?

Очень юная девушка, почти подросток, медленно, словно просыпаясь, отрывается от книги. Только что она была Брунгильдой, и рыцарский турнир еще не окончился: белокурые гиганты, обагряя кровью ристалище, ломали о сталь мечи, и искры падали к ногам принцесс...

— Итак, фрейлейн?

— Да, да, ищу... Пожалуйста, господин Зомбах...

Улыбаясь, Зомбах покидает почту, а девушка еще на несколько минут расстается с грезами. В юнгфольке ее приучили к дисциплине, и, кроме того, у нее отец — штаммфюрер, и это обязывает. Книга исчезает в ящике, а мечтательница устремляется к кабинету начальника.

— Хайль Гитлер! Он был и взял письмо!

— Хайль... Закройте дверь. Что за привычка говорить с порога? Вы бы еще вздумали болтать об этом на площади или в зале...

Тем временем Зомбах в трех кварталах от почты дочитывает письмо. В нем нет ничего особенного: короткая информация, что предложение принято и встреча с представителем берлинской фирмы состоится сегодня в 10.00 на Адлерштрассе, в доме одиннадцать.

Зомбах прячет бумажку и пожимает плечами: хотел бы он знать, где эта Адлерштрассе?

На углу скучает шупо, и Зомбах справляется у него. Шупо оглядывается.

— Эй, Ганси, поди-ка сюда!

Зомбах не успевает отказаться, и Ганси, подвернувшийся удивительно кстати, изъявляет желание показать ему кратчайшую дорогу. Он худ и голоног; на коричневой рубашке погончики юнгфолька. Тоже какой-то фюрер лет двенадцати от роду.

Номер одиннадцать. Позолоченные орлы на решетке и начищенная табличка: «Гердт фон Стауниц, коммерции советник»; старинный звонок — разъяренный лев, кусающий кольцо... Хозяин виллы — маленький и полный, в пиджаке из серого твида — держится с простотой давнего знакомого, хотя до этого никогда не виделся с Зомбахом.

— Позвольте шляпу? Сегодня я один за всех — прислуга на собрании у блоклейтера. Что поделаешь, быт связан с некоторыми затруднениями.

— Да, да,— говорит Зомбах и щурится.— Прелестный вид. И какая тишина!

Вид действительно прелестный, но Зомбах не успевает им полюбоваться — двое мужчин выходят из комнат на террасу, и Стауниц испаряется, исчезает, будто его и не было.

— Мы заставили вас ждать?

— Нет, точно десять. Мне кажется, мы можем не представляться?

Голос Зомбаха звучит уверенно. В Берне, в БЮПО[1], он ознакомился с фотографиями в альбоме полковника Лусто и сейчас знает, с кем имеет дело: бригадефюрер Вальтер Шелленберг и его адъютант штурмбанфюрер Эгген.

— Отличная погода,— говорит Шелленберг и улыбается Зомбаху.— Сигару?

— Нет, благодарю. Но вы курите, я люблю запах дыма.

Улыбка Шелленберга становится простодушной.

— Хороший солдат следует примеру начальника. Не так ли? Помнится, тот, кто прислал вас,— враг никотина.

— Он курит трубку.

— Вы правы... Но бог с ней, время дорого, а для бывшего вице-консула Меркеля в тюрьме каждый час — вечность.

— В чем его обвиняют? Или это тайна следствия?

— Никакой тайны нет. Тем более от вас. Меркель занимался шпионажем, и это доказано... Быть взятым на явке, с кучей документов в руках и в обществе офицеров вермахта — в подобной ситуации швейцарское гражданство не служит гарантией от расстрела... Впрочем, вы и сами многое знаете.

— Не так уж много... Я действую по поручению консульства.

Из сада тянет прохладой; лужайка перед балюстрадой словно шахматная доска: темный газон перемежается светлым, низко подстриженным, и у Зомбаха рябит в глазах.

— Значит, консульства? — повторяет Шелленберг.— Я сейчас назову одно имя, и, может быть, оно поможет нам договориться. Вам знакома фамилия Швартенбах?

— Впервые слышу.

— Фирма «Варенфертриб Гмб. Х.»[2]. Контрольный пакет акций и должность распорядительного директора. Наряду с другой должностью — старшего офицера 5-го отдела Генштаба Конфедерации; но там его знают как капитана Майера.

Зомбах не трус, но ему делается не по себе.

— Это вы? — уточняет Шелленберг без признаков улыбки.— Ну, ну, не хмурьтесь... Мы оба разведчики, капитан, и можем найти общий язык не только по поводу Меркеля. Но для этого надо быть уверенным, что мои слова дойдут до бригадного полковника Лусто.

---

[1] БЮПО — контрразведка Швейцарской конфедерации.

[2] Гмб. Х. (нем. — Гезельшафт мит бешренктер хафтунг) — компания с ограниченной ответственностью.

— Не могу поручиться...

— Жаль. Всего одну фразу и надо передать: некто в Берлине хочет переговорить с полковником лично. С глазу на глаз. И, как знать, не вернется ли Меркель в родную семью... Вы могли бы это устроить?

Шелленберг покачивается в шезлонге. Кончик ботинка мячиком скачет над полом: вверх-вниз, раз-два...

— А если Лусто откажется? — говорит Зомбах.

— Тогда Меркеля расстреляют. И, конечно же, газеты не останутся в стороне. Кроме того, боюсь, что история со Швартенбахом тоже попадет в прессу, и, судя по всему, фюрер получит долгожданный предлог для репрессивных мер в отношении Конфедерации. Швейцарское вице-консульство в Штутгарте — резидентура 5-го отдела! Международный скандал!..

Шелленберг встает — невысокий, плотный, в отлично сидящем костюме.

— Ну, а начальник гестапо Мюллер? — спрашивает Зомбах.

— При чем здесь он?

— Раз Швартенбах известен вам, то где гарантия, что гестапо ослепнет?.. Это вы позаботились о полицейском на углу Мекленбургштрассе?

Недоумение Шелленберга совершенно искренне, и Зомбах мрачнеет.

— На этом углу никогда не было поста,— говорит он медленно.— Я две недели гуляю по улице, полицейский появился только сегодня. И еще — мальчишка... Он проводил меня сюда...

— Займитесь-ка ими, Эгген. Кстати, кто выдал письмо на почте?

Выслушав ответ, Шелленберг берет Зомбаха под руку, и этот жест придает капитану уверенность. Он означает подписание и ратификацию договора. Джентльмены, как известно, понимают друг друга без слов.

3. Июль. 1943. Женева, рю Лозанн, 113.

— Ах, Шарлотта, это убийственно скверно! Ты что, не слушаешь?

— Я поняла, но постарайся успокоиться. Возьми себя в руки, Проспер.

Вот так всегда: Шарлотта оживляется только при виде тряпок; огорчения и неприятности мужа ее не волнуют, и Просперу приходится выкручиваться одному.

Присев на ручку кресла, Проспер грызет ноготь и косится на постель, где полулежит двадцатилетнее существо, которое он перед богом и людьми обязался любить до конца дней своих.

Постель и тряпки. Тряпки и постель. А ему скоро сорок пять, и сердце по утрам пошаливает, и текущий счет огорчительно мал. И этот визит из БЮПО, внезапный, пугающий... Что же делать?

Шарлотта натягивает одеяло повыше и присаживается. Похоже, Проспер выбит из колеи. За первой сигаретой следует вторая и тает от глубоких затяжек. Бедный Проспер!.. Чего же все-таки хочет от него БЮПО?

Легкие слезы пощипывают глаза. Их еще немного, и Шарлотта колеблется — сдержаться или дать им волю. Ей так жаль мужа и себя! Еще бы, жить с неудачником и сохранять верность ему совсем не просто. Шарлотта изменила бы, но страх перед новым удерживает ее, и вот уже несколько месяцев она не переступает границ в отношениях с мужчинами. Немножко кокетства и только... Впрочем, так ли это? А Ширвиндт?.. Ох, и дура же она была!.. Ширвиндт выставил ее из конторы — достаточно деликатно, но решительно. Шарлотта дважды в жизни проявляла инициативу; Проспер не колебался и стал ее мужем, а Вальтер Ширвиндт отправил за дверь.

Три порции мартини перед сном и мечты — вот и все, чем осталось утешаться.

— Возьми себя в руки, Проспер. И перестань курить!

Шарлотта покашливает, демонстрируя отвращение к табаку. Слезы высохли, на сердце легко, и Шарлотта соображает, как заставить мужа вернуться к главному — БЮПО и Ширвиндту.

Проспер бросает окурок в вазу с гортензией. Запахивает халат. Шарлотта наблюдает за ним и ждет продолжения.

— Я, пожалуй, соглашусь,— говорит Проспер, и глаза его светлеют.— Другого выхода нет.

— О чем ты?

— О «Геомонд», разумеется. Подумай сама, Лота, а что мне остается? Я не хочу ссориться с полицией. Правда, микрофоны в стене — это незаконно, но, черт возьми, не лезть же на рожон?

— Ширвиндт знает? — говорит Шарлотта.— Ты рассказал ему?

— Нет, конечно.

— Ты трус, мой милый, вот в чем дело. Я полчаса слушаю тебя и думаю, почему ты не указал им на дверь. Это же произвол: микрофоны в конторе и все такое. И потом, откуда ты взял, что они из БЮПО? А если это конкуренты Ширвиндта, сующие нос в его дела? Что будет тогда?

— Ты думаешь?..

— Вот, вот! Конкуренты, гестапо, мало ли кто!

Проспер бледнеет.

— Черт возьми, я поеду в комиссариат!

— И попадешь впросак. Послушай, Проспер. Они еще придут?.. Не говори с ними без меня. Хорошо?

— Как хочешь.

— Ширвиндт—солидный делец, и представь себе, что он найдет микрофоны и пригласит в контору газетчиков. Тебе нравится быть героем скандала? Даже если это БЮПО, в дураках останешься только ты!

Шарлотте почти жаль своего неудачника Проспера.

— Успокойся,— говорит она как можно мягче.— Ничего пока не произошло. Предоставь этих господ мне, и я все улажу.

— Пусть так... Подвинься, дорогая.

Глядя в потолок, Шарлотта обнимает мужа и думает о том, кого хотела бы видеть сейчас на месте Проспера. Это тем более не трудно, что у спальни Шарлотты и кабинета Вальтера Ширвиндта общая стена.

А Ширвиндт в эти минуты не рядом, не за стеной. Служебный кабинет пуст, в спальне убрано, а секретарша, Элен Бертье, роется в личных бумагах шефа. Ей приказано отвечать посетителям, что господин Ширвиндт будет после полудня.

Причины неожиданного ухода владельца «Геомонд» Элен не известны, и она не подозревает, что они прямо связаны с проспектом «Лонжина», пришедшим со вчерашней почтой. Этот проспект валяется в мусорной корзине, которую Элен забыла опорожнить.

Элен в конторе, Шарлотта в спальне и Ширвиндт, спешащий к кинотеатру «Космополитен»,— все трое озабочены — каждый своим — в этот июльский день.

...Рекламный проспект «Лонжина» пришел неожиданно, и, хотя Вальтер перерыл всю вечернюю почту, он не нашел главного — письма, без которого роскошное издание не стоило ни гроша. Можно было век ломать голову, на какой модели задержать внимание, и так и не угадать. Десятки образцов и на каждой фотографии стрелки часов застыли по-разному: двенадцать ноль-ноль, без пяти три, половина девятого... Хорошо еще, что фильмы в «Космополитене» демонстрируют без перерыва!

С этой мыслью Ширвиндт покупает билет. Пересчитывает сдачу и минует турникет. Билетер, подсвечивая фонариком, ведет его на свободное место...

Из конторы Ширвиндт ушел внезапно, с таким расчетом, чтобы у Элен не было времени созвониться с кем следует. В том, что Элен позвонит, Вальтер не сомневался: весь последний месяц БЮПО держит контору под наблюдением. После того, как он принял Элен, наружных наблюдателей убрали.

Устроившись поудобнее, Ширвиндт вытягивает ноги и готовится ждать. Сколько и кого? Кто знает!.. Может быть, пройдет час, а может, целый день. Проспект не дал ответа.

Человек в канотье возникает возле Ширвиндта часа через полтора, когда Вальтер, устав от комедийных страстей, борется с дремой. Ширвиндт осторожно скашивает глаза. Нет, лицо ему незнакомо. Тем не менее Вальтер щелкает зажигалкой, когда сосед достает сигарету.

— Позвольте моей, она совсем новая.

— Вы так любезны...

Совсем не те слова. И вдруг:

— Вам привет от Профессора и Марата.

В подставленную ладонь Ширвиндта падает бумажный шарик. Вальтер встает и, одергивая пиджак, идет к выходу. Лоб его в испарине... После разгрома «Эпок» Центр предупредил, что Жак-Анри скорее всего провалился. А тут — курьер из Парижа...

Турникет подталкивает Ширвиндта в спину, выпуская на улицу. Вальтер надевает шляпу, расправляет поля. Если посмотреть на него со стороны, то легко поверить, что шляпа и только она — предмет его забот. Впрочем, какие осложнения могут быть у владельца картографической фирмы «Геомонд»?

4. Июль, 1943. Париж — Сен-Дени — Кранц

Полдня Бергер бродит по магазинам и ищет желтого игрушечного зайца. Эмми взбрело в голову, что бывают такие, и в последнем письме она поспешила довести свое открытие до сведения отца — огромными каракулями. Расшифровав их, Бергер подумал, что Лизель, очевидно, все еще носится с идеей сделать из дочери художницу — иначе Эмми удовольствовалась бы зайцем нормального цвета.

У площади Этуаль Бергер сворачивает в переулок и заходит в первую же попавшуюся лавку. Сам не зная почему, он уверен, что именно здесь его ждет удача.

И точно. Желтый заяц красуется на самом виду; точнее, парит в воздухе, и Бергер, слегка ошеломленный, не сразу находит взглядом нитку. Это как волшебство — заяц, парящий под потолком. А если не волшебство, то слепой дурацкий случай, помогающий Бергеру в тысячный раз находить то, чего нет.

Оберегая сверток с покупкой, Бергер едет в «Лютецию» на такси. Считанные часы отдыха кончились, и через несколько минут все вернется на круги своя.

Автоматчики у входа знают Бергера в лицо и вытягиваются, но он все еще слишком занят мыслями о доме, чтобы обратить на них внимание.

— Мне звонили, дежурный?

— Да, из Сен-Дени!

— Кто и по какому вопросу?

— Некто Шмидт... Просил вас быть в Сен-Дени не позднее девятнадцати.

В кабинете Бергер снимает пиджак и прячет сверток в сейф; мелкими глотками выцеживает стакан теплой воды и снимает трубку полевого телефона.

— Алло, Меркурий? Дайте Марс.

Далекий Марс откликается не сразу. Бог войны, как и положено богу, соблюдает дистанцию между собой и смертными. Бергер ждет, невесело разглядывая пятно на обоях.

— Здесь Бергер. Меня разыскивали?

— Машина будет ждать вас в семнадцать тридцать. Запомните: площадь Карусель, возле Лувра, у третьего подъезда. Серый «хорьх» с двойкой в номере. Вы поняли?

— Да,— говорит Бергер и кладет трубку.

В назначенное время Бергер слоняется у Лувра в ожидании серого «хорьха» с двойкой в номере. Машина въезжает со стороны Риволи и затормаживает всего на миг — так, что Бергер едва успевает втиснуться в распахнутую шофером дверцу...

Ранние сумерки встречают Бергера при въезде в Сен-Дени. После парижской суматохи, патрулей, жары, запахов бензина и железа двухэтажные домики городка, цветы вдоль асфальта и улицы без машин кажутся заповедником покоя, существующим вне времени и пространства.

Несколько минут «хорьх» петляет по улочкам, но не останавливается и, забрав влево, выезжает на Суассонское шоссе.

— У вас есть оружие? — спрашивает водитель, не поворачивая головы.

— Да,— говорит Бергер.

— Сдайте мне... Так. Я стану на развилке и буду ждать. Дальше пойдете пешком...

Бергер кивает и молодо выпрыгивает на шоссе, едва «хорьх» тормозит; впереди, метрах в пятидесяти запыленный «мерседес», охраняемый полдюжиной мотоциклистов.

Окна «мерседеса» зашторены. В салоне темно, однако не настолько, чтобы ошибиться и не понять, кто сидит в глубине, удобно облокотившись на кожаную подушку... «Некто Шмидт!»

— Садитесь, Юстус...

— Экселенц!

— Ну, ну! Не делайте вид, что потрясены. Слышишь, Зеппль, нам пытаются морочить голову. Каково?

Маленькая такса, ворча, копошится на коленях Канариса.

— Вот что, Юстус, меня здесь нет и вы меня не видели. Я не еду в Париж, следовательно, коллегам из СД нет смысла отрываться от государственных дел и беспокоить вас вопросами о моем самочувствии. Да и, кстати, оно не таково, чтобы превращать машину в кабинет на колесах. Мы с Зеппль старики и любим покой и комфорт.

— Экселенц остановится в Сен-Дени?

— Нет.

— Прикажет сопровождать его?

— Тоже нет, Юстус. Не ходите вокруг да около. Через четверть часа мы с Зеппль улетаем. Вы что, не заметили самолет? Он рядом, в поле.

Адмирал тихо посмеивается, а Зеппль возится у него на коленях, пытаясь укусить себя за хвост.

— Да, Юстус, через четверть часа. Их как раз хватит, чтобы дать вам два полезных совета.

— Я весь внимание, экселенц!

— Так вот. Первый: наладьте отношения с Рейнике, когда он приедет в Париж. Это может случиться завтра, но допускаю, что он прибудет уже сегодня. Второй: получив приказ помогать ему, работайте так, словно абвер и СД родные братья... Хотите что-нибудь спросить?

— Если экселенц позволит... Что произошло?

— Русские опять радируют из Парижа. Еще вопросы?

— Да, экселенц!.. Откуда СД знает о рациях? Пеленгаторы принадлежат нам, я сам читаю суточные сводки, и в них нет ни слова о перехвате.

— Что вы имеете в виду? 621-ю радироту?

— И прочую технику Шустера.

— Капитан Шустер здесь ни при чем. Рации запеленгованы.

Канарис умолкает, поглаживая таксу; рука в серой перчатке осторожно скользит вдоль шерсти, сопровождаемая легким треском. Бергеру становится грустно. В его неуютной жизни вот уже несколько лет нет места даже для собаки.

— Поезжайте в Кранц,— говорит Канарис и переносит руку со спины таксы на колено Бергера.— Приказ о новом сформировании штаба Рейнике в Париже придет не позднее завтрашнего вечера. К этому сроку вам надо знать все подробности, все детали, каждую мелочь...

— Да, экселенц!

— Прощайте, полковник Бергер! Хайль Гитлер!

В «хорьхе» молчаливый водитель возвращает Бергеру пистолет и, услышав короткое: «В Кранц!» — включает скорость.

За Лаоном Бергер перелезает на заднее сиденье; укрывается пиджаком и старается задремать. Впереди длинная ночь, а ему по опыту известно, что ночью да еще в дороге редко удается придумать что-нибудь стоящее.

В Кранц они приезжают на заре, и Бергер, не дослушав рапорта начальника поста, торопится пройти в кабинет.

— Хорошо, капитан. Вам известно, зачем я здесь?

— Мне звонили из Берлина.

Кабинет — стеклянная будка на антресолях огромного зала. Прозрачный куб, позволяющий увидеть длинные ряды столов и операторов, приникших к аппаратуре. Головы склонены к таблицам; левые руки — на верньерах, в правых — карандаши.

Не предлагая начальнику поста присесть, Бергер листает бумаги. Их немного. Первая передача из Парижа перехвачена позавчера, и позавчера же, в 21.10, отмечено появление еще двух раций. Прием, известный Бергеру по делу «Эпок».

— Удалось расшифровать?

— Прошу прощения... Телеграммы очень коротки, и, позволю заметить, криптографам еще предстоит помучиться с ними.

— Понимаю,— говорит Бергер и с досадой захлопывает папку.— Подготовьте копии, я заберу их с собой.

Ничего существенного! Не установлен принцип шифрования. Ясно лишь, что новая группа работает по тому же методу, которым пользовались в свое время люди Леграна...

С копиями радиограмм Бергер спускается в зал. Начальник поста, отстав на полшага, следует за ним.

— Кто из операторов взял Париж?

— Ефрейтор Мильман. Стенд семнадцать.

Начальник говорит полушепотом, почти касаясь губами уха Бергера.

— После смены передайте ему, что он получит награду. Я пошлю представление в Берлин.

— Да, господин полковник! Но боюсь, что представление будет отклонено. Он недавно у нас... Какая-то история с девкой в Париже. Хороший специалист, но откомандирован из 621-й радироты за безнравственность.

Бергер напрягает память: Мильман... Мильман... Нет, фамилия ему неизвестна.

— Еще что?

— Больше ничего. Первоклассный оператор и служит без замечаний.

Бергер издали бросает взгляд в сторону семнадцатого стенда... Мильман... Почему бы и нет? В 621-й радироте у Бергера нет своего человека, а этот ефрейтор, нащупавший парижские рации, может оказать услуги. Сейчас он должен быть зол на тех, кто запер его в Кранце на казарменном положении...

— Снимите его с дежурства!

Начальник поста достает полевую книжку.

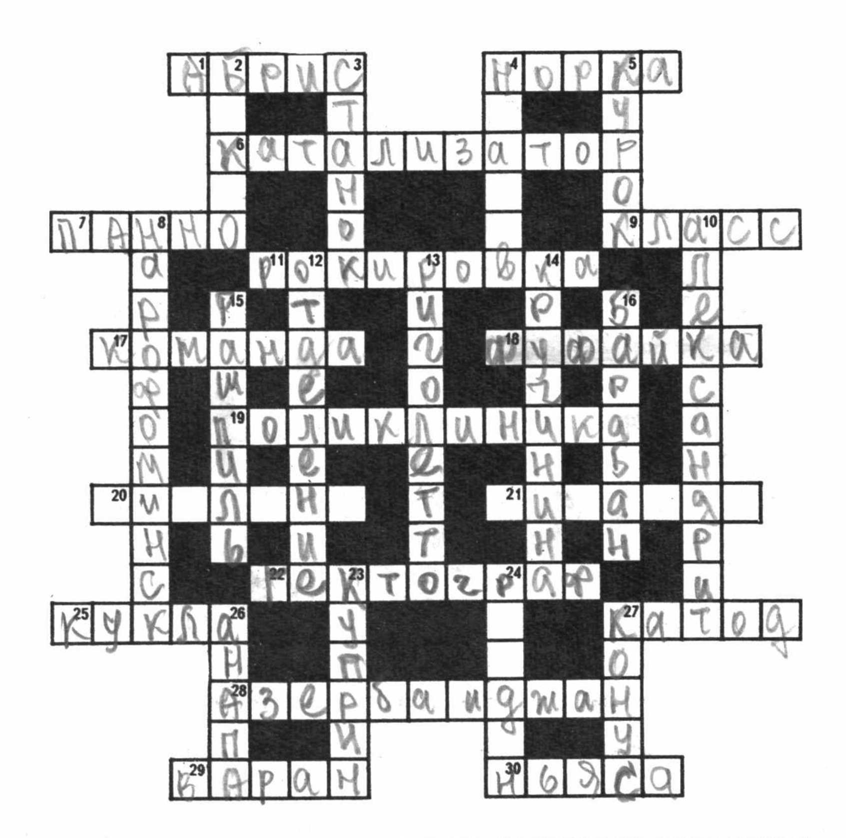
— Что-нибудь не так? Я должен записать.

— Запишите, что я забираю его с собой. Сейчас же. Подготовьте приказ и проездные документы.

Приятно быть сильным и творить добро. Бергер думает об этом и еще о желтом зайце, купленном для Эмми.

Продолжение следует.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Очертание предмета. 4. Пушной зверек. 6. Вещество, ускоряющее химическую реакцию. 7. Художественное текстильное изделие. 9. Комната в школе. 11. Шахматный ход. 17. Экипаж судна. 18. Теплая вязаная рубашка. 19. Медицинское учреждение. 20. Река в Австралии. 21. Спутник планеты Уран. 22. Приспособление для размножения текста, иллюстраций. 25. Роман Б. Пруса. 27. Электрод. 28. Союзная республика. 29. Крупная ящерица. 30. Озеро в Восточной Африке.

По вертикали: 2. Нотный знак. 3. Машина для обработки металла, дерева. 4. Драма А. П. Чехова. 5. Часть ударного механизма в огнестрельном оружии. 8. Город в Московской области. 10. Драгоценный камень. 12. Войсковое подразделение. 13. Опера Дж. Верди. 14. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Без вины виноватые». 15. Напильник. 16. Ударный музыкальный инструмент. 23. Русский писатель. 24. Приток Аракса. 26. Курорт в Краснодарском крае. 27. Геометрическое тело.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали: 3. Манускрипт. 7. Нейтрон. 8. Пирогов. 9. Гриф. 10. Мантисса. 13. Кокс. 17. Кашалот. 18. Фальцет. 19. Штангенциркуль. 20. Пломбир. 22. Уклейка. 24. Сказ. 25. Сикейрос. 28. Конь. 31. Почтамт. 32. «Русалка». 33. Абитуриент.

По вертикали: 1. Анкона. 2. Сириус. 3. Мята. 4. «Трое». 5. Децима. 6. Соболь. 9. Гладиолус. 11. «Нахлебник». 12. Сантиметр. 14. Спектакль. 15. Потанин. 16. Мазурка. 21. Мрамор. 23. Ерошка. 26. Измаил. 27. Огурец. 29. Этна. 30. Март.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление И. К. МИХАЙЛИНА.

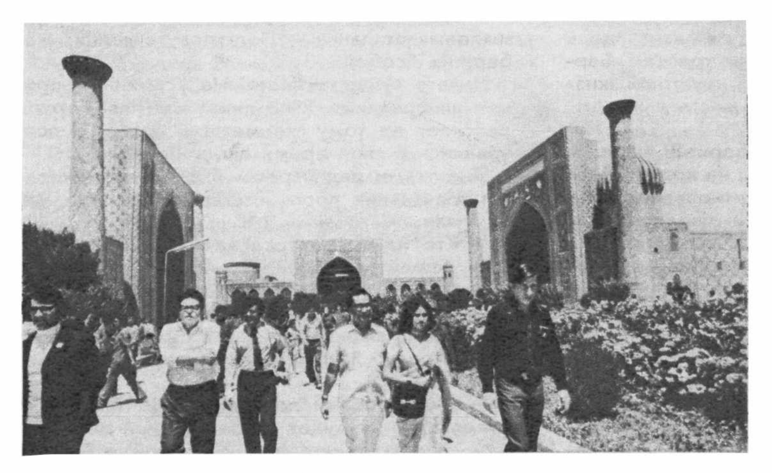
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 20/V — 1974 г. А 00585. Подписано к печ. 4/VI — 1974 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1210. Тираж 2 150 000 экз. Заказ № 2241.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

На первой странице обложки: Фотоэтюд В. Прохорова (на фотоконкурс).

Участники фестиваля посетили Самарканд.

Фото В. СВАРИЧЕВСКОГО

Японская актриса Цуда Киоко в Ташкентском музее искусств.

ТРЕТИЙ

Десять дней в Ташкенте на фасаде гостиницы, носящей имя своего города, развевались флаги государств, участвовавших в III Международном кинофестивале стран Азии и Африки. Девиз фестиваля: «За мир, социальный прогресс и свободу народов!» — собрал представителей более чем из 70 стран разных континентов. Географию Третьего Ташкентского хорошо выражала его эмблема — кинолента, опоясавшая земной шар.

Участников фестиваля можно было встретить в Ташкентском филиале Центрального музея В. И. Ленина, на заводе «Ташсельмаш», текстильном комбинате, в лабораториях научно-исследовательского института садоводства, виноградарства и виноделия, в гостях у узбекских кинематографистов, на собрании общественности Ташкента в честь Дня освобождения Африки, на митингах, посвященных героической борьбе чилийского народа и солидарности с народами стран Ближнего Востока, возле архитектурных памятников древнего Самарканда... Как самых желанных друзей принимали их хозяева.

Участники и гости этого крупнейшего кинофорума вместе с почетными дипломами и призами увезли из солнечного Ташкента на родину яркие, незабываемые впечатления от фильмов, которые создают кинематографисты в других странах, от дружеского общения с коллегами, от встреч и бесед с советскими людьми, от радушия и огромного интереса, проявленных к ним на узбекской земле.

По просьбе нашего корреспондента Татьяны ЛОТИС некоторые из участников III Международного кинофестиваля стран Азии и Африки поделились своими впечатлениями с читателями «Огонька».

СОРМУУНИРШИЙН ДАШДООРОВ, драматург и поэт, главный редактор студии «Монголкино» (Монгольская Народная Республика).

Достоинства Ташкентского фестиваля: дружеские контакты участников и гостей, интенсивный обмен творческим опытом между кинематографистами разных стран и разных художественных направлений — помогают выявить общность взглядов и идейно-художественных позиций мастеров кино Азии и Африки и содействуют сплочению прогрессивных художников, борющихся за мир, социальный прогресс и свободу народов.

МОХАММЕД ЛАМЕЙ, кинодеятель (АРЕ).

Сам факт, что Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев направил участникам фестиваля свое приветствие, тронувшее глубиной мысли и сердечности, говорит о том, что Советский Союз последовательно поддерживает борьбу народов Азии и Африки, и в том числе арабских народов, за социальный прогресс и мир.

РАДЖ КАПУР, режиссер и актер (Индия).

Я и на прошлых кинофестивалях тоже участвовал и в этом году чувствовал себя здесь как дома. А вот мой сын Риши, который также был гостем нынешнего Ташкентского фестиваля, очень волновался: ведь мы в эти дни показывали фильм «Бобби», в котором он сыграл свою первую главную роль. Мы рады, что ташкентские зрители тепло приняли нашу работу.

ИССА Н'ЯНГ, актриса (Сенегал).

Для нас, африканских кинематографистов, Ташкентский фестиваль — это возможность поучиться у вас и рассказать о своих первых достижениях. Ведь мы стремимся следовать лучшим традициям советского кино.

САЦУО ЯМАМОТО, режиссер (Япония).

Атмосфера фестиваля была дружеской, горячей. Нам представилась широкая возможность познакомиться друг с другом, наладить творческие контакты, увидеть прекрасный город Ташкент. Я очень тронут и взволнован тем, что мой антимилитаристский фильм «Люди и война» удостоен здесь диплома Советского комитета защиты мира.

КАМИЛ ЯРМАТОВ, режиссер (СССР).

Ташкентский фестиваль слагается в моем сознании в один, небывало масштабный фильм, отражающий современную жизнь народов Азии и Африки. В этом фильме мне особенно интересна, особенно дорога одна линия: духовное раскрепощение человека, обретение им внутренней свободы, становление характера борца за национальную независимость и социальную справедливость.

АНДРЕ ТОРНДАЙК, режиссер-документалист (ГДР).

Ташкент, красивый и современный город, как нельзя лучше подходит для проведения международного кинофорума, который, надо отметить, был прекрасно организован. Очень хорошо, что в фестивале участвовало так много стран и представителей всех кинематографических профессий. Фестиваль, надеюсь, сослужит добрую службу делу мира.

ЭДВАРД АСУ, режиссер (Нигерия).

Хотя Ташкентский фестиваль называется афро-азиатским, его значение гораздо шире географических границ. Ведь настоящее искусство необходимо всем народам земли.

КОБУРИ ЧОУДРИ, актриса (Бангладеш).

Участие в III Международном кинофестивале стран Азии и Африки позволило нам познакомиться с опытом других развивающихся кинематографий, узнать те проблемы, которые волнуют сегодня человечество. Республика Бангладеш борется за мир и счастье, и потому нам был так близок девиз фестиваля: «За мир, социальный прогресс и свободу народов!»

Мринал Сен, индийский кинорежиссер, и советский писатель Чингиз Айтматов.

Актриса Сальва Мохамед из Туниса и сенегальский кинорежиссер Полен Виэйра.

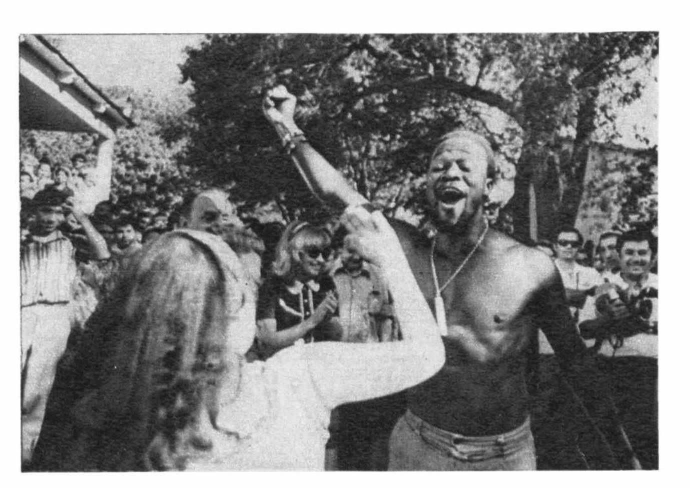

Шуточный танец в долине Аксая.

ТАШКЕНТСКИЙ

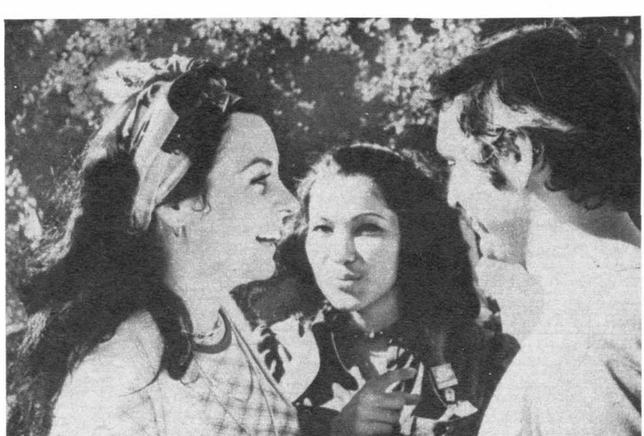
Заместитель председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, ректор Ташкентского государственного университета Т. А. Сарымсаков вручает призы и дипломы.

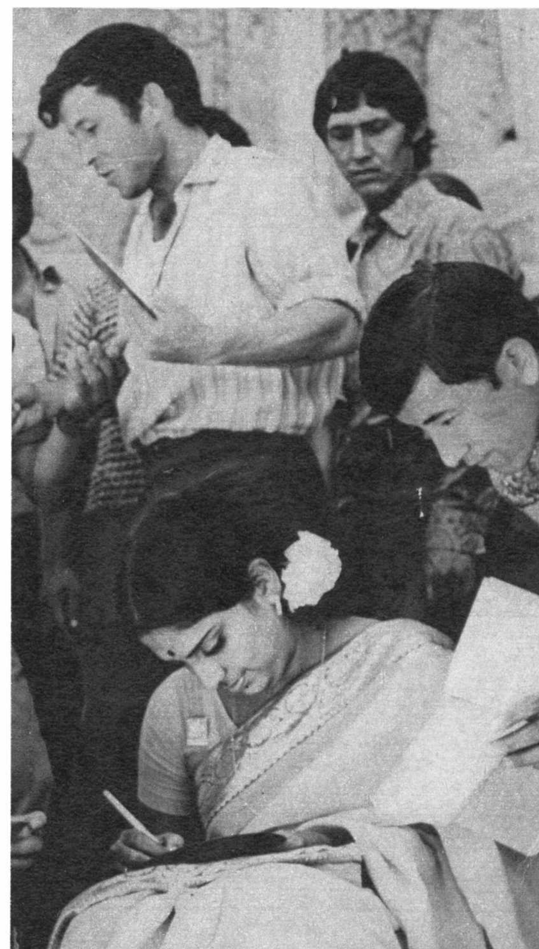

Танец дружбы. Сенегальский актер Нар Сен.

Актриса из Турции Фатьма Гирик, узбекская актриса Тамара Шакирова и кинокритик из Болгарии Ивайло Знепольский.

Индийская актриса Канака Дурга раздает автографы.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663